

18+

Навел Трушников

МИРОВ
ДВУХ
МЕЖДУ

Павел Трушников
Мир двух между

«Издательские решения»

Трушников П.

Миров двух между / П. Трушников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980625-3

Книга повествует о том, как просто бывает стать «преступником по назначению» и как сложно противостоять преступной системе правосудия. Хроника громкого уголовного дела в полном объеме со ссылками на материалы следствия от лица человека, приговоренного к одиннадцати годам лишения свободы. Долгий и тернистый путь автора к восстановлению справедливости между Законом и Беззаконием. Миров двух между... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-980625-3

© Трушников П.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
Часть I. Экскурс в прошлое	10
Бывшие родственники	10
Слухи о вымогательстве	13
Бомба в «китайской стене»	16
Первое задержание	18
Обыски. Задержания	21
Игнатов	24
Сообщник по назначению	27
Факты уголовного дела	29
Сплетни Голандо	32
Прессинг родственников	34
Рассказы Игнатова	37
Адвокат Иван Сытик	40
Размышления о «темных» делах	42
Следствие по уголовному делу	45
Суд и доказательства	48
Возвращение к делу	54
Второе задержание	56
Обвинение. Арест. Тюрьма	58
После освобождения	61
Снятие обвинений. Послесловие	64
Часть II. Миров двух между...	66
Предисловие ко второй части книги	66
Семьи Чабаровых и Бересток	68
История дела в мировом суде	72
Первый взрыв	83
Второй взрыв	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Миров двух между

Павел Трушников

© Павел Трушников, 2020

ISBN 978-5-4498-0625-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* * *

Павел Трушников

МИРОВ ДВУХ МЕЖДУ

**Непридуманная повесть о современной
следственно-судебной системе
на основе громкого уголовного дела**

* * *

Пролог

*«...Оставь надежду всяк сюда входящий...»
(«Божественная комедия» Данте Алигьери)*

Насколько трудно бывает узреть в чем-то истину, и как зачастую гораздо проще принять за действительность то, что человеку убедительно преподносят средства массовой информации. Достаточно публично назвать человека преступником, подкрепить это ссылкой на следственные органы, якобы располагающими неопровержимыми доказательствами, и общественное мнение уже можно будет считать сформированным.

Большую роль здесь играет именно слепая вера в Закон. Ведь, скажем, поверить прокурору гораздо проще, чем уголовнику-рецидивисту, особенно для человека, кто никогда не сталкивался сам со следственно-судебной системой. Человеческое сознание устроено так, что человек любую информацию воспринимает на основе знаний априори и верит в то, во что привык верить.

Закон, писанный на бумаге, дает огромную власть своим «служителям». Со времен Хаммурапи этой властью наделяют избранных служить на благо общества, во имя справедливости. Но одновременно она является и оружием, с помощью которого можно как защитить общество от посягательства, так и навредить ему или отдельным гражданам, выходя за рамки закона.

Закон и Беззаконие, это как два тесно связанных параллельных мира, и современная следственно-судебная система давно переплела эти миры своей паутиной власти в одно целое. А люди, которым дана эта власть, способны совершать множество преступлений ради того, чтобы не дать повода для сомнений в своей правоте. Если человек уже назван преступником, то им он и должен остаться, и неважно Закон или Беззаконие будут сопровождать для достижения этой цели.

Автор этой книги, вплотную столкнувшись с этой системой власти, сам прошел путь от момента, когда был назван преступником, до того как стал считаться таковым уже по приговору суда. Сформировав с помощью СМИ в отношении меня общественное мнение, «слуги закона» взаимосвязано приложили максимум усилий, чтобы оно не изменилось ни при каких обстоятельствах. При этом, используя власть от Закона, они безбоязненно одно за другим совершали преступления, погрязнув в мире Беззакония.

Напомню события, о которых пойдет речь в этой книге, как они остались на памяти простого обывателя благодаря именно средствам массовой информации.

Вечером 21 июня 2012 года в 7-м подъезде дома 14 в четвертом микрорайоне города Тобольска Тюменской области прогремел взрыв. В результате взрыва пострадала женщина, которая в тот момент проверяла свой почтовый ящик. Взрывное устройство с ее слов выглядело как пачка из-под сигарет.

Это происшествие было громко озвучено в местных и региональных СМИ, но через пару-тройку дней событие уже потеряло интерес аудитории. Основными версиями произошедшего на первоначальный момент были предпринимательская деятельность сына пострадавшей женщины и споры по капитальному ремонту дома, где произошел взрыв.

И вот днем 28 июня уже в каждом новостном выпуске Первого канала будоражащая весть – в Тобольске рано утром второй раз за неделю, все в том же доме, при таких же обстоятельствах прогремел новый взрыв. Пострадал мужчина, некто Рифкат Чабаров, которому так же, как и пострадавшей женщине, оторвало кисть руки. Как прямая связь между двумя взрывами в новостях неоднократно повторяется, что взрывное устройство было замаскировано в пачку из-под сигарет, как и в первом случае.

Это событие уже действительно вызвало широкий общественный резонанс. Город заполнила полиция, бдительные граждане сообщали в дежурную часть УВД о любом подозрительном предмете в жилых подъездах. Дом, где произошли взрывы, а также близлежащие дома, были обследованы на предмет возможных новых взрывных устройств. Различных слухов среди населения тоже хватало, и в их числе был устойчивый слух о том, что в том же доме было обезврежено еще одно взрывное устройство.

А буквально через день в СМИ широко прошла новая новость – преступник задержан, его имя объявлено публично, он дал признательные показания и заключен под стражу. Жители злополучного дома и его окрестностей могли днем 30-го июня наблюдать, как проводится следственный эксперимент с участием обвиняемого.

Также СМИ сообщили, что в ходе обыска на даче преступника были обнаружены и изъяты компоненты взрывчатых веществ, из которых он там же на даче изготавливал взрывные устройства, а впоследствии там скрывался, где и был задержан в ходе оперативных мероприятий [39].

Мотивом к совершению преступления, со ссылкой на информацию следственных органов, была обозначена личная неприязнь к Рифкату Чабарову, пострадавшему при втором взрыве, которого преступник таким способом хотел убить в отместку за поданное заявление в суд. Первый взрыв недель ранее, по той же информации, был лишь для того, чтобы ввести в заблуждение следствие, т.е. «для отвода глаз». В дополнение сообщалось, что преступник ранее уже привлекался к ответственности за совершение аналогичного преступления, когда летом 2005 года в процессе вымогательства денег у своего бывшего тестя пытался с помощью взрывного устройства убить его дочь.

Новостные ленты пестрели сотнями комментариев, интернет-форумы и соцсети – горячими обсуждениями произошедших взрывов. Мнения были разносторонними, от предложений четвертовать преступника до выражения сомнений по поводу того, что *«как то все уж слишком быстро и гладко»*.

Подытожил события недель спустя начальник областной полиции генерал Сергей Сидаш, собственноручно наградив более десятка своих подчиненных за оперативное раскрытие данного преступления. Это событие формально подтверждало, что каких-либо сомнений в объективности раскрытия преступления у руководства полиции области не имеется, и преступником является ранее объявленное лицо. Тем более, пресс-служба регионального Следственного Управления СК РФ уже успела заявить, что следствие по делу в скором времени будет закончено и материалы переданы в суд. К слову заметить, что особо отличившимся в раскрытии преступления и изобличения преступника был отмечен майор тобольской полиции Дмитрий Билан.

Вот так выглядела основная картина событий, представленная общественности в конце июня – начале июля 2012 года.

После этого на данную тему в СМИ было довольно продолжительное затишье, лишь время от времени редкие источники сообщали, что обвиняемому продлена мера пресечения в виде содержания под стражей. В начале сентября 2013 года лишь местная пресса сообщила, что уголовное дело передано в суд, и несколько раз после этого тобольский журналист Вадик Калина скупно освещал происходящее в суде с явным негативным оттенком в адрес подсудимого.

И вот в конце апреля 2014 года СМИ наконец-то широко распространили новость – «тобольский взрыватель» приговорен к 11-ти годам колонии строгого режима. Общественности было дано понять, что справедливость восторжествовала и преступник наказан. И вроде бы все последовательно, закономерно и предельно просто, но...

На этих страницах я не задаюсь целью доказать свою невиновность, как многие могут предположить. Для этого существует суд, и в ходе судебных заседаний мной было реализовано практически все, что было возможно. Да и, собственно, чтобы понять основное, достаточно взглянуть на фото с места второго взрыва^[23] и сопоставить прямые факты.

Но, несмотря на реалии приговора, даже таким судебным процессом я остался доволен, потому что нисколько не сомневаюсь, что основная цель стороны защиты была достигнута.

В судебном следствии мы вывернули уголовное дело практически наизнанку, показав суду все моменты, по которым истину можно было понять только однозначно. И нет никаких сомнений в том, что судья Сайдашева все это прекрасно поняла.

Очень жаль, что некому было предать широкой общественной огласке ход судебного следствия. И еще более жаль, что внутренние убеждения и совесть судьи не возобладали над навязанной служебной необходимостью. В настоящее время существует приговор, признанный законным вышестоящими судами, и даже при его явной незаконности он навряд ли когда-то будет отменен. Круг заинтересованных в нем лиц хорошо понимает, что при повторном суде они, скорее всего, потерпят фиаско. И беспокоит их не только то, что приговор может быть оправдательным, а что он вызовет цепную реакцию и каждому придется ответить по степени его участия в этом Беззаконии. Поэтому моя цель на сегодняшний день это лишь рассказать обо всем, что осталось за кадром уголовного судопроизводства, описать преступный вклад каждого участника. Ну и, конечно же, все написанное всецело отдаю на суд читателя.

Мое вынужденное участие в событиях 2012 года вряд ли имело бы место, если бы не было предшествующих событий 2005—2007 годов, которые можно уверенно назвать предысторией ко всему. И в уголовном деле, и в судебном процессе они сыграли очень большую роль. Более того, новостные ленты в 2012 году, как я упоминал ранее, информировали о том, что я якобы также был причастен к взрывному устройству, обнаруженному в доме, именуемом «китайская стена» в 2005 году, и что вымогал деньги у своего бывшего тестя, угрожая взорвать его близких. СМИ прямо говорили: «...ранее привлекался за аналогичное преступление...», хотя никакой аналогии между двумя делами нет и подавно. Все это преподносилось лишь поверхностно, и имеют ли действительно обстоятельства 2005 года какое-то ко мне отношение, так и осталось нераскрытым для общественности.

В первой части книги я намерен полностью в деталях изложить все происходившее в 2005—2007 годах. Для себя я считаю это очень важным. Ну, а кто не хочет вдаваться в это повествование и интересуется лишь историей взрывов почтовых ящиков, может сразу перейти ко второй части книги.

Хочу также отметить, что я не позиционирую себя как главного героя данного повествования. Поэтому умышленно не касаюсь своей биографии, работы и иных моментов жизни, не связанных с описываемыми событиями, кроме того, что напрямую имеет отношение к делу и в какой взаимосвязи я находился с теми или иными персонажами.

Суть этого заключается в том, что на моем месте мог фактически оказаться любой человек со своей биографией, родственниками и знакомыми. Так что, я – всего лишь действующее лицо, невольно оказавшееся втянутым в данный круговорот событий или, точнее сказать, в мясорубку нашей судебно-следственной системы.

Эти и другие материалы также размещены в свободном доступе на сайте <http://mdm2012.com>.

Часть I. Экскурс в прошлое

*«Не зная прошлого, невозможно
понять подлинный смысл
настоящего и цели будущего...»
(М. Горький)*

Бывшие родственники

Одним из основных фигурантов тех давних событий является мой бывший тесть Голандо Владимир Игоревич. На начало 2005 года в статусе бывшего тестя он находился уже порядка семи лет и каких-либо отношений ни с ним, ни с членами его семьи я практически не поддерживал.

На закате советского времени Владимир Игоревич был руководящим работником среднего звена в строительстве, с ярко выраженной комсомольско-партийной карьерной направленностью. Он был из тех людей, которые старались мало-мальски двигаться по карьерной лестнице, импонируя руководству лояльностью и умением красиво говорить. В то же время, в отличие от большинства руководящих работников, он был напрочь лишен деловой предприимчивости. Другими словами, когда все кто мог разворовывали страну и государственные предприятия, Владимир Игоревич идейно работал за зарплату. Поэтому и руководящими должностями в жизни не обогатился. Жена, две дочери, квартира в порядке очереди от государства, «Запорожец» на накопленное с зарплаты – вот стандартная советская семья Голандо, не избалованная жизненными изысками. И внешне со всех сторон Владимир Игоревич выглядел бы положительным персонажем, если бы не существование близнецов Леша и Катя Орловых, плодов бурного Володиного романа параллельно семье, которых он бросил на произвол судьбы еще до рождения. На протяжении долгих лет он «шепотом» будет врать своим близким друзьям, не желая выглядеть в их глазах полнейшим негодяем, что проявляет заботу о своих внебрачных детях. Хотя мне лично, будучи раскрепощен алкоголем, он тет-а-тет признавался, что отношений с этими детьми не поддерживает и от чего якобы очень страдает, но на это есть определенные причины. Уже позже, его младшая дочь, моя первая супруга, раскрыла семейную тайну, что когда-то давно отец уходил из семьи к другой женщине (тогда то и были зачаты близнецы), а потом, вернувшись обратно, он поклялся своей супруге забыть для себя существование этой женщины с их общими детьми. Хотя клятву он эту нарушил, но уже спустя много лет (в конце 2000-х годов), когда со своей супругой начал проживать отдельно, а близнецы Леша и Катя выросли. К тому времени Володя немного обогатился, разворовывая доверенное ему предприятие (об этом чуть позже), и даже стремился воссоздать оставленную когда-то семью. Но подхалимство и лицемерие, по всей видимости, не возобладали над некогда брошенной женщиной, и идея создания семьи с уже готовыми взрослыми детьми потерпела неудачу. Впрочем, Владимиру Игоревичу, на данное время живущему в гордом одиночестве, ничто не мешает хвастаться, что у него есть еще одна дочь, а главное – взрослый сын. Примером тому его аккаунты в социальных сетях.

Кстати, к месту будет заметить, что супруга его, Людмила Андреевна, будучи по профессии воспитательницей детсада, успела какое-то время поработать начальником отдела кадров в одной с мужем организации. И это обстоятельство наложило отпечаток на всю дальнейшую жизнь в виде несоизмеримого высокомерия. И до самой смерти, которая постигла ее не так давно как результат хронического алкоголизма, ее высокомерию можно было позавидовать.

А что касается моих былых личных взаимоотношений с бывшей тещей, то тут можно смело обозначить, что ее «нелюбовь с первого взгляда» в свое время очень быстро переросла во взаимную неприязнь, которая особо никем не вуалировалась.

В самом начале 90-х Владимира Игоревича пригласили принять участие в строительстве водолечебницы в черте города на месте законсервированной минеральной скважины. Здесь ему тоже полноценно удалось проявить свои хозяйственно-организационные способности, и по окончании строительства организатор и идейный вдохновитель данного проекта предложил кандидатуру Владимира Игоревича на должность руководителя образованного предприятия. Вот таким образом мой бывший тесть стал генеральным директором акционерного общества «Родник», более известного в городе как водолечебница «Родничок».

Акции предприятия сразу были распределены между инвесторами и участниками строительства в погашение задолженности по зарплате. Коллективу строителей в то сложное время тоже не оставалось выбора, как переквалифицироваться в персонал водолечебницы и продолжать работать в построенном ими предприятии. Тем более, имея акции, они по факту являлись частично его собственниками. Основным же инвестором строительства был региональный социальный фонд, который впоследствии продолжительное время «поставлял» водолечебнице клиентов. Так же, весомую часть клиентов лечебнице отправлял профсоюз Тобольского нефтехимического комбината. Таким образом, фактически живя на деньги бюджетного фонда и градообразующего предприятия, «Родник» функционировал около десяти лет.

И здесь тоже, как честный труженик, Голандо работал и жил на одну зарплату. Пожалуй, за все время функционирования «Родника» единственным обогащением генерального директора было списание в свою собственность некогда подаренного предприятию «РАФика». Но в этом прослеживался экономический смысл – после того, как семейный «Запорожец» был подарен старшему зятю в качестве свадебного подарка, тесть всецело пересел на служебный «РАФ», а списание его в свою собственность избавило предприятие от лишних налогов, хотя на самой эксплуатации автомобиля это никак не отразилось.

Какого-либо значительного развития под руководством Владимира Игоревича предприятие не получило и, потеряв две вышеобозначенные «кормушки», к началу 2000-х годов водолечебница прекратила свою деятельность, а значительную часть работников пришлось сократить. Помещения были сданы в аренду разным фирмам под офисы и склады. Выручка от аренды и функционирующий банный комплекс – на 2004 год это единственные небольшие доходы некогда процветавшего предприятия, позволяющие платить основные налоги и зарплату генеральному директору с коллективом из 2—3 человек.

И все же минимальную предприимчивость Владимир Игоревич проявил. Когда представлялась возможность, он за бесценок скупал акции у своих работников, и на 2004-й год ему принадлежала примерно треть всех акций водолечебницы от их общего количества. И еще во времена процветания предприятия, в середине 90-х годов, он в узком семейном кругу не раз заикался о том, что когда-нибудь он продаст акции «Родника» и обеспечит себя и своих близких на всю оставшуюся жизнь. Не знаю, на чем именно были основаны эти фантазии, но в реальности в 2004-м году у разорившегося «Родника» единственным ценным активом осталось только здание. Насколько мне известно, заинтересованные в его покупке лица находились, но продать только одно здание было трудоемко, поэтому Владимир Игоревич искал покупателя, готового приобрести предприятие целиком. Оптимизмом Голандо тоже обладал невероятным, обнадеживая себя и своих акционеров, что водолечебница рано или поздно будет в любом случае востребована.

И вот в конце 2004 года «Родником», а именно идеей возрождения водолечебницы, заинтересовался предприниматель Евгений Савин, владелец строительной фирмы «Артель-С». Не знаю, какие у них были с Голандо договоренности по продаже, но даже по матери-

алам нашего уголовного дела навскидку видно, что далеко не все там чисто. Казалось бы, что проще скупить акции у каждого владельца в отдельности, стать единоличным держателем акций и фактически владельцем предприятия. Но в реальности была реализована какая-то сложная схема, по которой деньги Савиным переводились на расчетный счет самого «Родника», затем нужно было время на уплату предприятием каких-то налогов (со слов Голандо), и лишь после этого бывшие акционеры получали свои деньги. При этом за свои акции люди получили на треть меньше от того, что изначально было обещано Владимиром Игоревичем. Поэтому, по скромным меркам, каждый второй акционер был недоволен такой сделкой и чувствовал себя обманутым. Черпая информацию из материалов уголовного дела, проведя нехитрый расчет, получалось, что сам Голандо за свои акции получил официально всего около 600 тысяч рублей. На начало 2005 года эта сумма примерно эквивалентна стоимости однокомнатной квартиры. Мало того, что эта сумма никак не могла обеспечить Володю на остаток жизни, как он об этом говорил, но и чтобы вымогать что-то с этих денег, этого мало, что очевидно.

После продажи предприятия и его возрождения за счет нового хозяина Голандо так и остался руководить лечебницей. Здравый расчет предприимчивого Савина понятен – лучше Голандо во всех нюансах «Родника» навряд ли кто разбирался. Но вот уж наверняка не предполагал Евгений Михайлович, что через десять лет, воспользовавшись трудностями своего хозяина, Голандо решит обманом перевести предприятие в свою собственность. Как та неблагодарная собака, кусающая за руку накормившего ее хозяина, Володя будет козырять правами на «Родник» в лицо Савина, который временно и формально его же ими и наделил. Лишь привлечение надзорных и фискальных органов с организацией различных проверок предприятия позволило поставить все на круги своя и вернуть «Родник» полноправному хозяину.

Причем даже в такой ситуации Евгений Савин проявил высшую добродетель – вскрывшаяся «черная бухгалтерия», различные махинации и многолетние хищения со счетов предприятия, которые Голандо осуществлял при помощи своей старшей дочери Ольги, по совместительству бухгалтера лечебницы, все это могло грозить Владимиру Игоревичу весьма серьезной уголовной ответственностью. Но Савин довольствовался лишь бесславым уходом своего бывшего топ-менеджера вместе с дочерью восвояси и не стал предавать эту историю широкой огласке.

Слухи о вымогательстве

Что касалось меня, то 2005 год сразу не задался. Получив в начале января серьезную травму и перенеся сложную операцию на печени, я практически оторвался от внешнего мира и всех дел. На восстановление организма, когда я уже более-менее стал передвигаться в обычном режиме, ушло месяца три-четыре. И большую часть времени в тот период я проводил дома в больничном режиме.

О том, что у моего бывшего тестя кто-то пытается вымогать деньги, я вскользь услышал от своей матери примерно в конце февраля – начале марта 2005 года. Она, в свою очередь, об этом узнала от своего внука Антона, моего старшего сына, общего ребенка с первой женой. Он поделился с бабушкой, что *«какие-то дяденьки приезжали к деду Вове на машине из Тюмени и просили у него деньги»*. Потом в телефонном разговоре с бывшей женой вновь всплывает момент, что поступают звонки с угрозами, и у ее отца требуют деньги. Но в подробности я не углублялся, потому что общение с ней ограничивал интересами ребенка, тем более, как я уже говорил, отношений с бывшими родственниками не поддерживал, и их жизнь меня не интересовала.

В конце марта мне позвонили из местного отдела по борьбе с организованной преступностью (ОБОП) и под выдуманным предлогом пригласили на беседу. Саму суть предлога я уже не помню, но в то время со здоровьем у меня было еще не очень хорошо, и я мало куда выходил из дома. Что-то от меня якобы требовалось очень важное, но в то же время пустяковое, и я согласился приехать. В ОБОПе два оперативника, Сергей Новоселов и Дмитрий Радион, буквально с самого начала беседы начали атаковать меня обвинениями в вымогательстве денег у бывшего тестя, что изначально ввело в ступор от непонимания, каким образом я могу иметь к этому отношение. В процессе разговора выяснилось, что обвинения в отношении меня высказывают именно бывшие теща и тесть. Со слов оперативников, чета Голандо прямо называла меня единственным врагом их семьи и утверждала, что вымогать с них деньги кроме меня никому. Беседу в ОБОП мы закончили на более-менее дружественной ноте, я объяснил про свое состояние здоровья с января месяца, и оперативники были этому моменту удивлены – супруги Голандо, обвиняя меня в вымогательстве, не сочли нужным сообщить, что мое нынешнее состояние навряд ли позволяет осуществлять в отношении них какие-то действия, хотя прекрасно об этом знали.

После посещения ОБОП я по телефону попытался высказать претензии бывшей жене, но она сказала, что не в курсе того, что ее мама с папой говорят в отношении меня. По поводу того, что происходит, она тоже ничего существенного не прояснила, все то же самое я слышал от оперативников. Тогда я попросил ее, чтобы она передала просьбу своему нынешнему мужу, Сереже Ярину, встретиться со мной.

Сережа Ярин появился в семье Голандо практически сразу же после нашего развода в 1998 году. На тот момент Сережа был гастарбайтером фактически без определенного места жительства 35-ти лет от роду, и Лариса Владимировна, моя бывшая супруга, подобрала бедолагу буквально с улицы, приведя в родительский дом, где проживала с нашим общим сыном после развода. Сережа был мужчина малопьющий и работающий, поэтому супруги Голандо быстро смирились с новой пассией младшей дочери и новым членом семьи. Хотя у новоиспеченной тещи к новоиспеченному зятю особой любви не проявилось, и зять так же отвечал сдержанной взаимностью.

Около полугода спустя Владимир Игоревич продал квартиру своих покойных родителей в подгорной части города и купил младшей дочери с новым мужем отдельную жилплощадь. Через пару лет они решили обзавестись общим ребенком, а еще через пару лет трудовыми

усилиями Сережи Ярина купили более просторную квартиру по соседству с моей матерью. Чем последняя была очень довольна, так как внук теперь жил в непосредственной близости, да и взаимоотношения с бывшей снохой у нее были хорошие.

Ярин ко всем знакомым, и особенно старым знакомым своей жены, относился довольно холодно, потому как страдал патологической ревностью, коей, впрочем, страдает до сих пор. Довольно продолжительное время он проработал в службе безопасности нефтехимкомбината, чем приобрел себе очень недобрую славу среди его работников. Многие там его просто ненавидели, особенно те, кто благодаря его служебному рвению лишился работы. Меня он очень долгое время сторонился, можно даже сказать «волком смотрел», а я на общение не навязывался. Лишь по прошествии лет пяти, как Сережа обосновался в Тобольске, у нас с ним начали появляться общие знакомые, и какое-то маломальское общение при встречах стало присутствовать. Хотя даже приятельскими отношениями это назвать было сложно. Но, несмотря на его некоторые недостатки, в общем Сережу я считал довольно таки адекватным человеком. По крайней мере, самым адекватным из всей родни Володи Голандо. Потому и, когда возникла эта ситуация с вымогательством и обвинениями в мой адрес, то я решил поговорить именно с ним, чтобы прояснить ситуацию.

На мою просьбу Сережа отозвался буквально на следующий день и приехал ко мне с практически нескрываемым любопытством, зачем же он мне понадобился. Я же просто поведал ему обстоятельства своего визита в ОБОП и попросил прояснить как происходящее, так и почву обвинений в мой адрес. По поводу обвинений он сказал просто, что его теща помешана на моей персоне, и во всем, что бы не происходило негативного, ей видится какое-то мое участие. Причем сказал он это с явной иронией, направленной именно в адрес тещи. Ему то было известно, что за последние семь лет мы с Людмилой Андреевной даже словом не обмолвились. А что касаясь вымогательства, он рассказал, что периодически поступают звонки и какой-то человек, обычно находящийся в пьяном состоянии, говорит, что Голандо должен ему денег и если их не отдаст, то пострадают все его родственники. Причем звонят не только самому Владимиру Игоревичу домой и на работу, но и обеим дочерям с навязчивой просьбой вразумить отца. Свое общее мнение Сережа обозначил так, что всерьез он эти звонки не воспринимает, но ему не нравится, что звонят и к нему домой тоже. Мол, попадется ему этот звонящий, и Сережа разберется с ним по-свойски. Этого его мнения мне было вполне достаточно, чтобы на какое-то время забыть и про ОБОП и про бывших родственников.

Чуть позже я даже не придал особого значения случайному прохожему, улыбающемуся пареньку, который подошел однажды вечером к нам с моей второй женой Мариной во время выгула собаки. Слишком частым явлением это бывало, что на улице подходят люди и интересуются собакой. Со временем просто начинаешь автоматически отвечать на такие вопросы, ибо знаешь, что этот человек минут через десять сам забудет и про собаку, и про меня. Но в случае с тем пареньком было некоторое дополнение – удовлетворив свой интерес по поводу собаки, он, перед тем как отойти от нас, как бы невзначай кинул мне фразу, смыслом которой предпологалось, что не нужно лезть в дела бывших родственников. Лицо его было очень типичным и мне показалось, что буквально на днях я его уже видел. И, исходя из того, что на тему вымогательства накануне я говорил с оперативниками ОБОП, то улыбочивого паренька я где-то на уровне подсознания воспринял за их коллегу, который, по всей видимости, видел меня у них в отделе и в курсе обстоятельств той самой беседы.

Лишь спустя время, когда все эти события наберут обороты и серьезность, мне станет известно, что примерно в апреле на адрес Яриных, договорившись на улице с прохожим мальчишкой, неизвестные отправят коробку, внутри которой будет по-киношному имитировано взрывное устройство. Это было что-то типа пластикового цилиндра, вьющегося телефонного провода и обычного китайского будильника. А чуть позже, в подъезде, где проживала Ольга

Волкова, старшая дочь Голандо, взорвется что-то типа петарды, и этот инцидент тоже привяжут к эпосе с вымогательством, хотя никаких связей между этими двумя обстоятельствами никто не устанавливал.

Бомба в «китайской стене»

Во второй половине дня 23 июня 2005 года по городу расползается слух – в доме 16 восьмого микрорайона, более известном в городе как «китайская стена», нашли бомбу. Чуть позже местные новости, со ссылкой на прокуратуру сообщили, что в подъезде дома обнаружена коробка из-под торта, в которой находилось мощное взрывное устройство из гексогена, способное обрушить несколько подъездов дома. Жители эвакуированы, вызвана бригада саперов Тюменского ОМОН, которые обезвредили бомбу, вывезли за город и уничтожили. Также сообщалось, что взрывное устройство изначально было передано жительнице дома, дочери известного в городе предпринимателя.

Событие очень взбудоражило жителей города, о бомбе в «китайской стене» знал практически каждый. Оно быстро обросло слухами и версиями, передаваемыми из уст в уста. Жители злополучного дома были реально напуганы, так как на тот момент прошло еще немного времени с момента террористических актов в центральной России, когда при взрывах домов погибло огромное количество людей. Тем более что тоболяков пугали все тем же страшным словом «гексоген», которое несколько лет назад страшило всю страну.

Как выяснилось позже, эту коробку из-под торта принесли два мальчугана по адресу, где проживала с семьей Ольга Волкова, в девичестве Голандо, старшая дочь Владимира Игоревича.

Накануне, в районе вещевого рынка «Арбат» к двум мальчикам школьного возраста подошел мужчина и попросил за определенную плату отнести по адресу коробку с тортом и передать ее девушке Лене. Примечательно, что так зовут старшую дочь Ольги, внучку Голандо. С этим тоже связан интересный момент, о котором я расскажу позже. Дверь мальчикам открыла сама Ольга, но, выслушав их, коробку не взяла, попросила оставить ее между этажами, а мальчиков завела в квартиру. После этого она позвонила отцу, а потом вызвала милицию. Приехавшие сотрудники, по всей видимости, передали информацию дальше и к месту происшествия стали стягиваться представители различных силовых и следственных структур. Был вызван кинолог, из рапорта которого следует, что его собака, обследовав коробку, показала наличие взрывчатых веществ. После этого было принято решение вызвать бригаду саперов Тюменского ОМОН, потому как таких специалистов в Тобольске не имелось.

Приехавшие саперы, согласно рапортам, определили, что в коробке находится взрывное устройство, вещество в котором по запаху напоминает гексоген. Но, несмотря на заключение саперов, что взрывное устройство может подлежать транспортировке и быть направлено на экспертизу, коробка была вывезена за пределы города и уничтожена с помощью гидропушки, в процессе чего произошел взрыв. На месте взрыва каких-либо остатков взрывного устройства обнаружено не было.

Городской прокуратурой было возбуждено уголовное дело по факту изготовления и передачи взрывного устройства, а также покушения на убийство гражданки Волковой Ольги Владимировны. Впоследствии, уголовное дело было объединено с ранее возбужденным по факту вымогательства у гражданина Голандо Владимира Игоревича.

Но еще до того момента, как мне стало известно с кем именно связано данное происшествие, внимание привлекло именно то, что сообщали новости, ссылаясь на следователей прокуратуры. Интересно было, что же именно там обнаружили, раз прокурорские работники на месте заключили, что мощность бомбы при взрыве была способна разрушить несколько подъездов дома. Тем более, взрывное устройство по умолчанию позиционировалось как небольшого размера, раз уместилось в коробку из-под торта. И это при известных обстоятельствах, что при терактах в Москве и Волгодонске преступники мешками привозили гексоген и складировали его в квартирах первых этажей. То есть масса того гексогена, что в реальности разрушил дома и унес много жизни, исчислялась если не тоннами, то, по мень-

шей мере, сотнями килограммов. Для чего тобольской прокуратуре нужно было умышленно дезинформировать общественность и создавать паническое настроение среди жителей дома, когда в подобных случаях, даже при наличии реальной опасности, они должны действовать с точностью до наоборот.

Забегая вперед, скажу, что в действительности в коробке из-под торта находилась обычная алюминиевая банка из-под «Фанты» емкостью 0,33 мл, наполненная монолитной массой светлого цвета, в которую уходили провода от примотанного к банке радиопейджера автосигнализации. И прокуратуре несомненно было изначально известно, что из себя представляет «взрывное устройство».

Если на тот момент у меня закономерно промелькнуло какое-то сомнение, то сейчас, основываясь на материалах дела и показаниях непосредственных участников тех событий, я уже уверен, что никакого реального взрывного устройства в помине не было. Как, собственно говоря, считаю, что и вся эпопея с вымогательством у гражданина Голандо, это не более чем фикция. Фактические доводы этим заключениям я приведу в процессе изложения событий.

Я, конечно же, заострил свое внимание на произошедшем, тем более, когда узнал, чья семья оказалась в центре событий. И даже участвовал в каких-то общих обсуждениях по этому поводу со своими знакомыми. Но я никак не мог предположить, что это происшествие коснется меня вплотную.

Первое задержание

Утром 27 июня мне позвонили из городского УВД и так же ненавязчиво, как прошлый раз звонив из ОБОП, попросили срочно подъехать для разрешения какой-то незначительной формальности. Посещение ОБОП с неприятным разговором еще были свежи в памяти, поэтому звонившему я ответил, что заеду, если будет на это время, а большего не обещаю. После такого ответа тон звонившего в корне переменялся, и прозвучало что-то типа: *«не вздумай прятаться, мы тебя все равно найдем»*. Подобное заявление меня донельзя возмутило, я сказал ему, чтобы подобным тоном он разговаривал со своими приятелями, и положил трубку. Минут через пять позвонил уже другой человек, извинился за ранее звонившего, и со всей обходительностью попросил меня подъехать к ним как можно быстрее, заверяя, что возникшие вопросы не терпят отлагательства. Недолгим разговором сошлись на том, что появлюсь у них я не ранее обеда. У меня, в принципе, на тот момент не было никаких дел, просто остался неприятный осадок от первого телефонного разговора, и было ощущение, что это не последний неприятный разговор на сегодня, поэтому я решил, что пусть меня подождут, если уж это сильно им надо. Однако даже не мог предположить, как закончится тот день.

Приехав после обеда в УВД и найдя нужный мне кабинет, я обнаружил на табличке, что хозяином его является начальник так называемого «убойного» отдела угрозыска Анатолий Иванович Глухих. В кабинете кроме него самого и нескольких сотрудников угрозыска я застал уже известных мне Сережу Новоселова и Диму Радиона.

Также, внимание тогда привлек, казавшийся очень молодым, энергичный паренек, которого все называли Димой. Впоследствии, из-за смазливой внешности и сходства с певцом, я в своем кругу общения прозвал этого Диму «Биланом», и был потом крайне удивлен, что ассоциативно данное прозвище окажется его настоящей фамилией. И тот день, 27 июня 2005 года, можно назвать днем знакомства с Дмитрием Александровичем Биланом. Осенью 2007-го он будет занимать должность начальника угрозыска, а летом 2012-го, покинув эту руководящую должность, будет возглавлять тот самый «убойный» отдел, в кабинете начальника которого мы и познакомились.

Мне уже трудно вспомнить все разговоры, продолжавшиеся с обеда до вечера 27 июня 2005 года, но суть их сводилась к одному – никто не сомневается в том, что я либо организатор, либо идейный вдохновитель вымогательства у бывшего тестя. При этом для меня лучше всего будет выдать все пароли, явки и агентурные связи. В подтверждение своих обвинений мне приводили какую-то карту СТК (сервисная телефонная карта), которая якобы была использована мной и одновременно, с их слов, использовалась при звонках родственникам Голандо с таксофона.

В то время основным оператором сотовой связи в Тобольске был «Ермак RMS» от компании «Уралсвязьинформ» и карты СТК использовались как для пополнения баланса мобильных телефонов, так и при звонках с таксофонов.

Согласно детализации моего мобильного, 17 мая 2005 года мной действительно был пополнен баланс телефона на сумму меньше полного баланса подобной карты. И по утверждениям оперативников в начале мая эта же карта была использована для звонков с таксофона на домашний телефон Яриных, при котором, правда, с ними не разговаривали, а включали музыку «похоронного марша».

Тогда я принял эти слова на веру, но спустя восемь лет, ознакамливаясь с материалами уголовного дела, я не нашел этому подтверждения. В показаниях Яриных есть такой момент, что как-то ночью к ним на домашний телефон поступали звонки и в трубке был слышен «похоронный марш», а также в деле имеется масса детализаций карт СТК, которые в тот временной

период использовались для звонков с таксофона на домашний номер Яриных. Но вот номер моего мобильного в них нигде не фигурирует.

Хотя одну очень интересную вещь я в этих детализациях нашел – с использованием одной карты СТК три дня подряд в начале января примерно в одно и то же вечернее время с небольшой продолжительностью разговоров звонили с таксофона, расположенного в коридоре хирургического отделения третьей областной больницы. А интерес к этим звонкам у меня был вызван тем, что в те самые дни в том самом отделении находился я сам после операции, сначала в реанимации, потом в общей палате. Кто был инициатор тех звонков, и имеют ли они отношение ко мне для меня до сих пор остается загадкой.

Еще один интересный момент тут прослеживается, если вникнуть чуть глубже. Предположим, что кто-то действительно звонил Яриным и включал «похоронный марш». Но где здесь взаимосвязь со звонками по вымогательству? Что давало основания считать, что это звонили одни и те же люди? Если взять только то, что данная музыка связана со смертью, но это довольно субъективное восприятие. Если бы включали «свадебный марш», то тогда хулиганов равносильно надо было бы привлекать за сексуальное домогательство.

Но все эти мысли пришли уже гораздо позже, а действительные факты на тот момент известны не были. Оперативники упорно утверждали, что я организатор вымогательства, а карта СТК это подтверждает. По поводу карты все звучало настолько убедительно, что я начал перебирать в памяти все моменты за последнее время, когда на баланс мобильного вбивал случайные карты. Такое нечасто, но бывало.

Сейчас, наверное, сложно будет это понять, но в то время эти карточки были равносильны деньгам, а чтобы проверить у случайно попавшей в руки карты баланс времени уходило около минуты. Вот, например, что сделает простой обыватель, найдя обычную сим-карту. Вставит в свой телефон, проверит на предмет работоспособности и наличие пин-кода, и обязательно полюбопытствует балансом, а то и переведет его на свой номер. Только вот деньги на номере мобильного все же принадлежат конкретному абоненту, а деньги на той же сервисной карте, это уже потерянные кем-то деньги. Поэтому несколько не было странным, обнаружив где-нибудь карту СТК, проверить ее баланс. В мае 2005-го был случай, когда моя вторая жена Марина после выгула собаки принесла и отдала мне такую карту. Сказала, что подобрала ее прямо у нашей входной двери и подумала, что, возможно, выпала она у кого-нибудь из нас. Автоматом, проверив ее баланс, остаток на карте я скинул на баланс мобильного.

Ассоциировав эту случайную карту с той, которую мне вменяли оперативники, я поведал им эту историю. Они откровенно посмеялись, сказав, что эту историю я выдумал экспромтом. Велико же, наверное, было их удивление, когда несколькими часами спустя при допросе моя супруга Марина также вспомнила тот случай с картой и подтвердила мои слова. Но за неимением другой кандидатуры они коллективно уже определили меня в преступники и не хотели в этом разубеждаться. Я не скажу, что в процессе всех разговоров присутствовали грубость или угрозы со стороны сотрудников, все происходило довольно дипломатично. Хозяин кабинета, где проходила беседа, Анатолий Иванович Глухих, показал себя тогда с очень профессиональной стороны, что нельзя не отметить. Ведя разговор на несколько тем одновременно, он тщетно пытался меня подловить на каких-нибудь несостыковках и противоречиях.

Ближе к вечеру приехал, на тот момент еще молоденький, следователь городской прокуратуры Евгений Евгеньевич Курмаев. К слову будет заметить, сейчас он возглавляет управление по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Тюменской области. А тогда оперативники называли его панибратски просто Женей. Допрашивать официально он меня не стал, а, посоветовавшись с остальными и дождавшись приезда вызванного для меня дежурного адвоката, стал оформлять протокол задержания. Я, конечно же, был возмущен таким поворотом событий и в протоколе написал короткое эссе о том, что считаю задержание незаконным и необоснованным.

В протоколе не было указано даже намека на то, в чем именно я подозреваюсь и в связи с каким преступлением, хотя мотивы задержания следователь был обязан указать в соответствии с законом. Единственное, что Курмаев обозначил – это формальное основание для задержания, предусмотренное п.3 ч.1 ст.91 УПК РФ и указывающее на то, что *«следователь имеет право задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления»*. Само собой ни при мне, ни в моем жилище никаких следов преступления, а тем более явных, никто не обнаруживал. Поэтому этот курмаевский протокол задержания можно смело обозначить первой из многочисленных фальсификаций по уголовному делу ^[1].

После этого я был препровожден в изолятор временного содержания, где в довольно неплохой компании мне пришлось провести двое суток.

Дежурным адвокатом, которого вызвали для соблюдения формальности задержания, был Куттус Рахимов. Его же на следующие сутки привел с собой Курмаев для проведения допроса подозреваемого.

В силу закона, с момента допуска адвоката Рахимова к делу он являлся моим полноправным защитником. Впоследствии он не заявлял о невозможности меня защищать, а я не заявлял отказа от этого защитника. Независимо от его дальнейшего участия в следственных действиях, он фактически оставался моим законным защитником до вынесения приговора. Позже я разьясню, к чему я делаю акцент на статусе адвоката Рахимова.

Проводя допрос подозреваемого, Курмаев дважды умудрился нарушить процессуальный закон – с момента задержания прошло более суток, и допрос был проведен после 22 часов, то есть в ночное время, хотя обстоятельств, препятствующих соблюдению норм закона, не было. Сам допрос, по сути, имел чисто формальный характер, вопросы в основном касались моих отношений с Голандо и его родственниками, поэтому и сказать Курмаеву мне было особо нечего.

Еще через день, 29 июня днем, меня вывели из камеры ИВС, и я вновь оказался в кабинете Анатолия Глухих. Не знаю, что они от меня хотели услышать, но через почти двое суток в камере желания общаться с оперативниками у меня не было, что я и дал им сразу понять. Видя, что разговора не получится, меня снова препроводили в ИВС.

Вечером того же дня, когда истекали 48 часов с момента задержания, в ИВС пришел Курмаев в сопровождении Рахимова, ознакомил меня с постановлением об освобождении из изолятора временного содержания, где основанием освобождения было написано *«подозрения в отношении данного лица не подтвердились»* ^[2]. Я был освобожден из-под стражи и по закону уже не являлся подозреваемым. На выходе из ИВС меня встретил Дима Билан и буквально упрашивал на пять минут подняться к ним в кабинет. Я ответил отказом, сказав, что и так что-то тут загостился, после этого поехал домой.

Обыски. Задержания

Дома меня ожидал еще один сюрприз. Буквально за несколько часов до моего освобождения у меня в квартире побывала многочисленная оперативно-следственная группа с обыском. Постановление суда на проведение обыска, как и протокол его проведения, я увидел только спустя восемь лет в материалах дела ^[3].

При обыске дома присутствовала только моя супруга с четырехлетней дочерью и как-то противостоять такому количеству народа, внезапно появившемуся в квартире, она просто не могла. Да и конечно была в состоянии шока от всего происходящего. Ей просто внаглую отказали в копиях постановления и протокола, но в то же время угрозами заставляли расписываться об ознакомлении с ними.

Впоследствии, обнаруживая дома нехватку какой-либо вещи, я даже не знал точно, изъята она по протоколу или просто похищена. Со слов жены вся эта многочисленная орава в погонах вела себя просто бесцеремонно. Соседям-понятым напрямую заявили, что я причастен к бомбе, обнаруженной неделю назад. Найдя простую оконную замазку, перед понятыми ее позиционировали как «очень похоже на пластид». Дима Билан забрал мою банковскую карточку, объявив, что, скорее всего, она чужая, хотя рядом с карточкой находился договор об ее обслуживании на мое имя. Сережа Новоселов забрал из дома все блокноты и записные книжки, которые не были внесены в протокол, то есть просто украл их.

Также без протокола, якобы на время, изымались какие-то фотографии, которые также никто не вернул. Исчезло множество документов коммерческого характера. Изъяли всю оргтехнику и электронику, включая нерабочую.

Само прохождение обыска, как описывала его Марина, и то в каких местах осуществлялись поиски, обоснованно наводило меня на мысль, что еще до обыска, на предмет что и где искать, оперативников явно консультировала моя бывшая супруга, ныне гражданка Лариса Ярина. Но с того момента, как она потеряла статус супруги и покинула эту квартиру, прошло более семи лет и практически все в ней изменилось.

Под конец обыска, не найдя ничего напрямую интересного для дела, оперативники стали требовать от моей жены, чтобы она выдала то, что по их мнению она успела спрятать или унести из дома после моего задержания. Это требование послужило предлогом для того, чтобы фактически незаконно задержать Марину после проведения обыска. Непосредственно Сергей Новоселов увез ее вместе с ребенком в ОБОП, где буквально требовал дать показания, что ее муж организовал вымогательство у своего бывшего тестя, угрожая задержать официально и отправить в камеру. Лишь приезд в ОБОП и вмешательство моих родственников, которым Марина успела позвонить перед выездом из дома, избавили ее от продолжения этих противоправных действий. Вот такими неожиданными подарками одарила жизнь мою семью с подачи бывших родственников буквально за два дня. Но главный сюрприз был еще впереди.

На следующий день после освобождения и официального снятия подозрений я направился в прокуратуру к Курмаеву с требованием вернуть все изъятое при обыске. На что он с ехидством ответил отказом, сказав, что все изъятое приобщено к уголовному делу в качестве вещественных доказательств и будет возвращено тогда, когда решит следствие. То, что я уже не являюсь подозреваемым по делу, а значит и мои вещи, именно по мнению следствия, уже не имеют отношения к делу, Курмаев просто проигнорировал. Для этого мальчика-карьериста закон показательно вообще не имел никакого значения. Вернуть мне вещи – означало признать, что для обыска оснований не было, и значит его действия, как следователя, были полностью незаконны и необоснованны – вот что хорошо понимал Женя Курмаев. Я сейчас удивляюсь, как он не инициировал тогда мой арест следом за задержанием. Видимо опасался, что после этого родственники отреагируют так, что это приведет к неблагоприятным для него

последствиям. Тем не менее, после его отказа возвратить изъятое, я написал жалобы на действия следователя Курмаева как прокурору города, так и в областную прокуратуру. После этого я связался с адвокатом Геннадием Владимировичем Кучинским, ввел его в курс всего происходящего и попросил содействия. Доверительного впечатления адвокат Рахимов на меня не произвел, хотя еще в ИВС говорил, что мне надо держаться именно его как защитника, потому что дело серьезное, и он в случае чего сможет помочь. А после моего освобождения по телефону он пытался вымогать деньги у моей матери, как аванс за его последующую работу.

После общения Кучинского с Курмаевым мне был возвращен только мобильный телефон. А чуть позже от прокурора города Романа Тютюнника (ныне первый заместитель прокурора области) по моей жалобе пришел ответ, что действия следователя законны, изъятые вещи приобщены к делу и направлены на экспертизу, а в отношении подозреваемого Трушникова ведется следствие. Это беспрецедентное хамство было уже от лица прокурора города. Он в открытую называл меня подозреваемым по делу, хотя никто не привлекал меня в этом качестве. Данную бумагу я вновь обжаловал в областную прокуратуру. Налицо образовалось противостояние между мной и прокуратурой города, которые не желали признавать, что действия следователя Курмаева в отношении меня были противоправными. Адвокат Кучинский тоже разводил руками, осуждая действия прокуратуры и обнадеживая, что Курмаев все вернет чуть позже, когда ажиотаж вокруг дела чуть поутихнет.

Восьмого августа во второй половине дня ко мне домой пожаловал оперативник угрозыска Эдуард Рыжов с двумя сотрудниками. На руках у него имелось постановление о производстве безотлагательного обыска в моей квартире, вынесенное Женей Курмаевым. Я их встретил само собой очень неприветливо и оставил подождать в подъезде пока не уточню правомерность намечаемых действий. Во-первых, для проведения обыска, не терпящего отлагательства, нужны веские причины, а во-вторых, обыск обычно проводится представителем следственного органа, но никак не оперативником. Поэтому я позвонил адвокату Кучинскому и обрисовал ситуацию. Он сказал, что сейчас свяжется с Курмаевым, все выяснит и перезвонит. Минут через пять последовал звонок и Кучинский сказал мне, чтобы я не препятствовал оперативникам, ничего серьезного в происходящем нет. После этого я пропустил Рыжова с коллегами в квартиру, он начал составлять протокол обыска, а его ребята прошли по соседям и привели понятых. Было видно, что Рыжову самому этот процесс не доставлял удовольствия. С Эдиком мы были знакомы задолго до этого момента и находились в хороших отношениях. Гораздо позже, в июне 2012 года Эдуард Рыжов будет возглавлять Тобольский ОБОП и с пренебрежением отнесется ко мне, не удосужив даже вниманием, когда я буду там находиться. Обыск, можно сказать, провели поверхностно, пройдясь по шкафам. После этого Рыжов позвонил по телефону, коротко с кем-то пообщался, сказав, что ничего не нашли, и вместе с коллегами покинул квартиру, извинившись за причиненные неудобства.

Возмущению моему просто не было предела. На следующий день я вновь отправил жалобу в областную прокуратуру на действия Курмаева. Адвокат Кучинский прокомментировал происходящее, как ответные действия на мои жалобы, советовал лучше выждать время. Но как было просто сидеть и наблюдать, что в отношении меня проводят незаконные действия, причем служащие того органа, который должен защищать законные интересы граждан и чтить закон.

И вот после этого последнего обыска началось самое интересное. Сначала я узнал, что сотрудники ОБОП задержали Сергея Игнатова, моего знакомого, который проживал в коттедже другого моего знакомого Александра Авдеева, помогая последнему по хозяйству. Сразу после этого в коттедже Авдеева с санкции все того же Жени Курмаева оперативники провели обыск. Самого Сашу Авдеева принудительно увезли в ОБОП. В этот же день, опять по постановлению следователя Курмаева, провели обыск по адресу проживания родственников моей жены Марины. После обыска принудительно забрали с собой ее младшего брата Александра

Попова. Только через сутки незаконного задержания Авдеева с Поповым отпустили, и от них я узнал, что именно там происходило.

Основное, что они рассказали, это то, что Сережу Игнатова обвиняют в вымогательстве у Голандо и передаче взрывного устройства его дочери. А самое главное то, что делал он это все якобы совместно со мной. С Сашей Авдеевым, как с человеком постарше, вели себя довольно обходительно. Но в то же время навязывали массу показаний и о моей большой дружбе с Игнатовым, и о моей якобы явной неприязни к членам семьи Голандо, и много чего еще. Но Саша был человеком непоколебимых убеждений, тем более он прекрасно знал, как и почему Игнатов оказался у него в коттедже, видел мои с ним реальные отношения, которые ничуть не внушали мысли, что у нас с Игнатовым вообще могут быть общие дела. Из угроз в адрес Авдеева озвучивалась лишь вероятность привлечения его к уголовной ответственности за сокрытие преступления и укрывательство преступника. А вот Саше Попову повезло гораздо меньше. Его несколько часов продержали в кабинете абсолютно голым и при этом многократно угрожали применить насилие сексуального характера при помощи резиновой дубинки. И Саше оперативники уготовили роль непосредственного участника преступления, раз он близко со мной общался и не мог не знать о моей преступной деятельности.

С младшим братом моей жены, то есть с шурином, мы действительно общались очень близко. Можно сказать, что на протяжении нескольких лет он был моим помощником в делах и большую часть времени проводил рядом со мной. Это знают все, кто со мной по тем или иным причинам поддерживал отношения, потому что Сашу видели со мной рядом практически постоянно. И уж если бы я действительно делал то, что мне инкриминировали, то он просто не мог об этом не знать. Но вот с Игнатовым они были знакомы не более чем визуально, и сделать из двух практически незнакомых людей сообщников у оперативников навряд ли бы получилось. Это обстоятельство, думаю, сыграло решающее значение, что от ранее уготованной для Александра роли в преступлении Новоселову, Радиону и всей их компании пришлось отказаться.

Игнатов

С Сережей Игнатовым мы учились в одной школе. Более того, он учился в параллели с моей первой женой и был одноклассником второй. Причем до этого он еще ходил в детский сад вместе с одним моим близким приятелем. А также он работал вместе с несколькими моими друзьями... Если коротко сказать, то связующий круг наших общих знакомых измеряется несколькими десятками человек. И немногим из них даже теоретически пришлось бы в голову, что меня и Игнатова могут связывать какие-то общие дела, и тем более криминального характера. Более того, имея постоянную пагубную привычку потребления алкоголя, время от времени Сережа еще употреблял и героин, а моя патологическая неприязнь к наркотикам и наркоманам тоже была общеизвестна.

А еще он имел пагубную привычку жить и черпать жизненные удовольствия за чужой счет, причем в прямом смысле. Имея талант хорошего рассказчика, он легко входил в доверие и занимал безвозвратно различные суммы денег у своих знакомых. На то время, о котором я повествую, нашлось бы очень мало людей из его знакомых, кому Сережа не был бы должен. И я как раз был в числе тех немногих, у кого он никогда не брал в долг. С конца 90-х годов было несколько случаев, когда Игнатов пытался таким образом обмануть близких мне людей, что, изначально неведомо для него, так или иначе пересекалось с моими интересами. Люди жаловались, приходилось прилагать усилия, чтобы находить Сережу и беседовать с ним. И после общения со мной ему приходилось в сжатые сроки изыскивать возможности и рассчитываться с этими кредиторами. Да, подход в таких ситуациях к нему был очень жесткий, но по-другому с такими людьми нельзя. Поэтому где-то образно переходить мне дорогу или соприкасаться с людьми или делами, которые были мне близки, Игнатов откровенно побаивался. Вот такие взаимоотношения и не более того у меня собственно были с Сергеем Игнатовым, как бы кому-то не хотелось считать иначе.

И тем больше было мое удивление, когда в начале 2005 года я узнал, что он должен пару тысяч рублей моей жене. Я был просто в недоумении от этого обстоятельства, когда о нем стало известно. И удивился я не только тому, как Игнатов осмелился на такой поступок, но и тому, что Марина, хорошо зная его натуру, позволила себя обмануть.

С ее слов дело обстояло примерно так. В конце января или начале февраля 2005 года, Сережа заявился к нам домой, когда я отсутствовал. В тот период мое отсутствие было крайне редким явлением (буквально только месяц прошел после тяжелой операции), и если я покидал дом без сопровождения супруги, то это когда друзья-приятели возили меня или в поликлинику, или по каким-то очень срочным делам. Имею все основания полагать, что появление Игнатова именно в такой момент не было случайным. Он рассказал Марине душещипательную историю о том, что его отца-инвалида «скорая» увезла с приступом в больницу, и очень срочно нужны деньги купить лекарства. И Сережа здоровьем отца поклялся, что буквально через 2—3 дня деньги вернет. Видимо пройденная ею самой совсем недавно ситуация с больницей и лекарствами, когда муж находился в реанимации, сыграла свою роль, заставив поверить Игнатову. Да и, конечно же, когда клянутся здоровьем родителя, не хочется сомневаться в человеке. Поэтому денег она ему заняла, но, как и следовало ожидать, возврата не дождалась ни через три дня, ни через неделю, ни через месяц. А от меня это событие изначально скрыла, потому что знала, что даже при реальной такой сложной жизненной ситуации в семье Игнатовых, такого ее поступка я бы не одобрил. И, может быть, она даже махнула бы рукой на эти деньги, невелика все же сумма, но в какой-то момент, видимо желая возвать к Сережиной совести, позвонила ему домой. Но он, скорее всего, дома отсутствовал, трубку поднял живой, здоровый и как обычно в меру пьяный Игнатов-старший и на вопрос дома ли Сережа, одарил Марину потоком нецензурной брани. Вот это ее уже очень сильно задело, и она решила

признаться мне, что поддалась на обман. Я сейчас уже не помню того разговора, по большей части, как я уже сказал, у меня было удивление по поводу услышанного. Ну и само собой возникло острое желание увидеть Сережу воочию. Только вот осуществить желаемое было не так просто, тем более что бегать по городу и искать Игнатова не позволяло ни время, ни здоровье, еще не пришедшее в норму.

Кстати, накануне 2005 года был такой случай, когда у меня возникла потребность в одной вещи. Уточнять подробности, что за вещь не буду, суть в другом. Я обратился с просьбой позаимствовать эту вещь к одному моему знакомому, так как знал, что она у него имеется. А он мне поведал, что дал ее попользоваться как раз таки Сереже Игнатову и тот долго ее не возвращает.

Поиски Игнатова тогда свелись к минимуму – я заехал к нему домой, где его отец сказал, что буквально накануне моего прихода Сережа ушел в гости к своей матери. Я тут же позвонил на домашний телефон его матери, сразу наткнулся на самого Сережу и объяснил ему, что мне требуется. Он без всяких заминок сказал, что минут через пятнадцать собирается уходить, готов встретить меня в определенном месте и отдать мне что требуется.

Мать и отец у него были давно в разводе, проживали отдельно, а их непутевый сынок по большей части жил с отцом, но мог какое-то время жить и у матери. Можно сказать, жил на два дома.

И вот, поговорив с ним по телефону, я через пять минут уже был в условленном месте. Был конец декабря, стояли морозы, и безрезультатно прождал я Сережу около получаса. После этого снова позвонил его матери, которая сказала, что он давно ушел. Последующие звонки отцу и матери тоже результата не дали. Вещь я так и не получил, чуть позже потребность в ней пропала, но обман Сережин не забылся и время от времени я пытался застать его на телефоне либо дома, либо у матери. Потом случились неприятные события начала января 2005 года, я попал в больницу, и было уже не до Игнатова. И вот уже в апреле наивность моей супруги напоминает мне про Сережу Игнатова и возбуждает желание встречи с ним.

Сам я его не искал, просто попросил знакомых по возможности сделать это. И возможность такая реализовалась лишь в начале июня, мне позвонили те самые знакомые и сказали, что Сережа ожидает меня в их компании. В подробности нашей встречи и последующего разговора я вдаваться не буду. Результатом ее стала взаимная договоренность, что Сережа месяц будет помогать моему знакомому Саше Авдееву, и на том инцидент с долгом мы будем считать исчерпанным.

С Авдеевым я поддерживал отношения с незапамятных времен. Его отец был одним из начальников в региональном управлении автомобильных дорог, сам Саша можно сказать наследственно стал инженером-дорожником и работал вахтовым методом мастером в Уватском районе. Человеком он был порядочным, высоких принципиальных убеждений с повышенным чувством справедливости. И, наверное, одним из немногих, кто в любое время дня и ночи отзовется на просьбу о помощи. Поэтому, что во времена, когда я жил с первой женой, что во время второго брака, в моем доме его всегда были рады видеть. Женщины вообще как-то в большинстве своем, насколько я мог наблюдать, восторгались его мужскими качествами, но вот семейная жизнь у него не складывалась, и проживал он один. Со своей стороны я так же был готов помочь ему в меру возможности. Еще в 2001 году он совместно с родителями по случаю приобрел убогий коттедж недалеко от бывшей центральной части города, который с того времени занял все его свободное время. Только своими силами, привлекая иногда друзей и знакомых, он постоянно что-то перестраивал и переделывал в доме. К наступлению лета 2005 года он взялся полностью переделывать крышу коттеджа, я об этом само собой знал, но чем-то помочь не имел возможности. И вот эта ситуация с Игнатовым позволила извлечь двойную пользу – и помочь Саше со строительством, и своего рода наказать Сережу за его нехорошие поступки и невозвращенные деньги.

Александру новость, что у него будет помощник, очень понравилась, хотя он в виду своей высокой принципиальности сначала поговорил с Игнатовым тет-а-тет и убедился, что того никто не принуждает, и он соглашается помогать на добровольных началах. Разговор у них даже сложился в большем, что если Сережа не будет против, то может потом продолжить работу до конца сезона уже за какую-то плату, а если покажет себя ответственно, то Саша подыщет ему местечко в своей дорожно-строительной бригаде. В общем, с дурных поступков у Игнатова появилась в жизни какая-то реальная перспектива на ближайшее будущее.

И начало было более чем обнадеживающее. Сережа исполнительно втянулся в работу, с утра до вечера они с Александром что-то ломали и строили. Я пару раз приезжал в коттедж, смотрел, как асоциальный элемент превращается в человека, а Саша даже хвалил Игнатова и кое-что ему собрал из овощных запасов, чтоб тот отвез в помощь отцу. Буквально через неделю Игнатов и вовсе перебрался в коттедж, перевез какие-то вещи и компьютер, купленный когда-то в кредит. Днем занимался делами, вечером играл в компьютерные игры, да и кроме строительства помогал Саше по хозяйству. Авдееву он этим как бы показал, что собирается долго поддерживать с ним отношения, как они и договаривались. И уезжать вечером, чтоб с утра вернуться, не очень удобно, да и у отца постоянно собираются пьяные компании., что постоянно соблазняет его сорваться. Отцу он сказал, что устроился работать на вахту и будет приезжать раз в неделю, а вот со мной он поделился тем, что в последнее время к нему домой зачастили сотрудники службы безопасности банка «Русский стандарт» по поводу невыплачиваемого кредита, и он боится, что в очередной раз они могут забрать компьютер.

Но такая рабочая идиллия продолжалась недолго. Однажды вечером Саша дал Игнатову денег, отправил в магазин за продуктами и Сережа исчез. Не вернулся из магазина, не пришел ни завтра, ни послезавтра. Чему я, собственно, не очень то удивился. А вот Саша Авдеев переживал, не случилось ли что с Сережей. Спустя несколько дней я заехал к его отцу, узнал что *«Серега вчера звонил от матери, сказал, что уезжает на вахту, и делов больше не знаю!»*, чем я и успокоил переживающего Сашу. В свое время я тщетно пытался вспомнить, какого именно числа июня месяца тогда исчез Игнатов, тем более что Саша мне сказал об этом только через пару дней. Но тот день, когда я заезжал к его отцу, уже был после того, как в «китайской стене» якобы обнаружили бомбу. Игнатов-старший со своим непутевым сыном проживали как раз в том же самом доме, поэтому я могу судить об этом точно. И опять же, я точно помню, что данное происшествие я с Сережей не обсуждал (что было бы логично как с человеком, живущим по-соседству события), хотя был в коттедже Авдеева накануне его исчезновения. Поводов проводить параллели между Игнатовым и происшествием в его доме на тот момент тоже не было.

А встретил я Сережу Игнатова вдребезги пьяного абсолютно случайно именно вечером того дня, когда был освобожден из ИВС, и попался он тогда буквально под «горячую руку». Опять же обстоятельства встречи опушу, скажу, что Сережа благополучно вернулся к Александру в коттедж. Потом позже он объяснил свое неожиданное отсутствие так – пошел в магазин, встретил приятелей, позвали выпить. Деньги, что Саша давал на продукты, потратил на продолжение банкета, а назавтра неудобно уже было возвращаться назад.

В общем, продолжились их с Александром трудовые будни, каких-либо происшествий с Сережей больше не случилось, и так продолжалось до тех пор, пока в начале августа ОБОП не задерживает сначала Игнатова, а потом Авдеева и моего шурина Сашу Попова.

Сообщник по назначению

И вот, исходя из того, что я поведал про самого Игнатова и про мои с ним взаимоотношения, что я тогда должен был думать и делать, зная, что из Сережи делают моего сообщника в вымогательстве? Думал я, что все это попахивает крупномасштабным идиотизмом, но вот чтобы что-то предпринять – абсолютно ничего в голову не приходило. Игнатова до официального задержания промурыжили в ОБОП двое суток, потом отправили в ИВС. Представить в его лице вымогателя я тоже на тот момент никак не мог.

Обо всем происходящем я само собой проинформировал адвоката Кучинского, он в свою очередь взялся разузнать обо всем подробнее через свои связи. В результате примерно через неделю он показал мне протокол допроса Игнатова ^[4], который вызвал у меня действительно бурю эмоций.

По тому сюжету, что излагался за подписью Сережи, следовало, что прошедшей зимой я привлек Игнатова для совершения вымогательства у моего бывшего тестя. Причем мотивировал свои действия тем, что Голандо якобы был мне должен. С декабря 2004 года Сережа вместе со мной и под моим бдительным руководством с городских таксофонов совершал звонки Голандо, при которых по заранее обговоренному со мной плану требовал у моего бывшего тестя деньги, угрожая при этом физической расправой. Кроме этого, в начале 2005 года Игнатова якобы ходил со мной в лес, где мы вместе испытывали взрывное устройство. Испытания прошли успешно, и я сказал Сереже, что если Голандо нам не заплатит, то мы его взорвем. В апреле мы вместе с Сережей на моей кухне изготовили муляж взрывного устройства, который он с помощью случайного мальчугана направил на адрес Яриных. А в июне, получив от меня коробку из-под торта, пульт управления и инструкции, нашел двух других мальчуганов, которые должны были доставить уже реальное взрывное устройство на адрес Ольги Волковой. А Игнатов, находясь в другом подъезде дома, должен был с помощью пульта произвести взрыв, но в последний момент передумал, сломал пульт и выкинул в мусоропровод. После этого Сережа, боясь моей мести за сломанный пульт, долго от меня прятался, надеясь, что скоро нас задержат сотрудники милиции, что вскоре и произошло, чему он обрадовался.

Вот такое изложение я тогда прочитал под ироничный взгляд адвоката Кучинского. Смешного я в этом ничего не видел, и единственным моим желанием было свести на нет эту вопиющую несправедливость. Я хоть в тот же самый момент был готов к очной ставке с Игнатовым, хотел, чтобы все написанное он повторил в моем присутствии.

Многие вещи из этого изложения были просто нереальны. Ну какие хождения по зимним лесам могут быть у человека со свежими семнадцатью швами на печени. Или же, как я мог ходить по всему городу вместе с Игнатовым от таксофона к таксофону и не встретить ни одного общего с ним знакомого. Опять же, описав в показаниях, как он вместе со мной на моей кухне изготавливал муляж взрывного устройства, он не смог бы описать ту самую кухню, потому как в моем доме далее порога нигде не бывал. И уж что совсем противоречило натуре Игнатова, что он якобы обуреваемый жадной чужих денег, вдруг взял и отказался от задуманного в последний момент. Шел взрывать, а потом ему в голову пришла мысль, что могут пострадать люди, и он передумал. Ну что за чушь!

Кучинский, кстати, задавал вопрос Курмаеву о том, что, наверное, у следствия имеются вопросы к его подзащитному, то есть ко мне. На что Курмаев ответил, что следствие идет своим ходом, и если возникнет необходимость допроса, то мы об этом узнаем. Звонков из ОБОП или УВД мне больше не поступало, визитов оперативников так же не было. Зато в начале сентября в новостном выпуске местного телевидения сообщили, что дело о бомбе в «китайской стене» раскрыто, один преступник задержан и ведется розыск второго.

В середине сентября ко мне домой пришел человек, который якобы освободился из ИВС, и принес мне письмо от Сережи Игнатова, в котором он слезно умолял ему помочь. В письме он описал какого-то Славу, который якобы заставлял Игнатова звонить Голандо, а потом в ОБОП этого Славу убедили заменить в показаниях мной. Так же в письме Игнатов признался, что из чувства трусливой мести хотел навредить мне, а получилось, что навредил себе. Что оперативники обещали его отпустить, если он даст в отношении меня показания. И много что еще было в этом письме, что за давностью просто не сохранилось в памяти. Оригинал письма я передал адвокату Кучинскому и с того момента больше его не видел. Но у меня осталась его сканированная копия ^[19].

К письму я отнесся почти безразлично. Воспринял его за какую-то очередную провокацию со стороны оперативников или Курмаева. Почерка Сережи я не знал и не мог быть уверен, что письмо написано именно им. Да и желания идти на контакт с ним не было абсолютно. Дело даже не в том, что я боялся себя как-то скомпрометировать, а в неприязни к самому Игнатову. Для меня это было немыслимо осознать, как можно сначала оговорить человека, а потом у него же просить помощи. Хотя некоторые близкие мне люди, которые не раз сталкивались с правосудием, советовали мне начать помогать Сереже. Говорили, что если позволить его обложить обвинениями до конца, то на основе его показаний можно будет всецело обвинять меня. И сейчас я думаю, что эти советы были правильными. Даже в деле самого Игнатова все могло сложиться абсолютно по-другому. Но на тот момент я готов был защищать только сам себя, в том числе и от Сережи Игнатова.

Факты уголовного дела

Немного отойдя от событий осени 2005 года, оперируя лишь фактами, постараюсь объяснить, почему на сегодняшний день я убежден, что многое, в чем обвиняли Игнатова, не имело места. Даже те моменты, которые он до сих пор наверняка боится отрицать. Многое мной ставилось под сомнение еще в 2005 году, но, получив доступ к материалам дела в качестве обвиняемого, я обнаружил множество фактов в корне противоречащих версии обвинения.

Во-первых, телефонные звонки. В материалах дела были представлены только распечатки телефонных разговоров, а я очень хотел послушать сами записи и убедиться, что на них голос принадлежит именно Сереже Игнатову. Однако же в этом было отказано со ссылкой на то, что кассеты приобщены к делу Игнатова и в качестве вещественных доказательств из него не выделялись. А раз в нашем уголовном деле их нет, то и прослушивать эти записи законных оснований не имеется. Так какими же доказательствами являются распечатки разговоров, если нельзя прослушать сами записи? Но следователь сослался на то, что голос Игнатова идентифицирован экспертами, а записи прослушаны и стенографированы в присутствии понятых, и каких-либо сомнений в их соответствии быть не может.

В 2005 году ссылка на экспертизу может и могла бы быть для меня авторитетна, но не после того, как я на своем собственном опыте убедился какова реальная цена заключения центра экспертизы областного УВД. Про осмотр и прослушивания записей понятными, это вообще отдельный разговор. У меня фантазии не хватает представить, как понятые на протяжении четырех часов прослушивают записи, а потом видимо прослушивают еще один раз, параллельно сверяя их со стенограммой.

Фиктивные протоколы осмотров вещественных доказательств, как я смог убедиться, это само собой разумеющееся в следствии. И никого не смущает, что такой протокол заявляется потом в качестве доказательства по делу. И фактически, действия следователя, который фальсифицирует доказательство по делу об особо тяжком преступлении, подлежат уголовной ответственности с санкцией соответствующей статьи уголовного кодекса до семи лет лишения свободы. Причем, один фиктивный процессуальный документ – один протокол следственного действия, которого на самом деле не было – это одно преступление. А наше уголовное дело напичкано десятками таких документов.

Это будет всего лишь предположение, основанное на факте того, что следствие категорично препятствовало тому, чтобы я вживую мог услышать голос Игнатова. Но другого объяснения, кроме того, что голос на записях принадлежит не ему, я просто не нахожу. И подтверждением этому служат сами стенограммы разговоров.

Абсолютно во всех своих показаниях с 2005 по 2012 год Игнатов утверждал, что совершал звонки по чьему-то указу, и заранее обговаривалось, что он будет говорить. Однако в распечатках разговоров идет полнейшая импровизация, причем очень игривая. Нет даже намека на какие-то заученные слова. Причем некоторые фразы построены так, и содержат такие слова, что говорит о неплохом уровне интеллекта звонившего, до чего Сереже очень далеко. А при прочтении некоторых разговоров у меня вообще сложилось впечатление, что в них двусторонняя игра на публику. Двое человек (под вторым имеется в виду Голандо), разговаривая, импровизируют, заведомо зная, что их слушают и записывают. Фактически один другому помогает вложить в разговор нужный смысл. Читая эти стенограммы, я пытался представить оппонентом Голандо в разговоре Сережу Игнатова, и это представление не выдерживало критики. Потому мне очень хотелось услышать эти разговоры вживую ^[5].

Кстати, в судебном процессе Игнатова был такой момент, когда Голандо ни с того, ни с сего взялся утверждать, что звонивших с угрозами было двое. А вот в материалах дела, в том числе и в его показаниях на следствии про это ни слова.

Еще один очень интересный момент выяснился при изучении этих стенограмм. Голандо, что на судебном процессе Игнатова, что в показаниях уже по моему делу, упорно утверждал, что вымогательство началось в декабре 2004 года, после чего он сразу обратился в ОБОП. А вот тексты разговоров доказывают, что впервые с вымогателями Голандо разговаривал лишь в конце февраля. В третьей по счету стенограмме неизвестный прямо говорит, что он звонит в третий раз. А по первой стенограмме явно видно, что люди разговаривают друг с другом впервые. Заявление Голандо в ОБОП датировано самым концом февраля после второго разговора [6].

И отсюда возникает закономерный вопрос – откуда Владимир Игоревич знал, что с него начнут вымогать деньги, что умудрился записать самый первый разговор, причем с самого начала. И для чего ему лгать в последующих протоколах допросов, что первое требование денег поступило еще в декабре.

Во-вторых, я просто убежден, что Игнатов в глаза не видел не только всех этих мнимых взрывных устройств в коробках из-под торта, но не брал и не передавал никому и ничего тогда 23 июня 2005 года.

Во всех протоколах допросов Сережа каждый раз по-разному описывает содержимое коробки [7]. И самое ближайшее описание это «продолговатый цилиндр и черная коробочка с антенной», что очень далековато от реальных банки из-под «Фанты» с пейджером, на котором антенн в помине не было. Обстоятельства, как он получал и передавал ту самую коробку, в значимых моментах тоже очень сильно разнятся в его показаниях, и уж совсем не соответствуют показаниям мальчиков, которые принесли эту коробку в квартиру Ольги Волковой. Мальчики эти, кстати, ни один, ни другой, не опознали Игнатова в судебном заседании, и фоторобот, составленный ранее с их слов и ими подтвержденный, на Сережу был совсем не похож.

Также, в показаниях одного мальчика [8] присутствует один момент, который в свое время бросился мне в глаза и запомнился. Он утверждал, что у мужчины, который передавал им коробку из-под торта, на руке были часы. И более того, одеты они были именно на правую руку, почему мальчик это и запомнил. А на правой руке, как правило, но и то в редких случаях, часы носят левши. Сережа Игнатов не только правша, но и часов, сколько я его знаю, не носил никогда. Он вообще не имел каких-нибудь более-менее носимых ценных вещей, даже мобильного телефона, который в 2005 году уже был у каждого второго человека в городе.

И, в-третьих, фундамент криминалистики – следы преступления. В деле прослеживается не только отсутствие каких-либо следов Сережи Игнатова, но и явное нежелание их найти. А в каком случае следователь не станет искать следы преступника, чтобы связать его с объектом преступления? Только в том, когда он точно знает, что их нет.

Современная криминалистика даже в провинции уже давно ушла далеко вперед от простого изыскания отпечатков пальцев. Те же потожировые следы сейчас исследуют на всех предметах, имеющих отношение к преступлению. Образцы грязи и пыли, подногтевые соскобы и смывы с рук, следы на одежде и многое другое – все это давным-давно присутствует в уголовных делах и является прямой доказывающей связью между преступником и преступлением.

По материалам уголовного дела Игнатов в апреле 2005 года якобы передал через случайного мальчика небольшую коробочку с муляжом взрывного устройства на адрес Яриных. А до этого якобы изготовил этот муляж вместе со мной на моей кухне. Должна была коробочка и сам муляж сохранить какие-то следы? Безусловно! Производились ли какие-то экспертизы на предмет этого? Нет. Ну ладно, допустим на тот момент с особой серьезностью к этой коробочке наши бдительные органы не отнеслись. Но в июне, когда именно те самые органы подняли панику среди жителей «китайской стены», снова повторилось такое же явление – никаких экспертиз именно на предмет следов преступника в деле не имеется. А на картонных коробках как минимум остаются потожировые следы. Да и отпечаткам пальцев на гладком картоне имеет

место быть. Но следов Игнатова непосредственно на объектах преступления нет, и прежде всего потому, что их не захотели найти.

Преступники несколько месяцев звонили Голандо с таксофонов. Судя по стенограммам, были и довольно продолжительные разговоры. Учитывая, что оперативники курировали телефонные звонки вымогателей, то определить таксофон и доехать до него в пределах города дело считанных минут. И если не застать преступников на месте, то обследовать таксофон на предмет возможных оставленных следов выглядит вполне закономерным явлением. Но только не в том загадочном уголовном деле.

Таким образом, можно утверждать, что каких-либо доказательств против Сережи Игнатова, по крайней мере, в эпизоде с коробкой из-под торта, в уголовном деле нет. Есть лишь несколько протоколов допроса, где он в этом признается, но в то же время его показания противоречат установленным и реальным обстоятельствам. Здесь я просто уверен, что он в силу каких-то причин себя оговаривал. И боялся признаться в этом даже в ходе судебных заседаний.

Что касается его звонков по вымогательству, то меня очень смущает факт того, что реальные записи следствие целенаправленно скрыло от прослушивания, когда я ознакомился с делом. Здесь я могу только предполагать, что либо на записях голос не Игнатова (или не только его), либо записи не соответствуют стенограммам.

Сплетни Голандо

Но возвратимся к происходящим событиям 2005 года. До середины октября какого-либо внимания ко мне никто не проявлял. Только опять же, из областной прокуратуры я получал ответы по жалобам, где значилось, что все действия абсолютно законны, а обо мне шла речь в третьем лице, как о подозреваемом, в отношении которого расследуется уголовное дело. Эти короткие прокурорские опусы действительно давали ощущение, что я переписывался с клиентурой психиатрической клиники. Я писал, что живу и дышу свободно, никто мне даже вопроса задать не хочет, но в то же время масса моих личных и ценных вещей, по неподдающимся никакой логике основаниям, пылится в кабинетах прокуратуры. А мне отвечали, что все в рамках закона, причем меня обозначали как основного фигуранта уголовного дела.

И еще несколько раз при разговорах с людьми у меня возникают неприятные моменты, которые смело можно отнести к распространению ложных слухов обо мне со стороны Голандо.

Один такой момент мне запомнился очень хорошо, поскольку был первым и вызвал очень неприятные эмоции. В сентябре-октябре 2005 года у меня был договор на выполнение определенных работ с ООО «Европласт», и я раз в два-три дня навещался в эту организацию, общаясь там преимущественно с ее директором на то время, Сергеем Кочуровым. Должность главного инженера в «Европласте» занимал Виктор Алемасов, который до этого около пятнадцати лет проработал бок о бок с Голандо, являясь его заместителем и техническим директором «Родника». С Витей мы само собой были хорошо знакомы и, мимолетно встречаясь на его новой работе, приветствовали друг друга, перекидываясь парой слов. Но вот в одну из наших деловых встреч с Кочуровым, тот в шуточной форме выразил сомнения по поводу, что работы по нашему договору будут закончены, ссылаясь на людскую молву, что меня раньше этого посадят за то, что пытался взорвать какой-то дом. Не помню, что именно я ему ответил, возможно отшутился в той же манере, но услышанное меня не порадовало. И так как единственной точкой соприкосновения с этой темой в «Европласте» мог являться только Витя Алемасов, я решил поинтересоваться у него, на каком основании он распространяет такие слухи. На что Алемасов мне ответил, что эту информацию обо мне, не стесняясь, распространяет именно мой бывший тесть Володя Голандо. При этом Витя сказал, что вообще был удивлен меня увидеть в своей фирме и узнать, что у нас в настоящее время идет деловое сотрудничество, потому что слышал от Голандо, что я скрываюсь и нахожусь в розыске.

После этих разговоров в «Европласте» у меня возникло очень большое желание пообщаться с бывшим тестем, заочное хамство которого уже перешло все пределы. Но в то же время я хорошо понимал, что любой контакт с ним, будь это даже безобидный телефонный звонок, мог быть превращен в попытку вымогательства, угрозы и тому подобное. Поэтому на своего рода провокацию я не поддался. А буквально через день, встретившись на улице еще с одним работником «Родника», я услышал про себя аналогичную историю, и точно так же человек был удивлен, встретив меня разгуливающего по улице. Это меня уже позабавило, в отличие от разговора с Витей Алемасовым. И в течение последующих двух лет я подобных историй «из первых уст» от наших общих с Голандо знакомых услышал более десятка.

Но, по всей видимости, не только Владимир Игоревич усиленно занимался созданием для меня соответствующей репутации. Один за другим стали расторгаться деловые отношения, и чаще всего либо на пустом месте, либо по надуманным причинам. Лишь в единичных случаях попытки выяснить, что же послужило истинной причиной моего разлада с людьми, с кем ни один год взаимовыгодно сотрудничали, имели успех. И обобщенно эта причина выглядела примерно как «ходят слухи». В уголовном деле это конечно не оставило следа, но думаю, что в то время усиленно велась работа по сбору в отношении меня различной информации, в том числе о деловой деятельности. Масса документов, похищенных во время обыска в конце

июня, дала исчерпывающую информацию о людях и организациях, с которыми мне приходилось сотрудничать. И ведь чтобы изменить чье-либо отношение ко мне, нужно было достаточно мало, например, в неформальной беседе сказать: «А Вы знаете, что он хотел дом взорвать? И мы его скоро посадим!».

Это, конечно, всего лишь мои догадки. Но как бы ни было, внезапно изменившееся без видимых причин отношение некоторых людей было показательным. Из-за этого, как следствие, стали ощущаться и финансовые потери. Поэтому, уже полноценно к тому времени оправившись после операции, я стал изыскивать сферы деятельности за пределами Тобольска. И начиная с октября месяца, стал регулярно отлучаться из города на два-три дня.

Немного отступив от темы, хочу заметить, что намеренно не вдаюсь в подробности своей деятельности. Хотя бы по той причине, что к описываемым событиям это отношения никакого не имеет. Хватает той дезинформации, что мне наприписывали новостные ленты в 2012 году. Некоторые умудрились даже изобразить из меня блоггера, коим я вообще никогда не был. Но если, упоминая о деятельности, я говорю о сотрудничестве с организациями, то это уже подразумевает, что деятельность моя была вполне законной.

Прессинг родственников

— 1 —

В середине октября я находился по делам в Тюмени. Под вечер мне позвонил мой родной брат Евгений, который проживал на тот момент в 15-м микрорайоне, и сообщил интересную новость.

Возвращаясь после работы домой, он обнаружил возле своего подъезда компанию оперативников ОБОП в количестве 3—4 человек, которые, впрочем, лишь проводили Евгения взглядом, не задавая никаких вопросов. Поднявшись к себе на этаж, на лестничной клетке он встретил еще двух человек, которые тоже непринужденно беседовали, не обращая на него внимания. В том, что все эти люди являются сотрудниками ОБОП у него сомнений не было, потому что ему приходилось с ними встречаться и разговаривать что в УВД, что у них в отделе, когда меня необоснованно задержали в конце июня.

Проживал Евгений в квартире на тот момент один и, предполагая, что вся эта компания дожидается именно его, он опасался, что в отношении него могут быть предприняты какие-то незаконные действия с их стороны. Все, что ранее происходило со мной, было для него очень показательным, что являлось основанием для опасений. Поэтому, перед тем как зайти домой, он навестил соседей по площадке, с которыми поддерживал дружеские отношения. Он лишь хотел заручиться поддержкой на случай, если вдруг в отношении него последуют какие-нибудь действия со стороны оперативников, а соседи в свою очередь сообщили ему, что последние пару часов эти самые оперативники ходили по квартирам подъезда и задавали всем различные вопросы об Евгении. Это еще больше убедило его, что сотрудникам ОБОП нужно что-то именно от него, поэтому, зайдя домой, Евгений позвонил мне и сообщил обо всем происходящем.

Меня услышанное, само собой, в восторг не привело. Желая хоть как-то прояснить для себя ситуацию, я решаю позвонить в тобольский ОБОП. Выяснить номер дежурного не составляет труда, дозвонился тоже сразу. Как следовало ожидать, в номерах телефонов Новоселова и Радиона дежурный ОБОП мне отказал, поэтому, представившись, я попросил передать мой номер одному из них, и сделать это побыстрее.

Новоселов перезвонил мне приблизительно в течение десяти минут с того же самого номера дежурного, чему я был удивлен, ведь Евгений буквально какими-то минутами ранее видел его возле своего подъезда. На мой вопрос, что они с коллегами делают в подъезде моего брата, Сережа сначала изобразил удивление и соврал, что ему про это ничего неизвестно. Уже по озвучиванию мной факта, что он сам лично ходил по соседям и представлялся, Сережа сказал, что они проводят оперативные мероприятия, и что я обо всем узнаю когда придет время. Потом он перевел тему на то, что ему хотелось бы со мной пообщаться. На что я ему ответил, что пустыми разговорами с оперативниками я сыт по горло, а если от меня что-либо нужно следователю Курмаеву, то процессуальный порядок вызова на допрос ему известен, и даже с ним общаться отныне я буду только в обществе адвоката Кучинского. На это Новоселов отшутился, что невиновным адвокаты не нужны, а в общении они только создают помеху. В заключение разговора я еще раз переключился на тему Евгения, что если в отношении него ОБОП учинит какие-то незаконные действия, то я, находясь сейчас в Тюмени, без всяких жалоб отправлюсь напрямую к прокурору области. На этом мы с Сережей Новоселовым и попрощались.

Утром следующего дня я позвонил брату узнать как у него дела, и он сказал, что, выходя на работу, видел возле подъезда машину, полную оперативников, но непосредственно к нему никто внимания не проявил. Тогда я немного успокоился. Но следующий разговор с братом

был уже вечером этого же дня у меня дома, когда я вернулся в Тобольск и узнал, что день был очень насыщен событиями.

Примерно в обеденное время Евгению на мобильный позвонила соседка и сообщила, что на лестничной клетке полно народа, и что идут разговоры о том, что квартиру брата собираются вскрывать. Он сразу же перезвонил нашей матери и попросил сходить к нему домой, узнать что там происходит. Мать пришла с комплектом ключей от квартиры, хранящимся у нее, и застала ту картину происходящего, которую описывала соседка. Ее проинформировали, что намереваются провести в квартире обыск и на это имеется постановление суда, которое уже предъявили для ознакомления понятным, и ей предложили открыть двери добровольно, угрожая срезать петли. Дождаться хозяина квартиры никто не собирался, постановление об обыске по требованию предъявить также отказались, сославшись, что после обыска выдадут копию. Двери она, конечно, открыла, но расписываться в протоколе обыска отказалась, так как не являлась ни хозяйкой, ни проживающим в квартире лицом. При обыске на нее уже не обращали внимания, вода по квартире понятых и прошаривая каждую комнату. В конце обыска подытожили, что ничего не найдено и не изъято, а раз присутствующая Лариса Михайловна подписывать протокол отказалась, то копии постановления и протокола обыска ей не дадут. Вся процедура обыска заняла примерно около трех часов. Потом следственно-оперативная группа квартиру покинула, и чуть позже с работы пришел Евгений, который оказался перед фактом, что в его отсутствие в квартире прошел обыск.

Куда-то жаловаться я уже считал бесполезным, хотя и на следующий день мы отправили от имени Евгения жалобы по факту проведенного обыска в соответствующие инстанции. Адвокат Кучинский в очередной раз только развел руками по поводу того, что творит Курмаев вместе с помощниками. Про изъятые в июне вещи я уже и вспоминать забыл.

А самое интересное я увидел, опять же гораздо позже, когда ознакомился с материалами дела в 2013 году. В постановлении^[9] целью обыска значилось «отыскание подозреваемого Трушникова П. В.», то есть меня, а в протоколе обыска цель обозначена как «поиск взрывных устройств и взрывчатых веществ».

– 2 —

В начале ноября в течение одной недели Курмаев дважды вызывал на допрос мою супругу. Причем делал это официально, отправляя курьера с повесткой. На первом допросе он задавал в основном вопросы об Игнатове – откуда она его знает, какие отношения поддерживала и тому подобное. На что она полностью ему рассказала и про долг Игнатова, и про то, как он оказался в коттедже Авдеева. То есть, примерно то, что я описал ранее. Под конец допроса Курмаев спросил Марину, где сейчас находится ее муж, на что она ответила, что муж сейчас находится дома, буквально – в сотне метров от места проведения допроса.

А вот второй допрос, тремя днями позднее, когда я был в кратковременном отъезде, состоял практически из одного вопроса по поводу мужа, и Марина точно так же ответила, что муж сейчас находится в Нефтеюганске, через пару дней будет дома.

Я еще тогда предположил, для чего именно нужен был второй допрос. Курмаева не устраивало, чтобы в деле, даже со слов моей жены значилось, что я нахожусь в Тобольске и тем более дома. Поэтому я несколько не удивился, когда при ознакомлении не обнаружил в уголовном деле протокола первого допроса.

Тем временем, тогда же в ноябре, до меня дошла информация, что якобы у Игнатова при обыске изъяли листок бумаги с номерами Голандо и его родственников, и что написаны они мной. Мне, заведомо уверенному, что никаких листков Игнатову я не давал и не писал, сразу вспоминаются записные книжки, которые Новоселов забрал при обыске в конце июня из моей квартиры.

В 2002—2003 годах Марина частенько ходила в кинотеатр или в цирк с моим сыном Антоном, и каждый раз брала с собой номера телефонов, по которым она могла найти мою бывшую непоседливую жену, чтобы вернуть ребенка домой.

Это случилось после случая, когда Марина после кинотеатра приведя его по домашнему адресу, обнаружила, что дома никого нет, и ей пришлось оставить Антона у бабушки, моей матери, этажом ниже. Позже выяснилось, что Лариса Владимировна Ярина в то самое время решила сходить в гости к своей старшей сестре, а потом еще и очень возмутилась, что ребенка не вернули ей лично. Ну и, скорее всего, вдобавок тут присутствовало предвзятое отношение к моей второй жене.

Ходить на подобные мероприятия я был не любитель, Марине же нужна была компания, а Антону лишнее развлечение не мешало, тем более они друг с другом хорошо ладили. И после вышеописанного случая у Марины всегда с собой были номера домашних телефонов матери Антона, ее сестры Ольги и их родителей, то есть Голандо. И кроме этого объяснения, каким-либо листкам с номерами родственников Голандо, написанными моей рукой, взяться было неоткуда.

Хотя здесь я опять же принимал на веру, что этот листок существует, и что написан он именно мной. Мне даже в голову не приходило принять это за выдумку, и поэтому я пытался найти логическое объяснение тому, что и откуда могло взяться в действительности.

А в реальности в деле присутствует листок-стикер с номерами телефонов, который якобы был изъят у Игнатова и по его показаниям написан мной в его присутствии. Но в том листке есть рабочий номер Голандо в «Роднике», а этот номер за ненужностью мной никогда и никуда не записывался. Заключение графологической экспертизы сошлется на то, что объем информации для исследования очень мал и частично не пригоден, потому ответить, принадлежит ли почерк обвиняемому Трушникову, не представляется возможным. Но экспертиза будет проведена лишь в 2012 году, и так же с очень интересными моментами, поэтому подробное описание этого я сделаю позднее.

Рассказы Игнатова

— 1 —

Сережа Игнатов к концу осени 2005 года, по всей видимости, уже полностью осознал всю серьезность происходящего. Три с лишним месяца заключения вполне хватило, чтобы пересмотреть свои действия и поступки с разных сторон.

Исходя из того же содержания его письма, можно понять, что еще до своего ареста Игнатов понимал, что участвует в каком-то увлекательном процессе, имеющем цель навредить мне. Об этом он там говорит практически прямым текстом. И в своих действиях, полноту которых я не могу достоверно определить до сих пор, Сережа не видел ничего криминального. Поэтому, даже после задержания, находясь в ОБОПе, он выглядел вполне нормально, как его описали Саша Авдеев с моим шурином. Отсюда и та легкость, с которой он по чужому навету вплел меня в свои показания. Только вот всей серьезности происходящих событий он нисколько не осознавал и не предполагал, что от этой бездумной игры может пострадать прежде всего он сам.

И кстати, если стенограммы в деле сделаны все-таки на записях именно его разговоров с Голандо, то та игривость, с которой он излагает требования и угрозы, лишней раз подтверждает мои слова, что в его ощущении все было не более чем игрой. Возможность чем-то навредить мне исподтишка он бы тоже не упустил, поскольку слишком неприятны для него были те моменты, когда нас сталкивала жизнь.

После того, как я проигнорировал его письмо, он предпринимал попытки выйти со мной на связь. Звонил сам, и я, не разговаривая, вешал трубку. Просил других людей, и я говорил им, что мне не о чем разговаривать с Сережей. Хотя многие мне говорили, что я не прав, что у меня с Игнатовым по сути один противник, поэтому нельзя его отталкивать, невзирая на то, что он натворил.

В конце концов, адвокат Кучинский убедил меня, что поговорить с Игнатовым все же не мешало, хотя бы для того, чтобы выяснить, что происходит в данный момент в уголовном деле. И когда в очередной раз Сережа начал искать контакта со мной, игнорировать его я не стал. Но, разговаривая с ним, я не забывал о вероятности того, что Игнатов может продолжать действовать по указанию оперативников, поэтому доверия к нему не было ни капли.

Тому, что я пошел с ним на контакт, Сережа очень обрадовался. У меня же никакой радости слышать его не было. Более того, накопилось очень много неприятных вопросов к Игнатову, от которых он просто уходил в сторону. Я хотел конкретно от него услышать: делал ли он то, в чем его обвиняют; как вообще он попал в эту историю; что или кто заставили приплести меня к этому всему; и почему он раньше, когда еще был на свободе, не рассказал обо все мне или Саше Авдееву. Он же все сводил к тому, что смысла нет говорить о прошлом, а надо что-то делать сейчас. Говорил о том, что хочет дать другие показания, но следователь его игнорирует, а навязанный ему адвокат не хочет ничего делать без денег. Из всего, что он моментами упоминал, можно было представить кое-какую определенную картину из прошлого. Некоторые моменты выглядят предельно неправдоподобными, а некоторые наоборот вписываются в натуру Игнатова и в прошедшие события, но в любом случае это лишь его версия...

— 2 —

Еще летом или осенью 2004 года с Игнатовым произошла неприятная история. Однажды вечером, находясь в поисках халявы, Сережа прибил к одной веселой компании и познакомился с человеком по имени Слава. Чуть позже, уже вдвоем со Славой, покинув компанию, они разместились в подобии летнего кафе в шестом микрорайоне, где познакомились с девуш-

ками и остаток вечера пили алкоголь в их обществе. Спонсором данного мероприятия был Слава, которым деньги буквально не считались, чем изначально он и привлек Сережино внимание, как потенциальный друг. Чем закончился вечер, Игнатов не помнил, но со Славой они очень сдружились, и вероятно Сережа озвучивал и свой адрес, и номер домашнего телефона. Потому как на следующий день Слава пришел к нему домой с претензией, что во время их пиршества у него пропали деньги и в краже он подозревает Сережу. Игнатов как мог оправдывался, но Слава стоял на своем, обвиняя и говоря, что деньги Сереже придется вернуть. На том они тогда и расстались, Слава сказал, что зайдет через несколько дней, и чтобы к тому времени украденные деньги были собраны в полном объеме. Причем определенной суммы Слава не назвал, сославшись на то, что Сережа прекрасно знает сколько взял.

После этого визита Игнатов просто решил спрятаться, как он хорошо умел это делать. К телефону и дверям не подходил, а отец всем говорил что его нет дома. И на улицу без лишней необходимости не показывался. Потом через какое-то время страх перед Славой пропал и Сережа зажил своей обычной жизнью. К концу года вообще про этого Славу не вспоминал.

И вот уже в начале 2005 года Игнатов сталкивается со Славой лоб в лоб на улице. Сереже тут же припоминаются и украденные деньги, и то, что он прятался. Слава избивает его, а потом таскает за собой по городу, заставляя Сережу соображать, как тот будет отдавать долг. Спрашивает у него про друзей и знакомых, которые смогут дать Сереже деньги. Кого-то Игнатов вспоминает, к кому-то заходит домой или на работу, но само собой денег ему никто не дает. И вот именно в тот момент, оказавшись со Славой возле моего дома, Игнатов заходит, рассказывает Марине про больного отца, и она дает ему в долг. Меня он просто надеется не застать в дневное время дома, а про то, что со мной случилось месяцем ранее, Игнатов не слышал. Деньги, полученные от Марины, он отдает Славе. После этого Слава его отправляет искать деньги самостоятельно, говорит, что зайдет к Сереже завтра, и чтоб тот не вздумал прятаться.

Назавтра, а может быть чуть позже, Слава навещает Игнатова и предлагает ему компромиссное решение Сережиной проблемы. Говорит, что есть человек, который должен Славе крупную сумму денег, и если Сережа поможет ее вернуть, то про украденные деньги Слава забудет. От Игнатова лишь требуется звонить должнику и морально стимулировать того к возврату денег. Сереже, по всей видимости, эта идея понравилась, и с этого момента начинается эпопея звонков Голандо и его родственникам с угрозами.

Сначала они использовали таксофоны, причем Слава номер всегда набирал сам, предварительно обсудив с Сережей с кем и о чем примерно тот будет говорить. А чуть позже Слава отправил Игнатова купить мобильный телефон по объявлению, и звонили уже по месту где они встречались. Продолжалось это примерно до июня, потом Слава в какой-то момент пропал, а Сережа с моей помощью «трудоустроился» к Саше Авдееву.

Про остальные инкриминируемые ему деяния, как передача коробки с муляжом для Яриных и коробки из-под торта в квартиру Волковых, Игнатов говорил со мной всегда очень скользко. То не отрицал этого за собой, то об этих событиях говорил как бы со стороны. Но если про тот же муляж Сережа рассказывал уверенно и довольно точно описывал содержимое коробки, то про подарок в квартиру Волковых он тогда практически не проронил ни слова.

Однажды, когда я припомнил ему июньские события и то, как он неожиданно исчез от Авдеева, Сережа рассказал, что в тот день позвонил отцу и тот поведал, что в их доме обнаружили бомбу. Игнатов, беспокоясь за отца, поехал к себе домой, и уже возле дома, узнав к кому имеет отношение это происшествие, очень сильно испугался. А гораздо больший страх он ощутил, когда зайдя домой, застал отца вместе со Славой, распивающих за столом водку и обсуждающих тему бомбы в доме. Сереже ничего не оставалось, как присоединиться к ним. Игнатов-старший видел Славу уже неоднократно, считал его Сережиным приятелем, а любой гость с бутылкой в том доме всегда был желанным.

После совместной пьянки, совместно с Сережей покинув дом Игнатовых, Слава намекнул, что сегодняшнее происшествие в доме это часть их плана и нужно продолжить начатое. Игнатову пришлось рассказать, где он сейчас живет и чем занимается, но Слава сказал, что сначала они закончат дело, а уж потом Сережа будет заниматься чем хочет. А сейчас Игнатов должен жить дома и поменьше высовываться.

Игнатов-старший как раз получил пенсию, поэтому последующая неделя у Сережи прошла в запое с отцом. А потом во время вечерней вылазки в магазин он случайно столкнулся со мной, жутко огорченным последними событиями в своей жизни, и после нашего очень непродолжительного общения Игнатов вернулся в коттедж Авдеева.

Слава навестил его уже там через несколько дней, когда Саши Авдеева не было дома, и на этот раз даже одобрил новое место жительства. После этого они неоднократно встречались недалеко от коттеджа по заранее условленной договоренности, вновь звонили Голандо с телефона, который Слава приносил с собой. Игнатов в свободное время бывал у обоих родителей, а в один из визитов к матери его задержали оперативники ОБОП.

Вот, собственно, какую совокупную картину можно было представить из всех рассказов Игнатова. И это не более чем его слова. Ко всему можно добавить, по его утверждению, что он не знал о том, что Голандо имеет какое-то отношение ко мне вплоть до конца июня. А, сделав такие выводы из моих разговоров с Авдеевым, считал это обстоятельство просто совпадением. И вот в это я верю меньше всего.

Что касаясь его показаний, то, опять же с его слов, вначале он почти честно рассказал все про их отношения со Славой. Но обоповцы сказали ему, что у них есть доказательства против Трушникова, поэтому поисками Славы им заниматься некогда, а главным героем в повествовании Игнатова должен стать именно я. Сережу, по всей видимости, в этом моменте уговаривать не пришлось. Более того, у него самого появилось предположение, что Слава является моим приятелем, а их знакомство с Сережей это часть нашего общего плана.

Адвокат Иван Сытик

После пары бесед с Игнатовым и консультации с адвокатом Кучинским, я решил встретиться с Сережиным защитником по делу Иваном Дмитриевичем Сытиком. Он был уже вторым назначенным защитником, а первый, Сергей Бутусов, прекратил адвокатскую деятельность, так как был назначен мировым судьей. Хотя все его участие заключалось лишь в подписывании протоколов следственных действий, реально же, по словам Игнатова, Бутусов участия в них не принимал, и даже ни разу не побеседовал с подзащитным.

Иван Сытик подошел к делу более «по-адвокатски». Он сразу сказал Сереже, что не работает за государственную оплату, но если Игнатов желает, то кто-нибудь из его родственников или знакомых может заключить с Сытиком договор, и тогда тот полноценно возьмется за дело. И как многие адвокаты заставляют верить своих подзащитных, так и Сережа поверил в Сытика как в панацею.

Мне несколько не хотелось помогать Игнатову, к тому же еще оплачивать ему адвоката. Но Сережа утверждал, что настаивает на повторном допросе, а следователь с адвокатом его игнорируют. Это было со всех сторон незаконно, поэтому я и решил поговорить с Сытиком. С ним у нас оказался один общий знакомый – мой давний приятель Гена Важенин (о нем еще будет идти речь), который о Сытике отозвался с положительной стороны. Ничего дурного о своем коллеге не сказал и Кучинский. Лишь через два-три месяца выяснится, что Ваня Сытик не только завсегдатай пьянок в ОБОПе, но еще и старинный друг Голандо. Но в начале декабря 2005 года я об этом не мог даже предполагать, поэтому созвонился с ним и договорился встретиться.

Местом встречи я предложил ресторацию «У Никольского взвоза», что находится в гостинице «Сибирь». В данном месте в тот жизненный период я частенько обедал, а также встречался с людьми по каким-то делам, поэтому выбор места встречи был фактически определен по умолчанию. Правда, от обеда Иван Дмитриевич отказался, но тогда я еще не знал его как страшного любителя халявы, поэтому не удивился.

С самого начала нашей беседы с Сытиком меня преследовало ощущение, что тот знает заранее, о чем я буду говорить. Но каких-либо оснований подозревать его в сотрудничестве с ОБОПом я на тот момент не имел, иначе на многое, о чем говорил Сытик, можно было обратить внимание и сделать соответствующие выводы. А так же не было оснований проводить параллель между Сытиком и двумя хлопцами, которые сидя в зале, все время нашей беседы распивали кофе «без всего» с видом, будто абсолютно никуда не торопятся. Любой завсегдатай подобного заведения сразу определяет в зале людей, которые не вписываются в общую атмосферу. Тем более, когда эти люди очень уж напоминают оперативников, которым несвойственно находиться в обеденное время в подобном месте, и тем более несвойственно целый час молча пить кофе. Но, отметив эту парочку, как возможно знающих меня в лицо милиционеров, с нашей встречей я их не соотнес. У меня были определенные вопросы к Сытику, которые я намеревался побыстрее решить.

Я лишь хотел, чтобы он как защитник инициировал допрос своего подзащитного, при этом я не вдавался в какие-то подробности, что именно Игнатов собирается говорить. А вот Сытик напротив пытался меня образно втянуть в дело, в планирование линии защиты и иные подобные моменты. При этом он неоднократно делал акцент на том, что мы с Сережей оба являемся фигурантами уголовного дела, поэтому я являюсь основным лицом, заинтересованным в защите Игнатова.

С первых слов было ясно, что Сытик жаждет денег и готов пообещать все что угодно, лишь бы договориться на какой-то гонорар за представление интересов Игнатова. Я не стал лишать его надежд на ожидаемый доход, сказав, что после допроса Игнатова станет все более-

менее ясно, но пока мы наши взаимоотношения ограничим этим. И допрос необходимо провести как можно быстрее, на что Сытик отозвался с рвением, пообещав, что сегодня же займется этим вопросом. По поводу оплаты этой его услуги, чтобы не делать никаких авансов и одновременно не заставлять его верить мне как первому встречному, я имел полномочия от нашего общего знакомого Важенина сослаться на него и дать гарантии непосредственно от его имени. На том мы с Иваном Дмитриевичем и расстались.

Правда, Сытик сразу же после нашей встречи перезвонил Гене Важенину, уточнил у него вопросы гонорара и, получив подтверждение тому, о чем я говорил, так же клятвенно заверил Гену, что сделает все, что от него требуется. Вероятней всего, в своем бурном воображении Ваня Сытик и Важенина записал в подельники Игнатова.

И забегая вперед, сразу скажу, что в следующий раз Игнатов будет давать показания лишь в судебном заседании. Ваня Сытик просто полностью саботирует защиту обвиняемого. Эта напрочь пропившая совесть личность по моральным характеристикам сравнима, пожалуй, с самим Сережей Игнатовым. Не могу сказать, какие именно интересы преследовал в этом деле Сытик, но просто из дружеских отношений с Голандо или оперативниками делать он этого бы не стал.

Размышления о «темных» делах

Декабрь 2005 года был очень богат на события. Но о них я в конкретике повествовать не буду в силу многих причин.

Во-первых, даже в то время было бы очень сложно доказать реальность всего произошедшего. И как следует из одной старинной итальянской притчи о мельнике, всегда проще обвинить и казнить человека, которого застали с ножом возле жертвы, чем искать неизвестного убийцу. Поэтому иногда лучше скрыть какое-то известное событие преступления, чем предавать его огласке, дабы не быть в нем же обвиненным.

Во-вторых, к официальному беззаконию, о чем идет речь в этой книге, те события отношение имеют лишь косвенное. Я больше чем уверен, что тот же Курмаев, «штопая белыми нитками» дело Игнатова, даже не представлял, что происходит за ширмой следствия. И, кстати, я не знаю официальной версии, почему в тот самый период руководство прокуратуры решило поменять следователя по делу, но и на этот счет у меня есть свои предположения.

Мальчика-карьериста просто вывели из-под возможного удара. Ведь любой случайный форс-мажор в следствии автоматически отразился бы на карьере Жени Курмаева.

Сейчас я попытаюсь привести пример некой абстрактной ситуации. Представьте, что длительное время определенному человеку угрожали расправой. Причем угрозы эти озвучивались и в адрес родственников. А также, подкреплялись сначала муляжом бомбы, а потом и якобы реальным, но вовремя обезвреженным взрывным устройством. Да еще таким, что при взрыве могла рухнуть половина многоподъездной девятиэтажки. При этом все, начиная от самой жертвы угроз и его родни, заканчивая официальными органами, в один голос утверждали, что во всем виноват бывший зять этой самой жертвы. И даже уже был другой обвиняемый, находящийся под стражей, который тоже причастен к этому делу и изобличал главного преступника в подтверждение всеобщего мнения. Вдобавок, официально, и как, наверное, докладывалось руководству, преступника просто усердно разыскивали, даже постановление на этот счет вынесли и в дело вложили. Руководство вот только наверняка не знало, что этот самый названный преступник в это время жил себе спокойно буквально в каких-то метрах от их родной прокуратуры, и ежедневно выгуливал собаку под окнами прокурора города.

И вот допустим, что на фоне вышеописанной жизненной картины где-то в одном из подъездов города неожиданно произошел бы реальный взрыв, и при этом очень даже реально погиб один из фигурантов дела, например родственник главной жертвы. И что последовало бы дальше?...

А дальше началась бы суета сует. Руководство всех возможных компетентных структур било бы каблуком в пол и требовало незамедлительно найти злодея. Тем более что в свете ранее произошедших событий никто даже на секунду не усомнился бы кто именно этот самый злодей. И все имеющиеся силы уже бы реально были брошены на его поимку.

Но при всем существует еще один маленький нюанс. Небольшой группе людей в тех компетентных органах доподлинно известно, что злодей то вовсе и не злодей, а просто «козел отпущения». И как знать, чем обернется его задержание – он может иметь алиби на момент последнего происшествия, либо еще каким-то путем доказать свою непричастность, и вся красиво созданная картина событий развалилась бы в один момент. Гораздо проще и безопаснее не задерживать его вообще, но в то же время исполнить служебный долг. Как сказал в рупор Глеб Жеглов: *«В связи с особой опасностью вашей банды я имею указание руководства, живыми вас не брать...»*. Должно быть предельно ясно, о чем я говорю.

А если приведенный выше пример чуть изменить и представить, что запланированного взрыва с гибелью родственника главной жертвы не произошло. И виновником в срыве этого плана являлся бы никто иной, как тот самый названный злодей, который вместе со своими дру-

зьями вовремя проанализировал всю ситуацию, просчитал ход дальнейших событий и вовремя нашел реальное установленное взрывное устройство.

И вдобавок ко всему, одновременно с провалом превосходного плана бесследно исчез бы человек, непосредственно его осуществлявший. Скажем, тот самый Слава. Которого знал в лицо и мог опознать уже томящийся в застенках обвиняемый Игнатов.

При такой ситуации у той небольшой группы людей из компетентных структур, которым известно гораздо больше, чем остальным, уже имелись бы основания для паники. Ведь могла вскрыться реальность всех произошедших по делу событий, а исчезнувший исполнитель представлял для них реальную угрозу как свидетель. Но корень угрозы находится опять же в названном злодее, ибо именно он мог вынести наружу все, что было скрыто за кадром. И в подобном варианте событий необходимость избавиться от этого злодея ощущалась гораздо острее, чем по ранее задуманному плану. И, хотя у руководства не было повода бить каблуком в пол и требовать его немедленной поимки, всегда можно было найти повод инициировать этот процесс, причем в виде вполне масштабной операции. А в ходе ее проведения уже осуществить задуманное коварное действие.

Я думаю, среди читающих это повествование работников полиции найдется хоть один, кому эти абстрактные ситуации напомнят конец декабря 2005 года, когда он в многочисленной компании коллег наивно думал, что участвует в операции по задержанию опасного преступника Трушникова. И пройди все тогда по плану, этот наивный мальчик за своим новогодним столом рассказывал бы с чувством выполненного долга захватывающую историю, как поступила информация о том, что разыскиваемый негодяй, который летом пытался взорвать «китайскую стену», готовит новый теракт под Новый год. А также, обладая информацией о возможном местонахождении этого преступника, руководством была инициирована операция по его задержанию с привлечением нескольких ведомств, в результате которой преступник, оказавший вооруженное сопротивление был ликвидирован. Но главное, что негодяй обезврежен и любимый город может спать спокойно, а раздача орденов, медалей и грамот будет позже.

Возможная новогодняя история – это конечно ж плод моей фантазии, но думаю, что я не очень далек от истины. И юмор присутствует лишь за давностью лет. А когда вечером 30 декабря 2005 года я осознал, что на меня началась настоящая охота, то было совсем не до смеха.

На тот момент мне даже в голову не могло прийти, что все происходило под прикрытием вполне официальной операции по задержанию. Но я знал истинное положение вещей – кто, почему, а главное, зачем меня в действительности преследует. Поэтому, да простят меня непосвященные сотрудники полиции, потратившие тогда зря свое время, уходил я не от правосудия, а от небольшой группы людей, желающих избавиться от меня. И если накануне этого события я мог лишь сказать, сотрудники какой именно структуры ведут двойную игру, то, видя авангард преследования, уже можно было назвать их по именам. Ведь те, кто замыслил тогда это «черное дело» неминуемо должны были находиться на переднем плане.

Через полтора года, в июле 2007 года, я буду сидеть все в том же кабинете начальника «убойного отдела» и рассказывать Анатолию Ивановичу Глухих все полностью, что мне известно по «делу Голандо», включая декабрьские события. И упоминая про тот вечер 30 декабря, чуть не ставший злополучным, Глухих тоже его вспомнил. Мол, тогда привлекли к операции много сотрудников угрозыска, хотя сам он не участвовал, поэтому не помнит чем все закончилось. К этой беседе, как и почему она состоялась, я вернусь позже.

Утром 31 декабря, решив не испытывать судьбу, я с семьей уехал в Тюмень. А несколькими днями позднее мне стало известно еще об одной неприятной истории, произошедшей в тот же вечер 30 декабря с ребятами, которые мне помогали в тот период. И в результате чего мы потеряли практически все материальные (и не только) аргументы, с помощью которых дело о вымогательстве у Голандо можно было показать доказательно с абсолютно другой сто-

роны. Если планы наших оппонентов в отношении меня потерпели фиаско, то в отношении моих друзей они имели практически полный успех. И представлять какую-либо опасность для известных мне «оборотней в погонах» мы перестали. Потому я и не рассказываю подробностей, что доказать практически ничего невозможно. Хотя у меня буквально чудом осталась сканированная копия одного удостоверения, в фотографии с которого Игнатов без всяких наводящих вопросов уверенно опознал своего друга Славу.

Но это опять же, всего лишь фотография и слова. С равной степенью достоверности можно заявить, что существование Славы было выдумано, удостоверение сделано в Photoshop, а все остальное это просто договоренности между мной и Игнатовым.

Следствие по уголовному делу

— 1 —

Продолжу далее повествование о следствии по уголовному делу. При этом сразу оговорюсь, что различные моменты мне стали известны в разное время, вплоть до ознакомления с уголовным делом в 2013 году. А часть имеющихся в деле следственных документов я упоминать пока не буду, так как уверен, что 2005—2006 годах их не существовало, а материализованы они были гораздо позже другим «умельцем».

Как я уже упоминал, Женя Курмаев по решению руководства передал это уголовное дело другому следователю. Им был никто иной как Азат Рахимов, родной сын Куттуса Рахимова, которого Курмаев назначил мне в адвокаты. И это тоже о многом говорит, ведь будь я действительно подозреваемым по делу, то Азата Рахимова никто бы не назначил следователем по делу, где защитником фигурирует его отец. Это было бы нарушением уголовно-процессуального закона, которое могло быть основанием для признания ничтожными всех следственных действий после такого назначения.

Да и сам выбор следователя здесь вызывает огромный интерес. Вроде бы дело о резонансном преступлении, которое прогремело на весь город, которое вел молодой, но уже опытный следователь по особо важным делам, и вдруг его передают следователю, накануне закончившему четырехлетку гуманитарной академии. В реальности его и юрисконсультom навряд ли куда-то бы взяли с такими познаниями из «картофельного» ВУЗа, а тут сразу следователем в городскую прокуратуру и «вручают» такое уголовное дело. Хотя, наверное, когда папа адвокат, а папина жена заместитель районного прокурора такие чудеса могли иметь место в действительности.

Срок следствия, как известно, составляет два месяца. После этого по ходатайству следователя этот срок по необходимости продлялся прокурором (в редакции закона на 2005 год). Причем в подобном ходатайстве следователь, мотивируя необходимость продления следствия, указывает какие действия он выполнил за предыдущий период и какие в рамках следствия ему предстоит выполнить.

Читая эти ходатайства в уголовном деле, невольно разбирает смех. Сначала следователь пишет, что ему нужно допросить подозреваемого Трушникова. Вот только постановления о привлечении в качестве подозреваемого в деле отсутствует, и что же мешало меня допросить, ну или хотя бы ради приличия направить повестку о вызове на допрос. Потом следователю уже мало просто допросить и в следующем ходатайстве о продлении срока следствия он добавляет, что Трушникову необходимо предъявить обвинение. Интересные дела... Не проведя никаких следственных действий непосредственно в отношении меня, у следователя уже готово обвинение! Но и на этом Рахимов не останавливается – в следующем ходатайстве ко всему ранее сказанному уже добавлено, что нужно собрать необходимые доказательства, подготовить и утвердить в отношении меня обвинительное заключение и передать дело в суд. Просто удивительно, как Азат Рахимов сразу приговор в отношении меня не вынес! ^[10]

Потом в деле следует несколько рапортов ^[11] сотрудников ОБОП, где они утверждают, что упорно силились застать меня дома, причем по тому адресу, где я не проживал. И имели даже беседы с моими соседями, которые недоуменно качали головами и говорили, что уже несколько месяцев меня не видели. Только вот странным образом оперативники не опросили жителей самой квартиры, где меня искали. И соседи почему-то забыли, что моя семья оттуда переехала, а в квартире живут другие люди. Ну и, в конце концов, конечно же виноват Женя Курмаев, который дважды отправлял повестки моей супруге по новому адресу, видимо по воле случая ставшего ему известным, а поделиться этой информацией забыл как с ОБОПом, так

и со своим последователем Рахимовым. А то, что теперь наш подъезд дома находится в каких-то пятидесяти метрах от подъезда прокуратуры, это вообще мелочь. Видимо, очень занятые люди эти прокурорские работники, чтобы в окно пялиться и смотреть, кто там мимо ходит и своих собак под их окнами выгуливает.

И вот, согласно материалам дела, полностью доверившись оперативникам, Рахимов принимает решение объявить подозреваемого Трушникова в розыск и поручить данное предприятие отделу уголовного розыска УВД г. Тобольска, о чем имеется постановление от 20 ноября 2005 года^[12]. Вот только более чем через месяц сотрудникам угрозыска еще было неизвестно, что им поручена поимка опасного преступника Трушникова, а в мероприятии организованном ОБОПом 30 декабря их попросили поучаствовать лишь на подхвате, на заднем плане. Да и последний штамп ФМС в моем паспорте датирован концом декабря. Это вообще явление на грани фантастики, что человек, объявленный прокуратурой в федеральный розыск, спокойно оформил прописку в местном отделе ФМС, расположенном в одном здании с отделом уголовного розыска.

— 2 —

В середине января 2006 года Рахимов, видимо потеряв все надежды разыскать подозреваемого Трушникова, выносит постановление о выделении уголовного дела в отдельное производство^[13]. Только вот мотивацией данного решения в постановлении обозначена фабула обвинения Игнатова. Другими словами, коротко это выглядит примерно так: *«Выделить материалы в отношении Трушникова, потому что Игнатов сделал то-то и то-то»*. И, вынося это постановление, Рахимов совсем забывает нормы УПК РФ, где ч.3 ст.154 гласит, что *«... если уголовное дело выделено в отдельное производство для производства предварительного расследования в отношении нового лица, то в постановлении должно содержаться решение о возбуждении уголовного дела...»*. Ни слова о возбуждении уголовного дела в данном постановлении нет. А каким-либо участником судопроизводства в деле Игнатова я не являлся, кроме голословных упоминаний обо мне как о подозреваемом.

Чтобы было понятно, я вновь обращаюсь к букве Закона, где ч.1 ст.46 УПК РФ (в редакции на 2005 год) разъясняет, что лицо является подозреваемым лишь в трех случаях: 1) **в отношении которого** возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 УПК РФ; 2) **которое задержано** в соответствии со статьями 91 и 92 УПК РФ; 3) **к которому применена мера пресечения** до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 УПК РФ;

Таким образом, подозреваемым я являлся в течение двух дней в июне 2005 года, пока Курмаев не вынес в отношении меня постановления, где четко указано, что подозрения не подтвердились. А Рахимов, выделяя уголовное дело в отдельное производство в отношении нового лица, как минимум был обязан возбудить это уголовное дело, я уже не говорю про необходимую мотивацию постановления о том, в каких деяниях именно Трушников подозревается.

Вынесенное Рахимовым постановление вместе с копиями материалов из дела Игнатова образовали собой новое уголовное дело №200600207/27, возбужденное 17 января 2006 года, которое в силу Закона, как я объяснил выше, никто не возбуждал.

И в сентябре 2013 года, претерпев несколько слияний с другими делами, в суд уйдет именно дело под №200600207/27, возбужденное 17 января 2006 года, которое никто не возбуждал законным образом, но именно по которому я буду осужден к 11 годам колонии строгого режима.

Также, в январе 2006 года Рахимов повесткой вызвал на допрос мою жену Марину, но вместо допроса под расписку вернул полностью все вещи, изъятые в ходе обыска в июне 2005 года. То есть исключил из дела ранее приобщенные вещественные доказательства, которые более полугодом что-то доказывали по делу, а потом потеряли свою объективность.

– 3 —

Теперь постараюсь объяснить, для чего собственно было необходимо выделение уголовного дела и наличия в деле постановления о моем розыске.

На начало 2006 года все, что можно было собрать в отношении Игнатова, было уже собрано. Но вот в отношении Трушникова, которого на голом месте приплели к этому делу, кроме слов Игнатова, которые легко можно было опровергнуть, ровным счетом ничего не было. Но Трушникова из дела не выкинешь, ведь ему уже создана определенная роль в деле и реклама перед начальством, да и именно он приходится Голандо бывшим зятем, а не Сережа Игнатов. Поэтому в суд дело в отношении одного Игнатова тоже не отправишь без Трушникова, ибо держится оно в основном лишь на его показаниях, а в них, как мотивация к Сережиным деяниям, кругом чуткое руководство Трушникова. А двоих их в суд отправлять тем более нельзя – не доказав вины второго, из обвинения первого исчезнет фундамент, на котором все держится. Потому Игнатова по логике нужно судить одного, а Трушникова пока оставить в стороне. И само собой лучшим мотивом для разделения дел является то, что второй преступник находится в розыске и его местонахождение установить невозможно.

И еще возможно, что дурному Трушникову может приспичить заявиться в суд в качестве свидетеля, скажем по ходатайству защитника, а такой поворот событий также очень нежелателен. Ведь «иуда» Ваня Сытик поделился тем, что я хотел помочь Сереже. Поэтому наиболее удачный вариант для стороны обвинения, чтобы Трушников формально находился в розыске. Поэтому могу биться об заклад, что постановление о розыске появилось в деле лишь перед передачей дела Игнатова в суд, а не в ноябре 2005 года. Кстати, в деле есть множество документов, где имеется ссылка на данное постановление, но с разными датами его вынесения.

Когда выяснилось, что адвокат Сытик работает против интересов Игнатова, было уже поздно его заменять, чтобы что-то изменить в уголовном деле. Единственное, что сделал Игнатов, это отправил из ИВС письменный отказ от адвоката. А Гена Важенин, расстроенный тем, что человек, за которого он ручался, оказался продажной сволочью, решил сам принципиально помочь Игнатову и договорился о его защите с адвокатом Вячеславом Костериным. Важенин ни разу не видел Игнатова в лицо, и даже ни разу не общался с ним, его просто по-человечески заделало, что творят наши органы.

И именно этот эпизод участия в деле ныне покойного Гены Важенина послужил причиной его появления в моих «обоповских показаниях» в 2012 году в качестве еще одного мнимого соучастника и организатора преступления, о чем я поведаю позже.

Суд и доказательства

– 1 –

До судебного процесса адвокату Костерину отказывали в посещении своего подзащитного в ИВС, а также он не имел возможности ознакомиться с уголовным делом. Его участие в деле фактически началось только с первого судебного заседания.

Невзирая на то, что Костерин уведомил и суд, и прокуратуру о том, что является защитником Игнатова, его даже не проинформировали о дате и времени первого судебного заседания. А доставленный на это заседание Игнатов на адвокатском месте вновь увидел бессовестного Сытика. Он само собой возмутился и объяснил суду, что от адвоката Сытика он давно отказался, и что требует вызова адвоката Костерина. Сытик объяснил свое присутствие тем, что ему пришла повестка, но отказ от себя не отрицал, потому инцидент был исчерпан и слушание перенесено.

У меня действительно было желание, чтобы сторона защиты заявила ходатайство о вызове меня в качестве свидетеля по делу. Но буквально с первыми слушаниями стало понятно, что в суд меня никто не допустит. Весь период процесса возле зала судебного заседания и в машине около здания суда дежурили оперативники ОБОП. И видимо не до конца надеясь на собственную бдительность, озадачили своей нуждой и судебных приставов – на вахте охраны на виду лежала моя фотография. Несложно предугадать, что бы было, появившись я в суде.

Председательствовала в процессе судья Кордюкова, дама предпенсионного возраста с большим опытом работы. Государственное обвинение поддерживала помощник прокурора Евгения Королева, профессиональная хабалка, каких свет не видывал. Полное отсутствие чувства этики и профессионального такта. Единственная цель, которую она преследовала – чтобы Игнатов был осужден, а Трушников как можно крепче привязан к делу. В прениях сторон она запрашивала для подсудимого пятнадцать лет лишения свободы, для сравнения – столько запрашивают за убийство двух и более лиц.

Сереза Игнатов был осужден к семи годам колонии общего режима по ч.2 ст.163 и ч.1 ст.222 УК РФ за вымогательство группой лиц по предварительному сговору и передачу взрывного устройства. Обвинение в покушении на убийство общеопасным способом с Игнатова сняли еще на ранней стадии следствия, потому что из его показаний следовало, что он добровольно отказался от приведения в действие взрывного устройства.

В его приговоре^[14] я насчитал свою фамилию около сотни раз. А так же в самом судебном процессе моя фамилия звучала постоянно. Адвокат Костерин в какой-то момент даже выразил вслух недоумение по поводу того, что непонятно, кого именно тут судят, Игнатова или Трушникова. Голандо и его родственники тоже через слово упоминали меня. Прослушивая аудиозаписи свидетельских показаний из суда, я вообще был удивлен насколько много, как оказывается, меня связывает с людьми, с которыми я не общаюсь уже восемь лет.

Все свидетели в процессе были лишь со стороны обвинения, сторона защиты ходатайства о вызове свидетелей не заявляла. Однако позже в кулуарах Голандо, говоря о свидетелях, будет разделять их на «наших» и «ваших».

Да и вообще, весь процесс Голандо вел себя вызывающе, и именно в сторону моей персоны. Например, мог просто из зала начать кричать, что нужно обязательно обратить внимание на что-то, потому что оно связано с Трушниковым. Например: *«Вы только про ту бумажку с номерами моих телефонов не забудьте. Ведь ее Трушников написал!»*.

При допросе в суде Саши Попова, Голандо начал кричать, что этот голос ему явно знаком. Как раз в этот момент прозвучало, никогда до этого нигде не обозначенное, что звонивших ему с угрозами было двое. Его заявления тут же подхватила полувменяемая г-жа Королева:

«Владимир Игоревич, Вам знаком голос этого человека? Вы узнаете в нем звонившего с угрозами???». У моего шурина в тот момент наверняка появилось ощущение, что сейчас Игнатова на скамье подсудимых заменят им самим.

– 2 —

Подобных моментов было много, но мое терпение кончилось, когда Володя Голандо начал по-хамски разговаривать с моей супругой в коридоре суда после слушания в день, когда ее вызывали свидетелем. Он буквально «вылил бочку» обвинений в сторону моей семьи, при этом громко заявлял, что скоро меня посадят, и он приложит к этому максимум усилий. Это уже слова, не сказанные где-то кому-то у меня за спиной, как ранее я был много слышан, а прямые публичные обвинения в мой адрес.

В этот же вечер, хорошо подготовившись, чтоб исключить какие-нибудь провокации в дальнейшем, я решил пообщаться с Голандо. По сути, подготовка заключалась в том, чтобы собрать около себя человек пять, чтобы они слышали каждое слово нашей беседы в процессе телефонного разговора по громкой связи. Он был очень удивлен меня услышать, хотя от разговора не ушел, и удивление быстро сменилось подхалимским тоном.

Наверняка его домашний телефон прослушивал ОБОП, поэтому максимум, что я мог себе позволить, это называть его фамильярно Вовкой. И сразу же задал ему два вопроса: почему он себя так некрасиво ведет в суде, и какие у него лично есть основания делать обвинительные заявления в мой адрес. Следующие минут сорок всецело превратились в оправдательный Володин плач. Он убеждал меня, что нисколько ни в чем меня не обвиняет, а наоборот защищает, ведь мы же с ним родственники. А то, что он в суде говорил, так это он просто повторял, что видел в уголовном деле, а у него самого на этот счет другое мнение. После этого длительного монолога появилось ощущение, что я босой ногой наступил в дерьмо, настолько противны были его излияния.

Через восемь лет, давая показания в суде, Голандо сказал, что после приговора Игнатову я позвонил ему с угрозами, но он героически сразу бросил трубку. Лишь после озвучивания фактов, что нашему разговору было несколько человек свидетелей, да и продолжительность разговора по запросу установить несложно, Голандо затушевался и сказал, что память его иногда подводит, может и было так, как я говорю.

– 3 —

Что касемо доказательной базы обвинения, то фактически она основывалась лишь на показаниях самого Игнатова. Причем на слушании оглашался лишь один протокол допроса, поэтому различные нестыковки в показаниях Игнатова остались «за кадром». Ну а на то, что описанное Сережей взрывное устройство совсем не соответствует описанному при осмотре, никто не обратил внимания.

В соответствии с процессуальным законом показания обвиняемого, чтобы являться доказательством, должны подтверждаться иными доказательствами по делу. Игнатова признали виновным в вымогательстве группой лиц по предварительному сговору и передаче взрывного устройства. И вину суд счел полностью доказанной. Но вот какие иные доказательства по делу, кроме Сережиных показаний, это подтверждали?

Да, признаки состава преступления по вымогательству присутствуют – это требование денег и угроза физической расправы за невыполнение требования. Только присутствуют они (возможно) в аудиозаписях, которые в суде не прослушивались. Однако суду не мешало сослаться на них в приговоре, что уже является незаконным. А вот наличие группы лиц по предварительному сговору не подтверждается вообще ничем. Если отбросить показания Игнатова, то в деле нет вообще ни одного доказательства, что он действовал сообща с кем-то.

С «передачей взрывного устройства» все еще намного интереснее. Нет человека, утверждавшего, что он дал Игнатову это устройство. Мальчики, которым он якобы, в свою очередь его передавал, в суде Сережу не опознали. Каких-либо иных следов, устанавливающих связь между Игнатовым и коробкой из-под торта, обнаружено не было. Получается, что обстоятельство передачи взрывного устройства установлено лишь со слов самого Игнатова и ничем более не подтверждено.

Факт того, что в коробке было реальное взрывное устройство, основан на двух процессуальных документах. Это протокол осмотра места происшествия от 23.06.2005 года ^[15] и заключение взрывотехнической экспертизы ^[16]. Документы, если заострить внимание, тоже очень интересные. Более того, мной уже в 2014 году допрашивались инженер-сапер, непосредственно занимавшийся «обезвреживанием», и один из экспертов, чья фамилия значится в заключении экспертизы.

Протокол осмотра места происшествия – это процессуальный документ, составленный следователем на месте события преступления и отображающий всю окружающую обстановку. В осмотре кроме следователя участвуют понятые, специалисты по профилю и эксперты. Если в ходе осмотра изымаются какие-то предметы, то это отображается в протоколе. А также, описание на бумаге может сопровождаться фотографиями.

Вот что рассказал инженер-сапер тюменского ОМОНа, который прибыл на место в составе группы. На пульт дежурного ОМОН поступил звонок из Тобольска об обнаружении возможного взрывного устройства. Из Тюмени на место сразу же выехала группа сотрудников. По месту, между 8 и 9 этажами дома была обнаружена коробка из-под торта, в которой находилась жестяная банка 0,33 грамма, наполненная веществом светлого цвета, с примотанным к ней пейджером автосигнализации. От пейджера в банку уходили провода, в связи с чем было заключено, что взрыватель неизвлекаем.

На этом месте возникает интересный вопрос. В монолитную массу банки просто уходят провода. Что дает основание достоверно считать, что внутри есть взрыватель? Ответ на этот вопрос был поразителен: *«Ну если внутри взрывчатая смесь, то в любом случае внутри должен быть взрыватель!»*. А если с равным успехом утверждать, что внутри кроме проводов ничего не было, тем более что никаких остатков взрывателя обнаружено не было? То получается, что и взрывного устройства как такового вовсе не существовало в действительности.

Далее инженер-сапер повествовал, что им было дано устное заключение о возможности транспортировки коробки. Но после этого от руководства поступило указание вывезти коробку из города и уничтожить. Далее, он сам лично перенес коробку в служебный автомобиль, группа выехала в лесополосу рядом с городом, и в момент попытки разрушить устройство при помощи гидропушки произошла детонация и взрыв. Пейджер автосигнализации, по его словам, отцепляли непосредственно перед самым уничтожением устройства.

На уточняющий вопрос, производились ли с коробкой какие-то действия до их приезда, либо были ли какие-то промежуточные остановки между местом обнаружения и конечным пунктом, инженер-сапер ответил отрицательно, а от себя добавил, что в подобных случаях дается строгое указание ничего не трогать до приезда саперов.

Ну а теперь, что можно наблюдать по протоколу осмотра места происшествия. Само текстовое описание места вполне соответствует вышеизложенному. Только вот в протоколе присутствует указание на то, что в результате осмотра от устройства был отсоединен и изъят пейджер, а так же из банки взят образец предполагаемого взрывчатого вещества. Это никак не согласуется с показаниями инженера-сапера, утверждавшего, что коробку в начальной целостности содержимого он сам лично вывез за город. И уж совсем не согласуется ни с протоколом, ни с показаниями сапера, фототаблица, представленная тут же. На фотографии открытая коробка из-под торта, в которой просматривается все содержимое, стоит на лавочке возле подъезда. Даже если не брать во внимание слова специалиста, то получается, что коробку

вынесли в целости на улицу, сфотографировали, потом вернули на исходное место, отцепили пейджер и отковырнули часть вещества из банки. А еще тут же в фототаблице присутствуют фотографии, где коробка стоит на земле, фотография гидропушки, следа типа воронки от взрыва и лежащая рядом гидропушка.

Эти фотографии по факту не имеют никакого отношения к осмотру места происшествия – следственному действию, которое осуществлялось по определенному адресу. Уничтожение же коробки должно быть засвидетельствовано отдельным протоколом или актом, как отдельное действие. Более того, использование гидропушки имеет целью механически разрушить взрывное устройство, не позволив ему сдетонировать. Что же это за удивительное взрывчатое вещество находилось в баночке из-под «Фанты», которое неожиданно взорвалось от выстрела из гидропушки? На этот вопрос закономерно должна была ответить взрывотехническая экспертиза, ведь согласно протоколу осмотра был взят образец этого самого вещества.

Но заключение экспертизы ответа на данный вопрос не дает. Хотя и утверждает, что вещество было взрывчатым. Нет ни конкретного названия, ни составляющих, соответствующих известным взрывчатым веществам. В кусочке весом менее грамма обнаружено присутствие бертолетовой соли и сложного углеводорода, схожего с вазелином или кремом для обуви. Бертолетова соль, конечно, имеет способность взрываться, и даже широко используется в малых количествах в пиротехнике, но... именно в малых количествах, ибо наполнить ею даже маленькую емкость невозможно – сдетонировать от простого трения она может и в количестве чайной ложки. Это же какой камикадзе взялся бы ее утрамбовывать в банку 0,33 литра! Вот так из всего и выходит, что взрывчатое вещество вроде бы и есть, но вот что это именно – неизвестно.

Тут же в заключении экспертизы рассматривается пейджер от автосигнализации и еще какое-то промежуточное электрическое устройство, по набору радиодеталей напоминающее транзисторный ключ. Но это мое личное предположение, эксперты даже полусловом не обмолвились о том, по какому принципу и с помощью какого детонатора должно было приводиться в действие взрывное устройство. Нет в заключении даже малого – какое именно устройство в заводском исполнении сигнализации передает сигналы на пейджер. Хотя это малое определить было несложно, но вот навряд ли бы это согласовалось со следствием.

Доставив немало дружеского беспокойства продавцам автосигнализаций, я все же нашел точно такое же устройство, часть которого в виде пейджера фигурирует в деле, с полным описанием и даже электрической схемой. Сам пейджер является простым приемником, принимающим несколько разных сигналов, в зависимости от того, какой датчик на сигнализации сработал. Сигналы эти отображаются на простеньком жидкокристаллическом дисплее в виде элементов автомобиля, на которых стоят датчики. Сигнализирующими же устройствами на пейджере являются звуковой пьезоэлемент и вибровозвонк. От которых собственно теоретически с помощью транзисторного ключа можно замкнуть электрическую цепь предполагаемого взрывателя. Простым языком можно сказать, что при срабатывании сигнализации в автомобиле пейджер начинает пиликать или вибрировать, в зависимости от выбранного режима, и именно этот фактор теоретически вызовет срабатывание детонатора. С одной малой оговоркой – кроме сигналов от срабатывания датчиков пейджер после включения сигнализации непрерывно принимает определенный сигнал с передатчика, при пропадании которого пейджер тоже сигнализирует. Эта функция служит для того, чтобы владелец знал, когда он выходит из зоны связи с автомобилем. Обычное явление для такого типа сигнализаций – человек заходит в лифт и пейджер начинает пиликать, как раз таки сигнализируя о потере связи. Сам передатчик (основное устройство) представляет собой обычную электрическую плату без корпуса, размером примерно 10x15 см, к которой подключаются датчики, питание бортовой сети автомобиля и внешняя антенна, закрепляемая по периметру ветрового стекла. Снятие и постановка в режим сигнализации осуществляется либо с потайного тумблера, либо

с помощью обычной сигнализации, работающей параллельно. Стоимость такого устройства на 2005 год была около четырех тысяч рублей. Приведу для сравнения – простейшее радиореле (радиокнопка с приемником, замыкающим два контакта) в тюменском магазине «Системы безопасности» стоило в четыре раза дешевле, при этом являясь намного проще для этих целей и гораздо надежнее.

Так вот для чего я дал такое подробное описание автосигнализации, пейджер от которой фигурирует в деле. Если допустить, что в коробке из-под торта находилось реальное взрывное устройство, детонатор которого срабатывал от сигнала пейджера, то в руках у Сережи Игнатова никак не могли оказаться ни брелок от сигнализации, ни черной коробочки с антенной. А это было бы внушительных размеров устройство с источником питания 12 вольт. И если бы это устройство даже удалось бы безболезненно включить в режим охраны (а пейджер пиликает и просто при включении/выключении), то устройство бы в любом случае сработало, оказавшись в лифте и потеряв связь с передатчиком.

– 4 –

И получается из всего этого сплошная несурезица. Из которой выходит, что кто-то просто решил обозначить эту коробку из-под торта реальным взрывным устройством, особо не заморачиваясь тем, что это должно быть подтверждено в соответствии с законом.

Кстати, тот кусочек, который якобы отковырнули из банки и в котором эксперты обнаружили присутствие бертолетовой соли, уж очень напоминает со всех сторон начинку от простейшей петарды.

Предположим, что коробка из-под торта была лишь муляжом. Его отправляют по адресу, заранее зная, что такой подарок никто не примет, а хозяйка квартиры вызовет милицию. Потом создается ажиотаж по поводу, что устройство может взорваться с немыслимыми последствиями, и вызываются взрывотехники из Тюмени. Что самое страшное в таком случае для милицейского начальства? Это то, что могут наступить те последствия, о которых говорят. Поэтому указание о том, что от этой коробки нужно как можно быстрее избавиться, выглядит вполне закономерно. В такой суеде не до криминалистических исследований. Тем более что после разрушения устройства гидропушкой должно оставаться то, что отправляется экспертам. Ведь никто не предполагал, что произойдет взрыв.

Версий о том, как и с помощью чего могла взорваться безобидная коробка на месте диалога с гидропушкой, можно выдвинуть множество. И каждая будет иметь право на существование. Пробы почвы с места взрыва тоже никто не брал, что удивительно. Хотя там продукты горения взрывчатого вещества оставались в любом случае. Просто, например, сложно было бы объяснить, откуда на месте взрыва взялись следы тротила, если во взрывном устройстве его даже предположительно не было.

А уже после того, как коробка уничтожена, запоздало приходит мысль, что ведь нужно подтвердить реальность взрывного устройства чем-то существенным типа заключения экспертизы. И самое простое в этом случае, это взять обычную петарду и отправить на экспертизу ее содержимое. Начинка петарды в любом случае взрывается, так что мысль тут очень правильная.

И еще на одном моменте хочется заострить внимание. Та коробка из-под торта, как я уже говорил, была второй, что отправили на адрес родственников Голандо. Первая до адреса не дошла – мальчик, который ее нес, любопытствовал содержимым, испугался увиденного, оставил ее возле подъезда и с помощью прохожих сообщил о ней в милицию.

Так вот если сравнить один случай с другим, то возникает вопрос, а почему в апреле не было такого ажиотажа. Почему не вызвали ОМОН из Тюмени, не эвакуировали жителей

и не сделали всего остального, что произойдет во втором случае? Или же «поверили на слово» собаке, которая якобы ничего взрывчатого не обнаружила? Кто бы захотел рисковать, если оставалась хоть какая-то вероятность, что устройство настоящее. Ничего другого, кроме как опять же чьего-то «убедительного мнения», на ум просто не идет. Кто-то решил, что это должно быть муляжом и это осталось муляжом. И кстати, содержимое апрельской коробки растворилось в небытие. В деле о нем ни слова.

– 5 –

Чем больше начинаешь вникать в подробности этого дела о вымогательстве и бомбе в коробке из-под торта, тем больше укореняется мысль, что все события происходили по четко обозначенному плану. Здесь я имею в виду именно материалы уголовного дела, в которых зачастую напрочь отсутствует причинно-следственная связь. Читая те или иные выводы и утверждения в деле, постоянно возникают вопросы «а почему решили, что это именно так, а не иначе?», «а откуда взялось это?».

Один результат был налицо – Игнатова приговорили к семи годам колонии по обстоятельствам, которые суд счел доказанными фактически лишь с его слов, не подтвержденных в судебном заседании.

Через пару дней после приговора, не вступившего еще в законную силу, центровая на тот момент городская газета «Сибирская панорама» опубликовала статью «*Вымогатель получил семерку*», причем с подзаголовком «*дело о взрыве*». О каком собственно взрыве идет речь неясно, подзаголовок добавлен для красочности. И хотя впереди еще было апелляционное обжалование, общественности открытым текстом заявили, что под делом подведена черта и преступник наказан. Это уже само за себя говорило, что при любых обстоятельствах приговор будет оставлен без изменения.

Что касается меня, несмотря на то, что в прошедшем судебном процессе государственный обвинитель Женя Королева всячески пыталась привязать меня к делу, после приговора со стороны прокуратуры и ОБОПа ко мне был потерян всяческий интерес.

Но в прокуратуре, в производстве следователя Рахимова так и осталось невозбужденное по закону, выделенное в отдельное производство уголовное дело и приостановленное в связи с розыском лица подлежащего привлечению к уголовной ответственности, то есть меня. Вот только постановление о моем розыске дальше материалов дела не ушло. Будь оно передано в угрозыск, то было бы возбуждено розыскное производство, и моя физиономия появилась бы на каждом стенде «их разыскивает милиция». Да и сама милиция предпринимала бы какие-то действия для того, чтобы задержать разыскиваемое лицо.

Я же продолжал жить обычной жизнью, если не брать во внимание, что распущенные ранее слухи о моей причастности к «бомбе в китайской стене» значительно подорвали деловую репутацию. О выделенном уголовном деле и формальном розыске я даже не подозревал.

Игнатов, после вступления приговора в законную силу, уехал в тюменскую колонию ИК-4 и изредка позванивал, сожалея как о своей судьбе, так и обо всем, что произошло.

С моей стороны на все события имелась своя точка зрения, ибо о действительной стороне дела я знал больше. Я был уверен в том, что раз реальная цель этого мнимого вымогательства не была достигнута, то люди, стоящие за всем этим, больше о себе не напомним.

Возвращение к делу

История с вымогательством вновь обрела актуальность летом 2007 года, и отчасти толчком к этому послужили мои собственные действия.

В начале лета я от достоверного источника наконец-то узнал о том, что действительно в отношении меня выделялось уголовное дело. И что не только в нем содержится постановление о моем розыске от ноября 2005 года, но также эта информация была направлена прокуратурой в Информационный Центр областного УВД. И, узнав это, я был предельно возмущен. В Тобольске меня никто не искал, но стоило где-нибудь в стране на посту ГИБДД вбить мои данные, как тут же я был бы задержан.

Буквально сразу же мной была написана жалоба на имя прокурора области Владимирова, где я в деталях описал и про розыск, и про уголовное дело, и про то, что на самом деле живу не скрываясь. А также указал, что по уголовному делу, которое пытаются на меня повесить, я обладаю информацией, свидетельствующей о преступной деятельности сотрудников милиции.

В скором времени из прокуратуры области пришла бумага, в которой сообщалось, что моя жалоба передана по подследственности в прокуратуру Тобольска. То есть, по сути, жалобу спихнули тем, на кого я и жаловался. И вот после этого жизнь снова забурлила событиями. Вначале, в мое отсутствие домой пожаловали несколько рядовых сотрудников милиции, обычных ППСников, спросили они меня. На вопрос моих домашних, зачем я нужен, ответили, что нужно со мной поговорить. Повестки само собой никто не оставил. После этого я и возле дома, и где-то поблизости в городе начал замечать одну и ту же служебную машину ОБОПа, которой пользовались именно те сотрудники, о которых я знал больше, чем им бы хотелось. Эти моменты и вовсе мне не понравились.

Еще с сентября 2005 года в сети Internet я хронологически начал писать статью «История одного Персонажа», в которой более кратко конечно, чем сейчас я изложил все события с начала 2005 года до момента приговора Игнатова. Писать о действительной криминальной стороне этого дела я не решался. Не скажу что боялся, просто не хотел создавать лишнюю конфронтацию с теми лицами, о которых пришлось бы упомянуть. Но начавшееся нездоровое движение вокруг меня после жалобы в областную прокуратуру заставило меня задуматься о том, что фактически то всей правды кроме меня мало кто знает, и случись со мной что-то, вся история останется в анналах именно по сценарию прокуратуры. Поэтому я решил продолжить начатое и написать вторую часть статьи с описанием событий малоизвестной стороны дела. Но на это тоже нужно было время, поэтому после недолгих размышлений я решил сделать еще кое-что.

В один из дней июля 2007 года я набрал служебный номер начальника «убойного» отдела Анатолия Ивановича Глухих. Убедившись, что говорю с кем бы мне хотелось, я представился и сообщил Анатолию Ивановичу, что мне хотелось бы с ним встретиться и поговорить. Сказал, что знаю много интересного о деле, в ходе которого мы познакомились два года назад, и очень хочу этим поделиться.

Почему из всех возможных я выбрал именно кандидатуру Глухих? Наше знакомство фактически ограничивалось теми двумя неприятными днями в конце июня 2005 года. Но у Анатолия Ивановича была еще и собственная служебная репутация «правильного мента». Даже в криминальном мире Тобольска многие отзывались о нем с неподдельным уважением, как о настоящем идейном сыскаре, для которого неприемлемы преступные методы работы.

Не сказать, что Анатолий Иванович отнесся к моей просьбе с большим интересом. А когда я завел разговор о месте где встретиться, то он сразу сказал о своей занятости, и что если у меня есть нужда, то он готов меня выслушать в своем уже знакомом для меня кабинете. На это, как говорил один киногерой, начали терзать меня смутные сомнения. Как-то не хотелось мне прийти одному в УВД и потеряться там, в неизвестном направлении.

Я поинтересовался у Глухих, знает ли он о том, что прокуратурой выносилось постановление о моем розыске. На что он ответил, что слышал об этом давно, в памяти это отложилось смутно, но вот то, что я не числюсь в списке разыскиваемых по УВД, он знает точно. Мол, список этот висит у него перед глазами и моей фамилии там он не наблюдает. И добавил, что если я чего-то опасаясь, то он мне дает гарантии, подкрепленные словом офицера, что на территории УВД я буду в полной безопасности. Не поверить подобному заявлению было бы невежливо с моей стороны.

Спустя несколько часов я сидел в кабинете Глухих и в деталях рассказывал ему всю историю от начала до конца, включая известные фамилии его коллег, которых имел основания считать причастными как к организации фикции с вымогательством у моего бывшего тестя, так и к другим преступлениям, связанным с этим делом, и, кстати, напрямую относящимся к компетенции отдела Анатолия Ивановича. В процессе моего рассказа он что-то спрашивал и уточнял, но в целом на протяжении более двух часов очень внимательно меня слушал. После того, как я закончил, он подытожил мое повествование очень интересной фразой, что все слишком невероятно выглядит, для того чтобы быть выдуманным.

Высказал я и свои подозрения в настоящем, что впереди меня ожидает нечто не совсем приятное или вовсе уж неприятное. Но что бы не случилось со мной, хочу чтобы потом вся изложенная мной информация помогла изобличить истинных злодеев.

На том мы и закончили нашу беседу, и Анатолий Иванович любезно проводил меня до выхода из УВД. Появилось некоторое облегчение от осознания того, что теперь кто-то еще кроме меня знает все целиком и полностью.

Второе задержание

Развязка всей этой истории обозначилась в начале сентября того же 2007 года. Моя дочь Дарина пошла в первый класс и, как это обычно бывает, первого сентября в День Знаний у нее был «первый звонок». На этом школьном культурно-массовом мероприятии кроме меня и супруги присутствовали моя мать и мой старший брат. И видимо работникам ОБОП было очень некомфортно от нашего семейного праздника, что они решили его испортить.

Среди присутствующих я с самого начала заметил неприятно знакомые мне лица, но на свой счет это не отнес. Любой может иметь своего ребенка или, скажем, племянника, который пошел в первый класс. С кем-то, помню, я даже скупно поздоровался ради приличия. И уже к концу торжества ко мне подошел Леша Субарев, оперативник ОБОП, а по совместительству мой бывший одноклассник, и сказал, что мне необходимо проехать с ним в их отдел. Я, конечно, возмутился, но он буквально схватил меня за руку и потащил к выходу. Устраивать конфликтную сцену в школе мне не хотелось, поэтому я решил выйти с ним на улицу. Но там уже поджидал Сережа Новоселов с еще парочкой коллег. Вот он уже сказал, что мне придется поехать с ними, либо они применят силу, чем не оставил мне выбора. Но в принципе я был спокоен, оставшиеся в школе родственники видели, как и с кем я ухожу.

Хочется сказать пару слов о своем однокласснике Алексее Субареве. Я до сих пор не могу понять, как он стал работником ОБОП. Еще с начала 90-х он начал «колоться», был наркомамом с многолетним стажем. И даже в том самом 2007 году состоял на наркоучете в местном диспансере, это ради интереса я проверял позже. Возможно он был тогда всего лишь стажером в ОБОП, но по большей части это сути не меняет.

После приезда в отдел меня попросили спокойно посидеть в холле под присмотром дежурного и подождать. Наручниками меня не сковывали, личные вещи не забирали, насилие не применяли – чего не было, того не было. Пока я отдыхал на диванчике, со своего телефона отправил несколько смс родственникам и близким о том, где именно я нахожусь.

Примерно через час Новоселов и Субарев посадили меня в машину и привезли в УВД, где на двери кабинета начальника угрозыска я с удивлением обнаружил табличку «Билан Дмитрий Александрович». И было ощущение, что хозяин данного кабинета искренне рад меня видеть.

За полтора месяца до этого, будучи на этом же этаже, я не обращал внимания на другие кабинеты, когда целенаправленно шел к Глухих. В беседе с ним тоже ни разу не промелькнуло имя Билана или же упоминания про непосредственное начальство. А, оказавшись у Димы в кабинете, у меня как-то не укладывалось в голове, что два года назад он бегал простым опером под руководством Анатолия Ивановича, а сейчас, получается, стал его начальником.

Билан был довольно приветлив, предложил выпить кофе и подождать следователя Рахимова, который должен подъехать и решить, что со мной делать дальше. Особого выбора у меня, конечно же, не было. Но я сразу сказал Диме, чтобы для экономии времени он сразу вызвал адвоката Кучинского.

Потом в процессе непринужденной беседы на отвлеченные темы, Билан спросил у меня, в курсе ли я, что нахожусь в розыске. На что я не мог удержаться и не ответить цинично, что слышал нечто такое, но каких-либо подтверждений этому не имею, а более того, если уж я действительно почти два года нахожусь в розыске, то получается, что Димин отдел просто отвратительно работает. Билана это задело, и он уже без иронии сказал, что мне же хорошо известно о том, что меня никто не искал. На том мы и закончили эту тему.

Появившийся Рахимов констатировал, что будет оформлять протокол задержания. Я само собой заинтересовался, какие есть для этого основания. На что он, можно сказать, ничего внятного не ответил. Упомянул про показания осужденного Игнатова, но я ему тут же напом-

нил про то, что Игнатов давал в суде другие показания. Тут Рахимов сделал удивленное лицо, мол, про другие показания в суде ему ничего неизвестно. Соврал, конечно же, он откровенно – уже после суда он как минимум дважды посещал Сережу в тобольском ИВС и убеждал подтвердить показания августа 2005 года.

Потом он спросил меня, кто может подъехать и забрать мои личные вещи, чтобы не изымать их, и я дал ему номер телефона супруги. Чуть позднее она приехала, и Рахимов под расписку передал ей мои ключи от дома, телефон, деньги и всякую мелочь, что была у меня с собой.

К происходящему я относился не более чем с интересом, не принимая всерьез. Два года назад при аналогичной ситуации я нервничал и возмущался гораздо больше. Не расстроился я и когда после составления протокола задержания меня вновь препроводили в камеру ИВС. Кстати, в самом протоколе я все же выразил свое несогласие с действиями следователя Рахимова и заявил о необходимости проведения очной ставки с осужденным Игнатовым ^[17].

Обвинение. Арест. Тюрьма

– 1 –

Вечером того же дня в ИВС пожаловал Рахимов в сопровождении адвоката Кучинского для проведения допроса, который опять же имел по большей части формальный характер. После допроса подозреваемого Рахимов тут же ознакомил меня и адвоката с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, а после этого составил еще один формальный протокол допроса уже в моем новом процессуальном статусе. Обвинение было предъявлено в покушении на убийство общеопасным способом, вымогательстве организованной группой и передаче взрывного устройства ^[18].

После ухода следователя Кучинский проинформировал меня, что, скорее всего, далее последует обращение в суд с ходатайством об аресте. Меня эта новость никак не пугала, потому как я не видел ни одного законного основания для заключения меня под стражу.

Положения УПК РФ четко регламентируют, что является поводом для применения меры пресечения в виде заключения под стражу: если имеются основания полагать, что лицо может продолжить заниматься преступной деятельностью или скрыться от следствия, может воздействовать на потерпевших, свидетелей или иными путями мешать следствию, либо может скрыть или уничтожить вещественные доказательства. Причем эти основания должны подтверждаться реальными обстоятельствами, а не быть предположением.

Третьего сентября я был вывезен в Тобольский городской суд для рассмотрения ходатайства об аресте. Со стороны прокуратуры ходатайство поддерживала Татьяна Ишметова, а заседание возглавляла судья Миляуша Сайдашева. И тут я обращаю внимание на вышеназванных лиц – **именно эта самая парочка, Ишметова с Сайдашевой, будет судить меня в 2013—2014 году.**

Следователь Рахимов в заседании заявил, что я два года находился в федеральном розыске, что подтверждается соответствующим постановлением. Но это слышать было неудивительно, а вот то, что, оказывается, по делу собраны все доказательства и оно готово к передаче в суд – то тут моему удивлению не было предела. Никаких доказательств в отношении меня, кроме слов Игнатова, которые публично он никогда не подтверждал, не было и быть не могло. Рахимов бессовестно врал суду, а так же приложил к ходатайству липовые рапорты оперативников, которые якобы искали меня и общались с моими соседями (про это я уже упоминал). И тщетны были мои попытки донести до суда, что последние два года я жил обычной жизнью и ведать не ведал о постановлениях следователя.

Сейчас бы я уже не удивился решению суда заключить меня под стражу, но на тот момент для меня это было, как выразился один киногерой «чудовищная провокация». Суд положил в основу решения довод, что раз я согласно документам находился в розыске и был задержан, то значит имеются основания полагать, что я могу скрыться от следствия.

Вечером этого же дня я написал кассационную жалобу на постановление об аресте. А седьмого сентября меня, уже как следственного заключенного, этапировали в СИЗО-1 г. Тюмени. День стоял жаркий, поэтому мне всецело удалось ощутить все нюансы этапирования – душный «столыпин», под завязку набитый людьми, автозаки, этапные боксы следственного изолятора и тому подобное.

– 2 –

Оказавшись в камере СИЗО, я сразу же написал несколько жалоб в областную и Генеральную прокуратуры, и это единственное, что я мог сделать. Несколькими днями позже я узнал, что рассмотрение кассационной жалобы в Тюменском областном суде назначено

на 20 сентября. У меня не было сомнений в том, что незаконное решение Сайдашевой будет отменено, и оставалось подождать буквально десять дней.

Там же, в СИЗО я познакомился с Алексеем Доропеевым. На тот момент восемнадцатилетний тобольский парнишка находился под стражей за разбой в торговом центре «Арбат», при котором погиб охранник. А по первоначальному обвинению ему и его двум друзьям вообще инкриминировали умышленное убийство. Чуть вникнув в его дело, я убедился, что по большей части Леша просто оказался не в том месте и не в то время. Поэтому, начиная с СИЗО, и потом, уже оказавшись на свободе, я помогал ему чем мог. В окончательном итоге те восемь лет колонии строгого режима, чем одарила Алексея судья Тобольского суда Татьяна Бутримович, в областном суде были изменены на пять лет колонии общего режима. Отбыл он срок почти полностью и на протяжении всего времени заключения поддерживал со мной связь. Освобожден он в самом конце 2011 года, и по освобождению я так же помогал ему по мере возможности. Он тоже сыграет определенную роль в моем деле, о чем я расскажу в соответствующий момент.

Кассационное рассмотрение 20.09.2007 года не состоялось. Как оказалось, материалы, отправленные на рассмотрение, где-то потерялись в областном суде. Не могу судить о том, насколько это было случайно. Впоследствии рассмотрение было перенесено на 11.10.2007 года.

Про жизнь в СИЗО особо вдаваться не буду, везде люди живут. В 2007 году Тюменский Централ жил в общем то неплохо. Связь, конечно же не официально, присутствовала повсеместно. И каких-то проблем в общении с волей не существовало. Я ежедневно разговаривал с домом и со знакомыми. С адвокатом Кучинским связь я поддерживал через супругу Марину.

В назначенный день кассации уже ближе к вечеру Марина с трудом дозвонилась до Кучинского, но не услышала от него чего-то конкретного. Да, рассмотрение было, постановление Сайдашевой вроде как отменили, но решения освободить меня из-под стражи никто не принимал. Еще Геннадий Владимирович собирался на что-то жаловаться, но на что именно Марина не поняла. Меня с такой информации просто по полной псих разобрал – мне нужно было четко понимать, почему я нахожусь до сих пор в тюрьме. Но самому дозвониться до Кучинского у меня не получилось.

– 3 –

Семнадцатого сентября ближе к обеду я получил копию кассационного определения и был крайне удивлен прочитанным. В мотивировочной части определения значилось, что суд первой инстанции, заключая меня под стражу, не дал должной оценки всем доводам по основаниям для своего решения, а сама по себе тяжесть обвинения не является основанием для заключения под стражу. То есть другими словами, те мои доводы о том, что ни в каком розыске я фактически не находился, судом были отвергнуты без оснований. А резолютивная часть определения гласила, что постановление судьи Сайдашевой от 03.09.2007 подлежит отмене, а материалы направляются на повторное рассмотрение. О моем нахождении под стражей в данном документе ни слова сказано не было. Но главная суть заключалась в том, что единственно законное основание для моего нахождения в СИЗО было отменено [20].

После прочтения и осознания сути кассационного определения я тут же предпринял попытку вызвать сотрудника спецчасти СИЗО и тут же написал бумагу на имя начальника изолятора, в которой разъяснил суть кассационного определения, а так же указал, что дальнейшее мое пребывание в СИЗО-1 является незаконным.

Не буду вдаваться в подробности, какие силы и средства пришлось приложить для того, чтобы сотрудник спецчасти пришел в камеру. Обычно их работа с заключенными ограничивается лишь тем, что они разносят по камерам какие-либо входящие документы. А чтобы отправить какое-то заявление или жалобу, нужно либо ловить момент, когда данный сотрудник будет проходить мимо камеры, либо передавать бумаги сотрудникам, производящим утренний про-

счет. В моем случае, говоря дежурному, что мне нужен сотрудник спецчасти, я, конечно же, проинформировал его о том, что вопрос стоит о моем незаконном нахождении в следственном изоляторе, и просил так же проинформировать об этом ДПНСИ (дежурный помощник начальника следственного изолятора).

Лишь в начале пятого вечера, в конце рабочего дня я смог через дверь камеры пообщаться и с сотрудником спецчасти, и с ДПНСИ. Передал я и написанную бумагу, при этом попросил прочитать ее вслух и сказать, понятен ли смысл ее содержания. Но, невзирая на мои слова, что с этого момента ДПНСИ несет ответственность за мое удержание в СИЗО, мне было сказано, что решения по подобным вопросам принимаются через начальника спецчасти, а она, скорее всего, уже ушла с работы.

В общем, сделал я все от меня на тот момент зависящее. Заодно позвонил супруге, попросил срочно найти Кучинского и объяснить ему все обстоятельства, раз он сам не понимает, что под стражей я нахожусь с одиннадцатого числа незаконно. И не жалобы надо писать, а стучать в двери надзорного прокурора. После этого я перешел к своему обычному тюремному существованию, уже не надеясь, что в этот день может быть какое-то продолжение борьбы за мое освобождение. Но в половине шестого раздался стук в дверь камеры и голос дежурного обозначил: *«Трушников, с вещами на выход!»*.

Не скажу, что я всецело обрадовался. Подобное могло и означать просто перевод в другую камеру. Собравшись, я попросил сокамерников после моего ухода позвонить и проинформировать моих родственников о происходящем, на случай, если дальнейшие события развернутся непредсказуемо. Но, выйдя из камеры, мы с дежурным направились именно в сторону дислокации ДПНСИ, то есть места в следственном изоляторе, где принимают или отправляют этапы и откуда уезжают на суды или следственные действия по Тюмени. Через некоторое время я уже не сомневался, что меня ведут освободиться. Но в голове появилась другая мысль – что на выходе из СИЗО меня могут встретить те же самые обоповцы, недовольные моим освобождением, и это грозит мне печальными последствиями.

Опасения оказались напрасными. Получив справку об освобождении и сумму денег, равную стоимости билета на электричку до Тобольска (которая, к слову, ушла минут 20 назад на тот момент), я покинул СИЗО-1 г. Тюмени. А чуть позже созвонился с таксофона со своими друзьями в Тобольске, которые пару часов спустя за мной приехали, и ближе к ночи я уже был дома.

После освобождения

— 1 —

Пересмотр ходатайства об аресте был назначен на 26.10.2007 года. За несколько дней до этого мне позвонил следователь Рахимов и поинтересовался, явлюсь ли я на заседание. То ли это ирония была, то ли он правда сам верил, что я скрывался от следствия и намерен делать это дальше.

В суд мы пришли вместе с адвокатом Кучинским и принесли с собой кучу материалов, доказывающих мою публичную жизнь за 2005—2007 годы. Тут и переписка с пенсионным фондом, и налоговой инспекцией, и письма организаций, с которыми я сотрудничал в тот период. Хотя объективно хватало одного моего паспорта с печатью последней регистрации по месту жительства в момент, когда я якобы находился в розыске. Рассматривала материал по ходатайству судья Кузнецова, а вот поддерживала ходатайство не иная, как Женя Королева, отправившая на семь лет в колонию Сережу Игнатова.

На этот раз следователь Рахимов и вовсе заявил, что дело у него практически готово к передаче в суд, осталось только провести психолого-психиатрическую экспертизу в отношении меня и очную ставку между мной и Игнатовым. На вопрос, что мешало ему это сделать, пока я находился в СИЗО, он просто пожал плечами. На вопрос, что вообще было сделано по следствию с момента моего задержания, Рахимов вообще промолчал.

В общем, здесь все уже было ясно как белый день, что судья откажет в ходатайстве о заключении под стражу. После атаки вопросами типа: *«Где хотя бы одна повестка Трушникову за последние два года?»*, *«Почему Вы не принесли в суд материалы дела, подтверждающие слова относительно хода следствия?»* и подобных, Рахимов вообще расклеился и молчал. Все его ответы укладывались в слова «мне сказали» и «я думал». Королева же пыталась яростно просто пустыми словами и не имеющими к рассматриваемому вопросу доводами как-то зацепиться за меня. Обещала даже проверить действительность моей прописки, подлинность уведомлений из госструктур и писем от организаций. По последнему я посоветовал ей не утруждаться, а проверить это в настоящий момент, ибо представители тех организаций находятся в коридоре и могут подтвердить содержание писем прямо сейчас. В конце концов и Королевой нечего было сказать по сути.

Когда судья Кузнецова удалилась в совещательную комнату для принятия решения, Рахимов и Королева удалились из суда вообще. Постановление об отказе в ходатайстве следователя мы заслушивали с Кучинским уже вдвоем.

— 2 —

Через несколько дней мне позвонил Рахимов и попросил подойти в к нему в отдел для того, чтобы взять с меня подписку о невыезде. Причем он тут же уточнил, приду я просто по приглашению или же направить мне повестку. Я сказал, что для этой процедуры можно обойтись без повестки. Тем более, что по делу я по-прежнему оставался являться обвиняемым, и этот процессуальный статус был мне известен.

Кстати, в период моего незаконного ареста произошли существенные изменения в органах прокуратуры. В начале сентября был образован Следственный Комитет при Прокуратуре РФ, в который перешло все следствие, которое ранее вело прокуратура. То есть мое дело теперь находилось не в юрисдикции городской прокуратуры, а в Следственном отделе по городу Тобольск Следственного управления по Тюменской области Следственного Комитета при Прокуратуре РФ. И возглавил тобольское подразделение Следственного Комитета никто иной, как мальчик-карьерист Женя Курмаев, ступив на очередную ступеньку своей карьеры.

Придя к следователю Рахимову и подписывая протокол ознакомления с постановлением об избрании меры пресечения, я не забыл в нем отметить, что считаю данное постановление незаконным, так как в нем не указаны основания для избрания меры пресечения, предусмотренные законом. А ведь по сути неважно, какая мера пресечения избирается – заключение под стражу, домашний арест или подписка о невыезде, основания для ее избрания одни и те же, и должны не только быть указаны, но и обоснованы. Рахимов на мое замечание отреагировал критически и пытался убедить меня в том, что я не прав. Мол, это же всего подписка о невыезде, а не тюремное заключение. Вот наглядный показатель его четырех лет гуманитарной академии с «филькиной грамотой» об ее окончании.

И, видимо, желая меня как то задеть, Рахимов с улыбкой перед моим уходом сказал, что для получения обвинительного заключения направит мне повестку. На что я в ответ посоветовал быть внимательным и не забыть ни одного доказательства при составлении одного заключения. На том мы и попрощались. И сразу скажу, что в следующий раз мы очно встретились лишь года через полтора, и при встрече Азат Рахимов с виноватым лицом будет убеждать меня в том, что по следствию он делал лишь то, что ему указывало руководство.

– 3 –

Примерно через неделю мне из колонии позвонил Игнатов и сказал, что назавтра его вывозят этапом в СИЗО. При этом он был немного напряжен, и как он сам объяснял, Сережа боялся, что его вывезут из колонии и будут с помощью насилия принуждать к ложным показаниям в отношении меня. Себя он уже давно чувствовал разменной монетой во всем этом деле, а в разговорах со мной всегда делал акцент на то, что я прежде всего заинтересован, чтоб в отношении него не применялись какие-то силовые методы. Короче, трус и подлец Сережа Игнатов подтекстом мне говорил: *«Если будут бить, то я подпишу все, что они захотят»*.

Не в такой мере, как Сережа это пытался преподнести, но доля правды в его словах была. Поэтому я связался со своими знакомыми в СИЗО-1, с кем контактировал полтора месяца проведенных там, и попросил присмотреть за Игнатовым, пока он будет находиться в тюрьме. Это, по крайней мере, позволило бы мне вовремя узнать, если его куда-то вывезут. А также, учитывая определенную сплоченность тюремного контингента в то время, ему дали бы поддержку, если бы он не захотел ехать, скажем, в тюменский ОБОП.

К слову заметить, в те годы Тюменский Централ жил гораздо организованнее во многих смыслах, чем в настоящее время. Арестанты знали все, что происходит на проходах тюрьмы, и отслеживали передвижения и сотрудников администрации, и арестантов, когда последних куда-то выводили из камеры. Сообщения из одного конца тюрьмы в другой, если не было иной связи, доходили по цепочке в считанные минуты. И если имелись основания полагать, что арестанта вывели из камеры и применяют к нему какие-то незаконные методы воздействия, то в его поддержку согласованно шум мог поднять целый тюремный продол или даже корпус.

Из колонии до тюрьмы Игнатов добрался без происшествий и был определен в обычную камеру, в которой даже среди его сокамерников оказались мои знакомые. Через пару дней раздался звонок, и мне сообщили, что Сережу вывели из камеры без верхней одежды. Это означало, что повели его куда-то в пределах следственного изолятора. Еще минут через десять мне сообщили, что он находится в следственных кабинетах – специальном месте, куда приезжают следователи для следственных действий.

Через пару часов позвонил сам Игнатов и сообщил, что к нему приезжал Рахимов. Официально не допрашивал, просто говорил, что Сереже предстоит поездка в Тобольск для проведения очной ставки со мной, и интересовался тем, что Игнатов намерен на ней говорить. То есть еще до проведения следственного действия Рахимов решил выяснить, какую позицию займет Игнатов. Ну а тот, понимая, что может спровоцировать нежелательные действия в отношении себя, на все вопросы просто отшучивался, говоря: *«Что раньше говорил, то и буду*

говорить». В общем, он не дал Рахимову какой-то конкретной информации, ради чего тот поехал в СИЗО к Игнатову.

Через день Игнатов сообщил, что едет этапом в Тобольск. Здесь я тоже предупредил оперативников местного ИВС, чтоб так же присмотрели за Сережей. Так что встретили его в Тобольске со всей теплотой и заботой.

А уже на следующий день он позвонил и сказал, что за ним приехали ребята из ОБОП, но он пока камеру покидать не торопится и спрашивает совета, как поступить в этой ситуации. Тут же я набрал номер Рахимова и поинтересовался у него, почему осужденного, этапированного из колонии для проведения следственного действия, вывозят из ИВС оперативники ОБОП. На что Рахимов сказал, что он ничего не знает про это. Соврал он конечно откровенно, потому что без бумаги с подписью Рахимова ИВС просто не отдал бы Игнатова простым оперативникам. Не желая продолжать дальше эту бессмысленную игру, я просто уверил Рахимова, что если после этой поездки в ОБОП от Игнатова поступит хоть какая-то жалоба, то я приложу все усилия, чтобы придать это мощнейшей огласке. Он в ответ по обычаю как-то отшутился, и на этом мы распрощались. Перезвонив Игнатову, я сказал, чтоб он не боялся ехать и просто вел себя понаглее, если вдруг чем-то начнут запугивать. Я почти не сомневался, что физически его никто не тронет.

Игнатов в этот день мне уже не позвонил. Он просто не имел на это возможности. Вместо него позвонил один из его сокамерников в ИВС и уведомил, что Сережу вернули уже после одиннадцати часов вечера и в состоянии глубокого опьянения. Он ни на что не жаловался и, приехав, просто завалился спать.

Только на следующий день Сережа рассказал мне, что по приезду в ОБОП ему по-приятельски предложили выпить. Он, конечно же, не отказался, мотивируя тем, что это нужно было ему для храбрости. А встретили его старые знакомые по событиям двухлетней давности действительно как старого приятеля. Водка, пиво, закуска – напряжение, по всей видимости, как рукой сняло, и вечер превратился в праздник. И никто ни словом не обмолвился об уголовном деле, интересовались у него в основном настоящим – тем, как он живет в колонии. Лишь часа через три приехал Азат Рахимов и увел Сережу в отдельный кабинет. Игнатов даже не понял, что Рахимов его допрашивает. По его повествованию выходило, что они очень долго сидели вдвоем и разговаривали, детально Игнатов даже не мог вспомнить о чем. А в конце разговора Рахимов протянул ему на подпись протокол допроса ^[21]. Вот тут Сережа немного напрягся и, как сказал мне, в раз протрезвел. Думал, что сейчас Рахимов попросит подписать нужные ему показания, а в случае отказа «убеждать» Игнатова придут недавние собутыльники из соседнего кабинета. Но, прочитав протокол, Игнатов не увидел в нем ничего лишнего. Назавтра он не мог уже вспомнить содержание протокола, но утверждал, что там было записано все именно с его слов. После этого допроса Сережу опять привели в тот кабинет, где проходила пьянка, и он в этой уютной компании провел еще какое-то время, а потом его отвезли в ИВС.

После разговора с Игнатовым я позвонил Кучинскому, передал ему коротко вчерашние события и попросил выяснить у Рахимова, когда тот намерен провести очную ставку. Мне хотелось побыстрее расставить все точки в этом деле, и я даже с Игнатовым не стал обговаривать те моменты, как я собираюсь опровергнуть его показания от августа 2005 года. Мне даже было не принципиально важно, какие показания он надумает давать сейчас.

Через день Кучинский сообщил, что очной ставки между мной и Игнатовым не будет. И первым же этапом на Тюмень Игнатов вернулся в колонию. Какой-либо информации по делу Рахимов не давал даже Кучинскому. Все фактически вернулось в состояние, какое было до моего задержания, за исключением того, что сейчас уже никто не утверждал, что я скрываюсь от следствия.

Снятие обвинений. Послесловие

Сразу после освобождения из СИЗО я возобновил свои обращения с жалобами в областную прокуратуру. Изначально жалобы переправлялись в прокуратуру города, и здесь мне формально отвечали, что все происходящее законно. Но эти ответы я обжаловал вновь и вновь, и вот первое значимое известие из областной прокуратуры в декабре 2007 года гласило, что уголовное дело запрошено ими для проведения проверки. Это уже был хоть какой-то результат. От Рахимова никаких известий не поступало. Хотя они и должны были быть, но на тот момент я об этом не знал.

Несколько моих жалоб отправлялись непосредственно на имя прокурора области Владимира. И в январе 2008 года мне сначала пришло уведомление за подписью Владимировича, что уголовное дело находится на повторной проверке в областной прокуратуре, а уже в феврале я получаю письмо за подписью того же Владимировича, где значится, что **задержание, предъявление обвинения и заключение под стражу в сентябре 2007 года были незаконными и необоснованными.**

Вот это уже был конкретный результат. И приложив это письмо, я на имя руководителя Тобольского отдела СК Курмаева направил требование о прекращении в отношении меня уголовного преследования. Ответа на данное требование так и не последовало. А в марте, прокуратура города, опять же отвечая на одну из моих жалоб, проинформировала, что постановлением следователя Маликбаева еще в январе месяце уголовное преследование в отношении меня прекращено. Причем было указано, что я о вышеизложенном был уведомлен официально со ссылкой на исходящий номер канцелярии Следственного отдела.

Лишь спустя какое-то время мне стало известно, что следователь Рахимов в декабре 2007 года покинул работу в Следственном комитете, а перед этим им было вынесено постановление, по которому с меня снимались ранее предъявленные обвинения по статьям 163 и 222 Уголовного кодекса. Далее дело было передано другому следователю, и уже им, после отмены руководством постановления Рахимова, было вновь вынесено постановление о прекращении в отношении меня всего перечня обвинений, предъявленных в сентябре. Кроме вышеприведенных статей о вымогательстве и передаче взрывных устройств мне вменялось еще и покушение на убийство. В этом же последнем постановлении значилось, что сотрудникам ОБОП по городу Тобольску надлежит установить лицо для уголовного преследования по данному уголовному делу ^[22].

На этом можно было бы сказать, что вся эта история с обвинениями в вымогательстве для меня закончилась. Если бы не события 2012 года, к обвинениям в которых решили еще и прилепить это самое дело о вымогательстве у Голандо. И уже другой руководитель Следственного отдела отменит постановление от января 2008 года и возобновит в отношении меня то старое уголовное дело.

Законность этого действия вызывает громадные сомнения. Теоретически уголовно-процессуальный закон подразумевает, что постановление следователя о прекращении уголовного преследования вправе отменить руководитель Следственного отдела. Но закон фактически предусматривает это право на стадии, когда руководитель Следственного отдела проверяет это самое постановление следователя сразу после его вынесения. И либо соглашается с ним, либо своим постановлением отменяет. В моем случае, в 2008 году постановление о прекращении в отношении меня уголовного преследования никто не отменял, то есть руководитель Следственного отдела с ним был согласен. Более того, в 2007—2008 годах постановления о прекращении уголовного преследования, о прекращении уголовных дел и подобные им в обязательном порядке проверялись на предмет законности прокуратурой. И можно утверждать, что и прокуратура Тобольска на тот момент согласилась с вынесенным постановлением. Более

того, уголовное дело дважды проверялось прокуратурой области, и выше было озвучено мнение по нему прокурора области Владимирова.

Однако два отъявленных негодяя, Савицкий и Скипин, трактовали закон по своему усмотрению, и в мае 2013 года первый негодяй отменил старое постановление в уголовном деле и передал дело в производство второму негодяю. И сделано это было лишь для того, чтоб буквально замусорить лишними материалами основное уголовное дело о взрывах почтовых ящиков.

По обвинениям в событиях 2005 года я буду оправдан полностью, и мне даже практически не придется ничего опровергать, ибо в суд не будет представлено ни одного доказательства в отношении меня. Но лишние материалы, свидетели, лишнее время судебного процесса, потраченное впустую, – все это в той или иной степени отразилось на приговоре, и это бесспорно. Изложив эту историю во всех деталях, я даю читателю возможность самому убедиться в вышесказанном самостоятельно и сделать соответствующие выводы.

Часть II. Миров двух между...

*«...И мы стоим миров двух между,
Несем туда огнем надежду...»
(Велимир Хлебников «Гибель Атлантиды»)*

Предисловие ко второй части книги

Открытием занавеса того захватывающего представления, в ходе которого меня осудили на одиннадцать лет, можно обозначить конец 2011 года. Со времени событий, описанных в первой части, минуло почти четыре года, и они успели порядком забыться. Хотя появление время от времени перед глазами некоторых людей, таких как Дима Билан, неприятно напоминало о прошлом. Но что поделать, город у нас небольшой, различных точек соприкосновения хватает. С тем же Биланом мы частенько встречались в музыкальной школе, которую посещали моя дочь и его сын, дети одного возраста.

Билан по-прежнему возглавлял местный уголовный розыск, правда, уже в чине майора. А начальником тобольского ОБОП к этому времени стал мой давний знакомый Эдик Рыжов, который, как я упоминал, по указанию Курмаева проводил обыск у меня дома в августе 2005 года. Состав сотрудников в обоих отделах сильно изменился и помолодел по возрасту.

Те ребятки из тобольского ОБОП, которых мне в прошлом было в чем обвинить, покинули столь благословенное место работы. Один ныне трудился на Севере в службе безопасности одного из предприятий нефтегазодобывающей отрасли, а второй создал в Тобольске частное охранное предприятие. В отношении меня они больше никак и ничем себя не проявляли, поэтому тема их криминальных деяний почти ушла в небытие.

Моя жизнь тоже немного изменилась. Из всех видов деятельности, которыми занимался ранее, я оставил лишь несколько, которые работали по большей части в пассивном режиме, практически не соприкасая меня с общественностью. Это позволило больше времени проводить с семьей, которая, кстати же, в конце 2009 года увеличилась рождением младшего сына.

В летнее время, с мая по сентябрь, наша семья переезжала жить на дачу, расположенную в садоводческом товариществе «Механизатор», которое находится от города на несколько километров дальше деревни Винокурова. Дачной агрономией в основном занимались мои старики, а для нас дача была местом временного жительства и летнего отдыха.

Так же, очень много времени в период дачного сезона я проводил на реке с удочками. Пристрастие к подобному времяпрепровождению появилось неожиданно и год за годом укреплялось. Супруга тоже поддерживала это увлечение, и нередко общее свободное время мы проводили на берегу реки всей семьей. В общем, жизнь текла размеренно и была стабильной.

Основным потерпевшим по уголовному делу о взрывах почтовых ящиков является Рифкат Чабаров. Именно к нему якобы неприязненное отношение вменяли мне как мотив к совершению взрывов. По материалам следствия, за полгода до общеизвестных событий я бесчеловечно избил несчастного Чабарова, а после того, как он по факту избиения инициировал в отношении меня уголовное производство в мировом суде, я надумал этого бедолагу еще и взорвать. Ну и, как решили наши доблестные полицейские, чтобы сразу не подумали на меня, для кучности и отвода глаз решил взорвать еще кого-нибудь.

Как только не представляли Чабарова средства массовой информации – и моим тестем, и соседом по дому, и просто пожилым человеком. Сам образ пострадавшего ему был создан запредельный, и можно позавидовать его артистизму, потому что роль невинной жертвы им была сыграна потрясающе.

Кто-то может подумать, что я решил поиздеваться над покалеченным человеком. Но отнюдь, я лишь говорю так, как это есть на самом деле. И кто на самом деле чьей жертвой является, это довольно спорный момент. К его травмам я не имею никакого отношения, а он как раз единственный человек, который доподлинно это знает. Знал это с самого начала, но, обуреваемый жаждой денег и пакости, сделал все возможное, чтобы помочь преступникам в погонах реализовать в отношении меня свои планы.

Разобраться во всем на самом деле очень просто. В уголовном деле нет ни одного факта, указывающего на то, что взрыв произошел именно в почтовом ящике Чабаровых. По ходу следствия это принято априори – раз потерпевший Чабаров, значит и взрыв произошел в его ящике. Тем более что установлен злодей Трушников, который это сделал, ну а чей еще ящик он мог минировать. И только один человек доподлинно знает истину, в каком именно ящике произошел взрыв, это сам потерпевший Рифкат Чабаров. Поэтому я и берусь утверждать, что Чабаров не только не является безвинной жертвой, которую, как и многих, ввели в заблуждение моей якобы установленной виновностью, но с самого начала он не просто знал обратное, но всеми правдами и неправдами преследовал цель моего дальнейшего заключения.

Кто-то может сказать, что пусть нет доказательств того, что потерпевший сунул руку именно в свой ящик, но нет и фактических доказательств, указывающих на обратное. Боюсь расстроить, но они есть...

В уголовном деле есть фотографии^[23] с места происшествия, где запечатлена стена, на которой висели злополучные почтовые ящики. Фотографии были сделаны стороной защиты, и просто в удачный момент были приобщены к материалам дела во время судебного процесса. Подобные фотографии есть и в протоколах осмотра места происшествия^{[121] [128]}, которые составлялся непосредственно после случившегося.

На этих кадрах мы можем наблюдать шесть симметричных отверстий в стене – следы крепления трех вертикальных рядов почтовых ящиков. А так же виден след на стене, который оставил взрыв. Это единственный след, который можно отнести к взрыву, ничего подобного на той стене больше нет. Тем более, как эксперты описывали копоть на остатках ящиков, так и сам потерпевший по описанию очевидцев после взрыва был покрыт копотью – поэтому следы копоты на стене не просто следственны, но и полностью соответствуют другим следам последствия взрыва.

А еще нам доподлинно известно, что почтовый ящик Чабаровых находился в крайнем правом ряду. Только вот след от взрыва четко пропорционален среднему ряду ящиков и никак иначе, что прямо указывает на то, что взрывное устройство находилось в одном из почтовых ящиков среднего, а не правого ряда.

По ходу повествования я еще приведу немало фактов, опровергающих мою причастность к взрывам, но одного вышеприведенного уже достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы. Взрывное устройство в чужом почтовом ящике уже разрушает все причинно-следственные связи между мной и Рифкатом Чабаровым, что делает вмененную мне версию следствия целиком несостоятельной.

Поэтому я не только имею все основания, но и полное право, как человек, осужденный к одиннадцати годам за преступление, которого не совершал, назвать Рифката Чабарова подлецом и лжецом в одном лице. И его увечья, полученные в результате взрыва, нисколько не умаляют этих, названных мной в его адрес определений. А возвести их в квадратную степень позволяют фактические обстоятельства того, что человек, действительно чуть не лишившийся жизни и получивший серьезные травмы, сделал это объектом спекуляции и наживы.

А пока я постараюсь подробно и понятно описать что, как и откуда взялось в моей жизни, и как в действительности происходили все события.

Семьи Чабаровых и Бересток

– 1 –

Первым и наиболее близким моим знакомством из ныне живущих членов родни Чабарова, а по совместительству свидетелей в уголовном деле, можно назвать его зятя Славу. В далеком 1993 году Слава Бересток, половину сознательной жизни проживший в Крыму у бабушки, вернулся в город своего детства Тобольск.

Его отец, ныне покойный Анатолий Федорович Бересток, был близким другом нашей семьи. Возвращение непутевого блудного сына он не очень то приветствовал, но родная кровь есть родная кровь. Супруга Анатолия Федоровича, врач «скорой помощи», трагически погибла в автомобильной аварии, находясь в служебном автомобиле, во времена, когда Слава и его младшая сестра Ольга были еще детьми. Дочь Бересток-старший воспитывал сам, а сына отправил в Крым на воспитание к своей матери.

В Тобольск Славу тянула отнюдь не тоска по родным. Жажда больших и легких, по слухам, «северных заработков» с одной стороны и необходимость сбежать от накопленных беззаботной и безответственной жизнью в Крыму долгов с другой – это было мотивацией к перемене места жительства. Несколько лет по приезду в город Слава метался от одной работы к другой, пытался работать вахтой, заниматься коммерцией и оказанием услуг по строительству, пока отец не устроил его в организацию, где работал сам, УМС-39 треста «Строймеханизация». Там он работает водителем и по сей день. Немного громко сказано про водителя, потому что время от времени Славу лишают водительских прав за управление в состоянии опьянения, и временно он переходит в ремонтную структуру организации.

Пристрастие к алкоголю у Славы стойкое, но спиться до потери морального облика ему до сих пор не удалось, здесь я лишнего наговаривать не буду. Семья, дети, домашние хлопоты и тому подобное – все как у многих.

Примерно через год после своего появления в Тобольске Слава познакомился со своей будущей женой. Они вместе работали в какой-то небольшой строительной фирме, он был «принеси-подай», она – штукатур-маляр. К тому же еще она была приятельницей подруги Славинного коллеги по работе. Так что совместная жизнь зачиналась с того, что вместе работали и вместе компанией проводили досуг. Через некоторое время Галя (а по паспорту Галия, ибо татарка по национальности) поругалась с родителями и сбежала жить к Славе. А родители Гали, точнее мать и отчим, как раз и есть Наталья и Рифкат Чабаровы.

– 2 –

В 1995 году я и моя первая жена поддерживали довольно тесное общение со Славой и Галей. Так получилось, что свадьбы у нас были в один период времени, и первенцев ожидали в семьях тоже почти в одно время. Очень часто бывали друг у друга в гостях, в том числе и на каких-то семейных праздниках. Поэтому и с четой Чабаровых мне приходилось частенько сталкиваться. И если общение с Натальей не заходило далее приветствий, то с Рифкатом мы общались довольно близко. Тем более что он без супруги частенько посещал зятя, ибо тоже являлся любителем выпить. Так что в компании за одним столом мы с ним сидели довольно часто.

Кстати то, что его зовут именно Рифкат, я узнал лишь в начале 2012 года из копии заявления в суд. В семье и компаниях зятя его всегда называли Витей, Витькой. А так же я был очень удивлен, узнав из его показаний на следствии, что до декабря 2011 года ни он, ни Наталья со мной знакомы не были.

В то далекое время он точно так же работал где-то электриком, а вот Наталья руководила пунктом проката в КБО «Служба быта» в шестом микрорайоне. Даже еще в середине девяностых годов такая хорошо известная советскому гражданину служба еще существовала. И мне будет сложно объяснить нынешнему обывателю, какая выгодная должность была у Натальи. Будет или нет понятно, скажу, что имея связи в этой организации, можно было не покупать бытовую технику вообще, а пользоваться ей в прокат. И когда те же Слава с Галей первый год семейной жизни снимали для жилья квартиру, то вся техника была предоставлена Славиной тещей в прокат.

– 3 —

Наше тесное общение с семьей Бересток закончилось с рождением детей. И если мы с супругой были счастливы от рождения сына Антона, то семье Бересток повезло меньше. Ребенок у них родился с челюстно-лицевой патологией, и Галя, посоветовавшись с мужем и мамой, отказалась от него в роддоме. От своего близкого окружения Слава с Галей пытались скрыть этот факт, говоря всем, что ребенок умер при родах и его кремировали. Но город у нас маленький, жена одного моего близкого приятеля работала акушеркой в роддоме и принимала непосредственное участие в родовом процессе Гали. От нее то я очень быстро узнал, что случилось с ребенком семьи Бересток на самом деле.

Для нас с супругой подобное явление было выше всякого понимания – как можно отказаться от собственного ребенка. А для Славы с Галей это было как в порядке вещей. У той же Гали не наблюдалось какого-то сожаления по этому поводу, только при встрече с нами у нее глаза горели злостью, завистью и ненавистью, как будто это наша вина была в том, у них нет ребенка. Поэтому как-то само собой общение с их семьей тогда было прекращено. Лишь при случайных встречах на улице, бывало, мы перекидывались парой фраз.

В дальнейшем отношения с ними имели периодический характер. В мае 1998 года мы с супругой накануне нашего развода по стечению обстоятельств оказались на празднования дня рождения Славы. В семье Бересток как раз перед этим родился второй ребенок. Осенью этого же года я избавлялся от старых детских вещей в своем доме и решил, что кое-что полезное может пригодиться новоиспеченным родителям. Тогда же мне и стало известно, что после рождения второго ребенка Слава и Галя решили забрать из детдома своего первенца, которого бросили после рождения. К тому времени ему уже сделали ряд операций и внешне он немногим отличался от обычного ребенка. На момент моего визита к ним детдомовец находился в их доме всего лишь пару дней. Я понаблюдал за отношением Гали к нему, но не увидел ни радости, ни материнской заботы. Отношение было как к чужому ребенку, которого родители оставили на вечер у соседей, а последние не знают что с ним делать.

Следующий визит в семью Бересток был уже только через пару лет. Я даже не помню, что послужило поводом к нему. Момент, который я застал, очень не порадовал – Галя лупила старшего сына за какую-то мелочь. Накоротке высказав ей свое неприятие такого отношения к ребенку, я покинул их дом, и после этого не бывал там уже около десяти лет. Их старшего сына я тогда видел в последний раз в жизни – в скором времени они определили его в иногородний интернат, а приезжая на каникулы этот ребенок в основном проживал у Галиных родителей, то есть у Чабаровых.

А вот Слава изредка заглядывал в гости. Целью его визитов, как правило, было занять денег или найти в моем лице компанию для продолжения ранее начатой где-то пьянки.

Был такой яркий случай, когда спустя некоторое время после моего последнего посещения их дома Слава навестил нас не только в состоянии сильного опьянения, но и сильного душевного расстройства. Как я понял, в тот день он обошел очень многих своих друзей и знакомых. Причиной этому было то, что накануне Слава узнал о супружеской неверности своей жены. С его слов, в то время, пока Слава проводил в командировках, Галя сдружилась с сосе-

дом по общежитию Ольги, младшей сестры мужа. И регулярно проводила там время вместе с детьми. А целью Славиного турне по знакомым были поиск сочувствия и жажда рассказать, что его жена блядь, и что он с ней незамедлительно разводится. Но спустя месяц после этого, встретив общих знакомых, я узнал, что Слава и Галя по-прежнему живут вместе и чуть ли не счастливы.

Это уже было за гранью моего понимания. Самостоятельно опозорить жену на весь город и после этого жить с ней как ни в чем не бывало, ходить вместе в гости к тем же самым друзьям-приятелям. После этого инцидента семья Бересток уже окончательно мне опротивела, что и было причиной моего длительного избегания их дома. И от Славиных нечастых визитов я особого восторга не испытывал.

— 4 —

В году 2009-м я случайно повстречал Славу на промбазе своего приятеля Гены Важенина, о котором уже упоминал ранее. Там Бересток, как говорится, шабашил – частным образом занимался ремонтом техники. При встрече мы с ним разговорились, он рассказал как и чем живет его семья, что жизнь протекает стабильно, и навязчиво приглашал в гости.

Спустя месяц после нашей встречи Слава позвонил и сообщил, что умер его отец, на что я выразил ему свои соболезнования. И потом, в основном в выходные дни Слава изредка звонил, причем без какой-то цели, а просто поговорить. Иногда опять же приглашал в гости, говоря, что давно не собирались за столом, не разговаривали по душам.

Но в первый раз после продолжительного перерыва я появился в их доме где-то весной 2010 года. Проживают они в двухэтажке по ул. Знаменского, д.6 и рядом с их домом находилась шиномонтажная мастерская. Я никогда в ней ранее не был, но в тот день получилось так, что это для меня была самая ближайшая мастерская. Отремонтировав пробитое колесо, я самостоятельно поставил его вместо «запаски» и при этом порядком перепачкался. И вот тут мне пришла закономерная мысль зайти к старым знакомым, чтобы просто помыть руки, что я и сделал. Дома была одна Галя, муж находился на работе, моему приходу она обрадовалась, радушно напоила чаем с чем-то домашним печеным. За чаем и разговором время затянулось часа на полтора, потом я все ж засобирился восвояси, хотя Галя посетовала на то, что зря я не дождался Славы, что тот очень рад был бы меня видеть. Потом вечером позвонил и сам Слава, выражая это же сожаление с надеждой, что в следующий раз непременно сам окажет мне гостеприимство.

После того дня я время от времени начал появляться в их доме. Или же посещал понравившуюся шиномонтажку, или же просто находился поблизости. В мае 2011 года я заехал к ним, чтобы поздравить Славу с днем рождения. Но дома никого не обнаружил, а позвонив, узнал, что они с друзьями справляют праздник на даче. Приняв поздравления, Слава настойчиво приглашал к ним присоединиться. Но не желание застолья, а просто свободное время сыграло в пользу этого приглашения.

Ранее я знал, что у Галиных родителей дача находится в СНТ «Природа». Семья Бересток еще на заре своего существования посещала эту дачу. А за последние годы, как оказалось, Слава с Галей тоже стали дачниками, но в основном в плане отдыха.

Выслушав Славины объяснения на предмет точного расположения дачи, минут через пятнадцать я был уже там. Кроме семьи Бересток на даче присутствовали их давние друзья Ваня и Света Аксентий, и ранее упомянутая сестра Славы Ольга. Дачей, что я привык называть на примере своей, конечно было сложно назвать фанерный домишко в одну комнатку три на три метра, в которой вплотную вмещались лишь две железных кровати и стол между ними. Я еще удивился тому, как вся эта компания собирается здесь ночевать, ведь кроме перечисленных взрослых было еще трое детей.

Через пару лет, читая один процессуальный документ, составленный со слов Натальи Чабаровой, я даже изумлюсь тому, что оказывается дом на даче был из добротного бруса, а внутри имелись кухонный и спальный гарнитуры.

Посидев за столом, немного приложившись к еде, через пару часов я собрался домой. Слава как всегда очень сожалел, что я не могу составить им компанию в полном смысле. В мировоззрении этого человека, если кто-то не выпивает в компании, то он вне ее. Каждый раз, когда я заезжал к ним домой, он всегда попрекал меня, что я опять за рулем и не могу посидеть с ним и отдохнуть «по-человечески». И каждый раз я говорил ему, что как-нибудь выберу время, приеду на такси и мы посидим с ним «по-человечески».

История дела в мировом суде

— 1 —

18 декабря 2011 года супруга попросила меня отвезти ее машину на автомойку. Бывает так иногда, что и новогоднюю елку под Первомай выносят, и автомобиль после летней грязи моют только в декабре. И как бы ни было, после полной мойки в мороз машину надобно еще хорошо просушить при работающем двигателе и печке, чтобы избавиться от всей оставшейся влаги.

Впустую кататься по городу не хотелось, время было в районе обеда, и проезжая по улице Знаменского меня посетила мысль заехать к семейству Бересток на кружку чая. Проживали они, как я уже говорил, в деревянной двухэтажке по улице Знаменского, и удобство для меня в тот момент заключалось в том, что можно было безбоязненно оставить машину с работающим двигателем под окнами. День был выходной, поэтому я закономерно рассчитывал, что и глава семейства, скорее всего, дома.

И я оказался прав, Славу я застал в компании его тестя. Галя была на работе, в то время она работала продавцом в небольшом магазине. На момент моего прихода Слава с Рифкатом мирно выпивали по поводу завершения сделанной совместно работы по замене электрики в квартире.

Накануне, в подъезде их дома произошел пожар, в результате которого пострадала электропроводка, и Рифкат, будучи электриком, помог зятю ее восстановить. Ну а то, что подобное совместное предприятие по окончанию должно быть «обмыто», следовало у них как закономерное продолжение. Пивко во время работы для поддержания энтузиазма, ну а водочка, уже после этого, способствовала снятию трудового напряжения.

Когда я появился, они уже успели выпить с две трети полулитровой бутылки водки, прихорашивая ее оставшимся пивом. Слава как обычно укорил меня, что я за рулем и не могу составить им компанию.

В отсутствии хозяйки дома я не стал утруждать Славу проявлением гостеприимства, заварил сам себе чая и присоединился к их еще не слишком пьяным великосветским беседам.

Рифкат моему приходу, можно сказать, обрадовался. С ним я не виделся очень продолжительное время, и ему было интересно вспомнить какие-то моменты из прошлой жизни, когда мы встречались ранее. Вспоминали какие-то интересные моменты, людей с которыми совместно пересекались, так же Рифкат интересовался как я живу сейчас.

Так за беседами пролетело часа два, я успел еще раз или два попить чая, а тесть с зятем допили бутылку, за которой я их застал, и еще половинку из холодильника, видимо оставшуюся от какого-то застолья. За это время Рифкату несколько раз звонила супруга, коей он постоянно отвечал, что уже собирается идти домой. План по мойке и просушке машины я считал выполненным, и можно было ехать домой. Но когда я засобирился Слава очень расстроился и затянул «старую песню» о том, что вечно так происходит, что не посидеть со мной «по-человечески» и так далее. Как дополнительный аргумент он привел, что Рифкат сейчас уйдет домой, Галя на работе, а Славе сидеть одному и скучать.

Сейчас уже трудно вспомнить, почему я согласился, да и какой-то конкретной причины наверняка не было, просто какие-либо планы на вечер отсутствовали, и, скорее всего, предполагалось тоже страдать бездельем. Поэтому я сказал Славе, что отгоню машину домой и вернусь к нему. Тот, в свою очередь, сказал, что пока сходит в магазин и возьмет для нас что-нибудь питейного, а потом мало-мальски соберет на стол. На этом мы со Славой и порешили продолжить вечер. Я предложил Рифкату по пути подкинуть его до дома, но он отказался, сославшись на то, что еще недолго посидит с внуком за компьютером и потом дойдет пешком.

Вышли из дома мы со Славой вместе. Перед тем как разойтись я поинтересовался, что именно он собирается покупать. Тот ответил, что чтобы не смешивать напитки возьмет то же самое, что они пили с Рифкатом. Сейчас уже не вспомню, что за дешевая водка была у них на столе, но этот выбор мне в корне не нравился. Поэтому я тут же, чтобы не напрягать Славу в финансовом плане своими причудами, дал ему несколько сотен рублей и попросил купить для себя другое, перечислив несколько марок на выбор по наличию. Возражений он само собой не высказал и мы разошлись.

Вернулся я буквально минут через пятнадцать. Еще в пути, встав на светофоре, я набрал номер такси и заказал машину к своему подъезду. Припарковав машину возле дома, я поднялся к себе, отдал жене ключи и документы, тут же вышел и сел в уже ожидающее такси. К моему удивлению Рифкат никуда не ушел, а сидел так же на кухне, ожидая пока Слава управится с приготовлением закуски. Я еще подумал про себя, насколько у человека присутствует тяга к халявной выпивке. Но на тот момент какого-либо дискомфорта от его присутствия я не испытывал.

Заносить Рифката начало сразу же, как началось общее застолье. Вообще, кто со мной близко общается, знают, что я не приверженец стереотипов коллективной пьянки. Такая уж жизненная привычка – пью то, что хочу и когда хочу, наливаю себе сам, сколько и когда считаю нужным, и выпиваю соответственно. А Славиного тестя изначально уже зацепил момент, что я собираюсь в отличие от них пить другую водку, которая лучше. Далее уже зацепы шли один за другим, что я и пью неправильно и компанию не уважаю. И чем больше было его опьянение, тем заносило его больше. Следом он опять же начал вспоминать какие-то моменты из прошлого, которые, по всей видимости, тоже зацепляли его в свое время. Время от времени у него звонил телефон, но он вообще перестал реагировать на звонки жены. Когда Рифкат выходил по нужде с кухни, я вежливо намекал Славе на то, что пора бы его тестю уже домой, тем более теща его явно заждалась. Славе, конечно, тоже не нравилось поведение тестя, но на мои слова он пожимал плечами: «Ну не выгоню же я его» и «сейчас он уже скоро уйдет».

Но Рифкат явно никуда не торопился. Состояние опьянения было у него уже очень сильным, но по виду для него это был самый пик застолья. В таком состоянии трудно человека куда-то спровадить. Бутылку водки они со Славой опорожнили довольно быстро – тесть постоянно подгонял зятя не тянуть время и наливать. Потом они переключились уже на ту водку, которую Слава покупал для меня, а я решил сделать паузу и снова заварил себе чай. Опустошение второй бутылки тоже не заставило себя ждать.

Доза влитого в себя у Славы и Рифката была уже довольно большая, но последнему явно было мало и он начал недвусмысленно намекать зятю, что нужно еще сходить в магазин. Слава ответил ему, что денег у него больше нет, хотя думаю, это было сказано лишь с целью таким образом побыстрее спровадить тестя. Недовольство у Рифката было явным, тут он помалу уже начал грубить и Славе, что тот не уважает тестя, который приходит и помогает во всем, а зять не проявляет должной заботы.

Чтобы ускорить процесс выпроваживания тестя, я предложил Славе выйти на улицу прогуляться. Публичный подтекст был такой, что застолье окончено, а мы решили выпить по бутылочке пива на улице перед тем как разойтись. В той ситуации именно я позвал Славу, поэтому напрашиваться Рифкату с нами было неактуально. После этого мы оделись и вышли на улицу, оставив Славиного тестя на кухне в одиночестве.

Отсутствовали мы минут сорок. Зайдя в магазин, Слава высказал сначала сожаление, что нам не удалось с ним посидеть вдвоем, и тут же надежду на то, что может мы продолжим сейчас, когда Рифкат уйдет. Расходиться со мной Славе не хотелось, а тесть надоел ему самому. Я ответил, что мы продолжим, но зайдем лучше к Славиному соседу, нашему общему знакомому, которого мы видели в подъезде, когда выходили из дома. Слава ничего не имел против, поэтому уже я сам взял еще одну полулитровую бутылку водки и мы отправились обратно.

Но Александр, сосед Славы, нашу идею не поддержал. В тот день он приобрел что-то из мебели и был идейно озадачен ее сборкой. Поэтому было ясно, что компании он нам не составит, и нам пришлось возвратиться обратно в квартиру Бересток.

Несмотря на то, что отсутствовали мы довольно долго, я несколько не удивился, увидев поджидающего нас и ожидающего продолжения банкета Рифката. Поняв, что мы решили продолжить, он как по команде занял свое место за столом.

Здесь я посчитал, что назойливость этого человека уже перешла все границы, и взял застольную инициативу в свои руки. Абсолютно не обращая внимания на Рифката, я открыл бутылку и наполнил только две рюмки, свою и Слаvinу. Тут же от Славы последовал вопрос, мол, почему я обошел вниманием его тестя. На что я опять же, игнорируя присутствие Рифката, ответил Славе шутя и серьезно одновременно, что его тесть, скорее всего, *«или не хочет, или просто не будет, но одно из двух – это точно»*. Тут Рифкат возмутился в мой адрес в крик, мол, чего это я начал решать за него и вообще раскомандовался в чужом доме. И уже повернувшись лицом к Рифкату, я вполне спокойно ему сказал, что если он хочет выпить, то пусть идет в магазин и возьмет себе что-то на свое усмотрение, а то, что стоит на столе, куплено мной, поэтому я буду решать с кем мне этим делиться, а с кем нет. На этом я посчитал разговор с Рифкатом законченным, а его самого не стоящим своего дальнейшего внимания, и повернулся к Славе.

Мой аргумент само собой был железным, и даже ради приличия Славе в поддержку тестя при всем желании сказать было бы нечего. Чабаров наверняка это тоже понимал, но пьяное нутро не желало с этим соглашаться. Он замолчал, но я ощущал со стороны, что внутри он вскипает.

Рифкат сидел на табурете слева от меня, его я наблюдал лишь краем бокового зрения, поэтому я не видел конкретно, в чем заключались его намерения. Лишь уловив сбоку резкое движение, я среагировал, чуть отклонившись в сторону, и тело Чабарова, пролетев мимо, рухнуло на пол между плитой и столом. Это произошло так быстро, что Слава сразу не понял что к чему, потом уже оживился и начал поднимать тестя. И Рифкат не ожидал такого поворота событий. Пока он вставал, я нравоучительно ему сказал, что не стоит крушить мебель на чужой кухне, а если он желает как-то выразить мне претензии, то может пригласить меня выйти в подъезд. Тут Чабаров оживился, вскочил и закричал: *«Пошли!»*, потом первым вышел из кухни.

Из квартиры он тоже вышел первым, прошел пару шагов и резко развернулся ко мне. Здесь даже долго просчитывать все возможные варианты его дальнейших действий было не нужно, тем более мне не хотелось вообще занимать время его персоной. За этот вечер он уже порядочно надоел, здесь моему терпению можно было завидовать, сколько всего я от него спокойно выслушал за вечер. Несильный удар в голову, Рифкат не упал, но потерял координацию и привалился к стене. И я здесь не пытаюсь приукрасить проявленную лояльность – человек пятидесяти килограмм веса после трех бутылок водки пополам устоял после удара на ногах – это уже само за себя говорит о силе удара. Какой-то реакции или слов у меня ждать намерения не было, поэтому я сразу зашел в квартиру и вернулся на кухню к Славе. Тот у меня поинтересовался где тесть, я ответил, что он остался размышлять над своим поведением. Настроение пошло в минус, но все было еще впереди.

Чабарова не было минут десять. Даже не берусь предполагать, что он все это время делал и был в подъезде или в квартире, ибо, зайдя на кухню, дверь я закрыл. И вдруг дверь резко распахнулась, он буквально влетел и бросился на меня. Я в этот момент стоял практически у окна, лицом к нему, но я не уловил момента, когда Чабаров мимоходом схватил со стола нож. Лишь потом, когда он повторил свое предыдущее падение на пол, рядом сбрыкал нож, который ранее лежал на столе, а на руке у меня был неглубокий порез. Поднявшись, он опять кинулся и с моей помощью снова отлетел в другой конец кухни.

Эти прыжки продолжались минут пять и сопровождались его криками, в основном нецензурного содержания. Слава, то ли сидел как изначально, то ли стоял возле стола. Я видел лишь, что он поднял нож с пола, собрал вилки со стола и закинул все это в шкаф. В очередной из бросков Рифката на меня, я буквально за шкуру выбросил его из кухни. Не давая ему встать, я просто прижал его ногой к полу в коридоре, но успокаиваться он не собирался. Мне эти обезьяньи прыжки уже порядком надоели, тем более Чабаров реально в одно из своих падений, видимо, расшиб себе бровь, уже успел сам перемазаться в крови и норовил то же самое сделать с моей белой рубашкой. В момент этого пассивного противоборства в коридоре из своей комнаты выглянул младший Славин сын Максим и что-то закричал. С одной стороны я его понимаю, он не видел всего, что было до этого момента, и когда выглянул из комнаты перед ним предстала картина, где его дедушка лежит на полу, брыкается и орет матом, а дядя Паша удерживает его ногой и не дает встать. Но ведь потом же этот маленький отщепенец Чабаровых-Бересток будет в своих показаниях утверждать, что я на его глазах запинывал дедушку ногами, а тот лишь молча закрывался от моих ударов. Но как бы ни было, крик сына видимо чуть отрезвил Славу, он подошел ко мне и попросил отпустить тестя, мол, он сам его успокоит. Чабаров видимо тоже среагировал на появление Максима и, встав, больше попыток на меня броситься не предпринимал, а только продолжал поливать меня матом.

Я зашел в кухню и закрыл за собой дверь. Через несколько минут пришел Слава и сказал, что сводил тестя в ванную и теперь тот сидит в зальной комнате смотрит телевизор, и что сюда он больше не зайдет. Сев за стол, Слава, как оправдываясь, начал говорить, что подобное поведение тестя он видит впервые, и сколько он его знает, ничего даже подобного не было.

Но это было далеко не все. Минут через десять, мы услышали через закрытую дверь, что Рифкат в коридоре натягивает ботинки. В тот момент мысли у нас со Славой наверняка были похожие, что наконец-то его тесть нас покинет. Потом по звуку открылась входная дверь, но закрываться она не спешила. Было ощущение, что Чабаров раздумывает там, идти ему или нет. А спустя минуту раздался его крик: «Люди! Помогите! Убивают!», дверь с силой захлопнулась, был слышен сначала его топот по лестнице и все это время он орал, повторяя выше обозначенное. Потом уже мы эти крики слышали через открытое окно с улицы. Славин тесть явно бежал от дома и кричал не переставая: «Люди! Помогите! Убивают!». Вот тут уже у Славы даже рот от удивления открылся, он смотрел на меня с недоуменным видом, но видимо даже слов не находилось что-то сказать.

Буквально за пять минут до этого я уже собирался покинуть Славу, так как вечер не задался и интересной застольной беседы у нас уже бы не получилось. Но финальный выход Чабарова заставил меня остаться еще на какое-то время. Я так и сказал, мол, этот дурак сейчас по дороге наткнется на машину ППС, наплетет невесть что и приведет их сюда. Слава хоть и соображал, но все же был изрядно пьян, так что оставлять его с такой перспективой было бы нехорошо.

Но Чабаров, по всей видимости, уже минут через пятнадцать добрался домой, потому что Славе на мобильный позвонила теща. Что она ему говорила я не слышал, он пытался ей что-то объяснить, насколько позволяло его состояние, но она похоже не давала ему и слова сказать, а потом сама оборвала разговор. Еще через какое-то время Славе позвонила Галя. Вероятно, после короткого разговора с зятем Наталья позвонила дочери и изложила ей какую-то версию произошедшего. Опять же Слава начал несвязно объяснять что-то, но тут уже я взял у него телефон и рассказал Гале, как происходили события. Выслушав меня, она не проявила ни капли недоверия, а наоборот высказалась негативно в адрес отчима, мол, обычно нехорошо он себя ведет когда пьяный.

После этих телефонных звонков поводов оставаться в доме Бересток уже не было, тем более Слава начал раскисать окончательно. На прощание он как мог высказался, что сожалеет, что так все вышло. На этом мы и расстались.

– 2 —

История получила свое продолжение через три недели. В аккурат на Рождество ближе к вечеру мне позвонил Слава и начал мне что-то несвязно говорить. Я лишь понял, что речь идет о его тесте и о каких-то проблемах. Уточнив, что он находится дома, я сказал, что подъеду к нему через часок, поскольку сейчас немного занят.

В дом Бересток после декабрьских событий меня нисколько не тянуло. Поэтому я на подъезде к Славе позвонил ему и попросил выйти на улицу. Ждать он себя не заставил, я подъехал, он сел ко мне в машину и начал, как я позже понял, заготовленный монолог.

Уже минуты через три его рассказа я начал невольно улыбаться. Поведал он мне замечательную историю о том, что оказывается после того декабрьского вечера у его тестя тяжкие телесные повреждения: проломлен череп, сломаны ребра, повреждены хрусталики глаз, отбиты почки и что-то еще, сейчас уже весь тот мнимый диагноз не упомяну. Заключил Слава свой рассказ умозаключением, что что-то надо делать. Я уже понимал к чему он клонит, а он хоть и был снова пьян, но внимательно смотрел на мою реакцию от услышанного. Мне было реально весело от того, что Слава в самом деле говорил это с видом, будто бы верил во все сам. Наконец я с серьезным сочувственным лицом цинично сказал ему, что очень сочувствую его тестю, но при чем тут собственно я и что Слава хочет от меня. Видимо получилось правдоподобно, потому как Слава даже оживился и изрек: *«Как? Ты разве ничего не помнишь? Это же ты так его тогда! Там уже уголовное дело возбуждали. Тебя посадят! Надо что-то делать!»*.

Вот врожденное у меня неприятие, когда чувствую, что из меня пытаются идиота сделать. Потому уже вполне серьезно сказал Славе, что тем вечером пьяных идиотов, которые могут ничего не помнить, было всего двое – это он со своим тестем. И обожрались водки они в большей мере без моего участия. А еще добавил, что понимаю к чему ведет Слава и хочу от него услышать, кто именно придумал всю эту историю с тяжкими телесными повреждениями и отправил его ко мне нагнать всю эту надуманную жуть. Слава лишь ненадолго задумался, он не ожидал такого поворота разговора и сразу «поплыл». Сказал, что сам он ни при чем, это все теща с тестем придумали, и в основном теща, а он с ней ссориться не хочет, потому просто передал мне, что они хотели. Типа тестю стало обидно за тот вечер, и они решили таким образом разжиться на мне деньгами. А Слава с Галей ничего против меня не имеют, им ничего от меня не нужно.

Продолжать разговор, собственно, было не о чем. На прощание я сказал Славе, что поражаюсь откровенной наглости его родственников. Если они что-то хотят от меня, то адрес городского УВД им должен быть известен, вот там и пусть рассказывают свою занимательную историю о тяжких телесных повреждениях. А если уж у наших органов ко мне возникнут вопросы, то я с удовольствием на них отвечу. На этом мы со Славой и разошлись.

– 3 —

Через несколько дней я уже забыл и про Славу, и про его родственников. Озадачиваться его полупьяным рождественским бредом уж точно поводов не было. Но в середине февраля себя неожиданно и, более того, неадекватно начала проявлять себя Галя Бересток.

Формально она у меня значилась в списке «друзей» социальной сети «Одноклассники». Формальный запрос в свое время, формальное добавление в «друзья» и не более того, общения какого-либо там никогда не было. И тут неожиданно я начинаю получать от нее сообщения. Сначала она мне написала что-то типа: *«Ну и что ты прячешься?»*. К подобному вопросу, ввиду его непонимания, я отнесся без эмоций, что ответил я уже не помню, но отреагировал как на шутку, которую не понял. Спустя несколько дней сообщение было уже немного подлиннее, типа: *«Милиция тебя уже ищет и рано или поздно найдут!»*. Тут я уже смекнул, что, похоже, Галя пишет под алкогольным влиянием, иного просто предположить было невозможно. В ответ посоветовал быть разборчивее с курительными смесями.

Ну, а что мне еще думать, если люди, у которых, как мне доподлинно известно, мой номер мобильного забит в телефоне и которые знают адрес моего проживания, пишут мне по Интернету про какие-то поиски.

В последнем сообщении, которое я от нее получил, говорилось, что ее мама собирается обклеить моими фотографиями все автобусные остановки в городе. Тут, кроме предложения выслать фотографию получше, больше ответа не нашлось. При упоминании мамы я вспомнил наш последний разговор со Славой и пришел к выводу, что теперь Галя, видимо по договоренности с мамой, решила как-то меня задеть таким образом. После этого я просто удалил ее контакт из «друзей» и заблокировал. А для себя решил на будущее вообще ни при каких обстоятельствах больше не идти ни на какие контакты с этой семейкой.

— 4 —

В двадцатых числах марта мне позвонил никто иной, как Дима Билан. Я, конечно, был несколько удивлен его услышать, но отвечал на звонок, будучи немного занят, поэтому слишком любезничать времени не было. А вот он как раз как будто растягивал удовольствие, и позитивный настрой в его голосе об этом свидетельствовал.

Сначала он спросил, нахожусь ли я в городе, потом поинтересовался как у меня дела, на что я автоматом ответил, что живу только за счет его молитв. После этого он уже полусмехом сообщил, что, мол, перед ним лежит постановление о моем розыске и он весь в раздумьях, посылать ли ко мне опергруппу по месту жительства или делать что-то еще. Даже не задумываясь, шутит ли он, я тут же поинтересовался кто является инициатором розыска. И тут же удивился по-настоящему – постановление на розыск вынесено мировым судьей Игорем Галютиным.

Галютины были моими соседями по даче, прямо напротив по четной стороне улицы. И общался я с ними довольно близко. Хотя, конечно, основными дачниками были Саша с Натальей, родители Игоря, но и с ним время от времени мы перекидывались кроме приветствия какими-то фразами. То, что единственное чадо моих соседей недавно было назначено мировым судьей, я конечно знал. Но, наблюдая за Игорем в кругу семьи, в которой причем царил матриархат, он не ассоциировался у меня с государственным служащим.

Услышав от Билана фамилию Галютина, как инициатора розыска, я выдал вслух мысль, мол, неужели я Игорю лопату не вернул особо ценную в его семье, что он такими методами со мной контакта ищет. Билан меня сначала не понял, пришлось объяснить ему про дачное соседство, и тут уж он сам удивился.

Зная примерно, что собой представляют подобные постановления, я спросил у Димы, а что еще значится в бумаге, с чем связан розыск. На что он мне ответил, что это какое-то дело в мировом суде, связанное с каким-то избиением, и тут же мне назвал фамилию «Чабаров». Фамилия мне эта опять же ничего не сказала – Рифкат для меня всегда был Витей, а девичья фамилия Гали была другой. Но я уже был почти убежден, что бумага за подписью Галютина была связана именно с семьей Бересток.

Выслушав Билана, я сказал ему, что завтра обязательно навещу Игоря Галютина и уточню у него моменты, почему он сбился с ног, меня разыскивая, хотя, очевидно, что начальнику угрозыска, чтобы меня найти, было достаточно набрать номер. Хотя мою фамилию Игорь мог и не слышать ранее, и с соседями по даче она закономерно могла не ассоциироваться.

Билан пытался мне навязать, что лучше бы было чтобы мы с ним поехали к Галютину вместе, на что я сразу же ответил, что «нафига козе баян», и что похоже разговор с Игорем у нас будет очень интимный, где Билан будет лишним. Нехотя, но возражать Дима не стал, хотя и попросил меня ему позвонить после моего посещения судьи Галютина. На этом мы разговор и закончили.

Отступая от повествования и забегаю вперед, скажу, что именно этот самый факт, информация о том, что между мной и Чабаровым существует судебная тяжба, даст Диме Билану повод фантазировать по поводу моей причастности к взрывам и убеждать в этом же свое руководство. Именно Билан, не зная ничего о течении дела в мировом суде, своим поганым языком фактически «назначит» меня обвиняемым по уголовному делу и инициирует самое начало беспредела, который продолжится дальше уже по цепной реакции.

– 5 —

К судье Галютину я поехал на следующее утро после разговора с Биланом. Игорь сначала просто удивился, увидев меня ожидающего его в суде, а когда я назвал свою фамилию и обозначил цель визита, он удивился еще больше. *«Что ж, ты Игорь Александрович, через дачный забор мне крикнуть не можешь, что я тебе понадобился? Людей отрываете от работы, а они мне называют».*

По поводу постановления о розыске и по сути дела Игорь объяснил следующее. Мол, в середине января поступило заявление с просьбой привлечь к уголовной ответственности Трушникова П. В. по факту причинения легкого вреда здоровью гражданину Чабарову. В заявлении был указан адрес и телефон Трушникова, но по ним найти его не удалось, потому то судья Галютин и поручил уголовному розыску найти этого самого Трушникова.

Текущее недоразумение было улажено, Галютин ознакомил меня с правами подсудимого по делу, выдал мне копию заявления Чабарова с приложением ^[24], я оставил свои данные и отправился восвояси ожидать вызова в судебное заседание.

По выходу из здания мирового суда я не забыл позвонить Диме Билану и сообщить, что постановление о моем розыске он может приладить в рамочку и повесить у себя в кабинете для красоты, ибо оно стало сплошь неактуальным. Он порадовался, что все хорошо разрешилось, хотя и думаю, что перезвонил после нашего разговора Галютину для подтверждения моих слов.

В своем заявлении Чабаров указал, что в ходе совместной пьянки и словесной ссоры я нанес ему удары руками, чем причинил легкий вред здоровью. Хотя уже в первом же судебном заседании Чабаров забудет, что он писал в заявлении, и будет утверждать, что я запинывал его и ногами.

А прилагалась к заявлению справка за красивой подписью врача-травматолога Славы Пягая, где он кроме ушибов ставит еще и диагноз «сотрясение мозга». Расширил, однако, Пягай свою квалификацию, ставя такие диагнозы. Также в справке указывалось, что данные были получены в результате посещения Чабаровым городской поликлиники 18 и 19 декабря. Это видать настолько Слава хотел помочь Чабарову, что на ночь глядя в воскресенье пришел на работу принять пациента. Более того, Пягай тут же в справке примерил на себя еще и роль судмедэксперта, заключив со ссылкой на нормативные документы, что пациенту нанесен легкий вред здоровью.

Такие бумаги мне очень понравились, от них за версту пахло «липой», и у меня даже проснулся определенный азарт к этому делу. Уже на том этапе я примерно представлял, как уличить Чабарова во лжи, но особо торопиться было не нужно.

Через пару дней позвонила помощница Галютина и сообщила, что судебное заседание назначено на 17 апреля, и очень желательно, чтобы до этой даты я подъехал и расписался за повестку.

– 6 —

Вспоминая великолепную актерскую работу Чабарова в прошедшем декабре, ожидать от него в суде можно было любых провокаций. Окажись мы с ним один на один, и потом могло оказаться, что я избивал его прямо в здании суда, или того хуже покушался на его жизнь. И, учитывая подобную возможность, я попросил составить мне компанию в суде моего старин-

ного друга Михаила Горскова, которому я сразу объяснил, что в его задачу входит видеть, слышать и запоминать все происходящее в суде. Случись какая-то неординарная ситуация, из него бы получился бы объективный свидетель – все же он преподаватель ВУЗа.

Но вышеуказанные ожидания были напрасными. Чабаров в суд явился в сопровождении почти всей родни – Галей с сыном Максимом и супругой Натальей. На мою дежурную вежливость все, кроме самого частного обвинителя, который демонстративно отворачивался, ответили такой же дежурной вежливостью. Хотя спустя два года Наталья будет говорить, что я в суде вел себя по-хамски, кричал на них и обещал всех посадить. Правда, следом Галя уже эти слова не подтвердит, а опишет нечто близкое к тому, как происходило в действительности.

Но до того как мы обменялись любезностями, когда я только зашел в суд, то увидел вместе с ними одного из тобольских адвокатов Альбину Петрову и сначала сделал вывод, что они решили воспользоваться услугами профессионала, чтобы избежать ошибок. Но, однако, я ошибся, Альбину назначил ко мне в защитники Галютин, о чем она, подойдя, сообщила мне сама.

В услугах адвоката я не нуждался, о чем сказал ей сразу, но коли судья считает необходимым присутствие защитника, то я против не буду, главное, чтобы защитник не создавал помехи. Но первые сомнения в своем адвокатском рвении Альбина Петрова заронила сразу же, начав непринужденно меня убеждать, что лучше уладить конфликт какими-нибудь другими путями, не доводя до приговора, ибо он может быть суров и потом будет поздно жалеть, что дело не решилось иначе. Другими словами как бы предлагала: *«А давай дадим Чабарову денег и замнем дело»*. Выслушал я ее с улыбкой, сказал, что суд покажет, что и как правильно.

В начале судебного заседания Чабаров сразу же заявил гражданский иск на компенсацию морального вреда. Общая сумма иска была двадцать три тысячи рублей, три из которых значились расходами на составление искового заявления. Да чтоб скряга-Чабаров отдал три тысячи за бумажку текстом в пол-листа! Я попросил о возможности ознакомиться с представленными документами, и даже почти не удивился, увидев в адвокатской квитанции за составление искового заявления имя Юли Козыревой, ныне Сеитовой, а в девичестве... Петровой. Родной дочери присутствующей и якобы меня защищающей Альбины Петровой. Теперь расклад, кто на чьей стороне играет, становился ясен. Но какой-либо угрозы от Альбины я не ощутил, потому и не подал виду, что в курсе этой тайной коалиции ^[25].

При даче показаний Чабаров наговорил много лишнего не в свою пользу. Его просто подрывало выставить меня в более негативном плане, а себя в более страдальческом. Так, кроме моментов жестокого избиения ногами, добавилось, что он лечился у врача, посещал процедуры и находился три недели на больничном ^[26].

Я подозревал, что у Чабаровых, по всей видимости, кто-то есть в городской поликлинике, раз у него с легкостью появилась малоадекватная справка за подписью Пягая. И одно дело уличить его во лжи, опровергнув слова (от этого можно как-то отговориться), другое дело – фиктивные документы, представленные в суд. Поэтому я нашел предлог и в следующее судебное заседание, 25 апреля, инициировал судебный запрос дополнительных документов из поликлиники, будучи почти уверен, что и тут хорошие знакомые Чабаровых тоже проявят себя. Ходатайство в этом Галютин удовлетворил. И с затребованными документами я смог ознакомиться уже 16 мая.

Увиденное превзошло все ожидания. Документ из городской поликлиники состоял из двух листов. На первом, бланке городской поликлиники, за подписью главврача сообщалось, что судье Галютину направляется выписка из истории болезни пациента Чабарова. А на втором листе шли различные диагнозы (от ушибов до сотрясения мозга), говорилось о проведенном интенсивном лечении и листке нетрудоспособности ^[27]. Расписано это было так деятельно и убедительно, что сторонний человек навряд ли бы засомневался в правдивости этого

документа. Но вот подписана эта выписка была все тем же травматологом Славой Пягаем, как лечащим врачом, и заведующей хирургическим отделением (фамилию упоминать не буду, этот человек может быть и вовсе знать не знал об этом документе). Абсурд заключался в том, что в поликлинике не существует хирургического отделения, а вот лицо, указанное, как его заведующая, существовало реально, только заведовало таким отделением в областной больнице. Ну и, конечно же, бумаги не были заверены, не только канцелярией поликлиники, а вообще никакой печатью. И это заметьте, не бумажка, которую принес Чабаров, а направленная из поликлиники бумага на судебный запрос.

Ознакомившись с документами, я сделал для себя, с учетом вышесказанного, определенные выводы. Далее Галютин назначил судебно-медицинскую экспертизу, при этом Чабаров немного напрягся, но не возражал. Подобная экспертиза в делах о причинении вреда здоровью является обязательной, вред и его степень должны быть установлены судмедэкспертом, и я об этом знал. Но существуют определенные правила и принципы проведения такой экспертизы, про что в силу своей судейской неопытности, по всей видимости, не знал Галютин. Например, о том, что на обследование эксперту обязательно представляется само лицо, в отношении которого проводится экспертиза. Однако же, Галютин отправил экспертам только одни бумаги. А я в свою очередь заявил ходатайство, в котором указал дополнительные вопросы экспертам и заявил о желании участвовать при проведении экспертизы. Данное ходатайство Игорь также удовлетворил.

В принципе, что примерно будет написано в заключении, я знал заранее. Тем более, здесь уже я мог не сомневаться в честности эксперта. Подобными экспертизами занимался судмедэксперт, а по совместительству хирург, Виталий Папинен, человек безупречной репутации. Именно он оперировал меня в начале 2005 года и, скорее всего, я даже обязан ему жизнью.

Но человеческое любопытство все же не давало покоя, и я попросил кое-кого из знакомых проинформировать меня, когда экспертиза будет проведена. Точнее сказать, когда появится заключение. О том, что меня никто никуда не пригласит, я тоже знал заранее. И уже в первых числах июня я владел информацией о заключении судмедэксперта. «*Вред здоровью установить невозможно*» – это единственный вывод, который мог сделать эксперт из всего представленного Галютиным. И это уже само по себе исключало то обвинение, которое инициировал в отношении меня Чабаров ^[28].

Я же время даром тоже не терял. Используя различные знакомства и связи, я негласно получил информацию по Чабарову из Медстраха и ФСС.

Это лишь Рифкату и его супруге могло наивно казаться, что достаточно слова любого медика, изложенного на бумаге, и не будет никаких сомнений в том, что человек посещал врача и имеет соответствующие диагнозы. Однако, система медицинского страхования у нас устроена таким образом, что любое соприкосновение человека с медициной отражается в реестре страховой компании. Как и следовало ожидать, Медстрах был только в курсе того, что гражданину Чабарову 18 декабря 2011 года осуществлялся вызов «скорой», он был доставлен в приемное отделение областной больницы и там был проведен первичный осмотр. Более, ничего из того, о чем говорил Чабаров в суде и что было написано в справках травматологом Пягаем, в реестре страховой компании обозначено не было. Даже данных о приеме того самого травматолога. В свою очередь Фонд Социального Страхования не обладал информацией ни о каких больничных листах Чабарова в конце 2011 года.

Вот это уже было что-то. Информацию из таких органов оспорить нереально, и она конкретно подтверждала, что частный обвинитель представляет в суд заведомо ложные сведения и доказательства обвинения. Дело оставалось за малым – запросить в суд эти сведения официально, и я считал, что в подобном ходатайстве Галютин мне не откажет.

Но встретиться с Игорем Галютиным в судебном заседании нам уже было не суждено. Он был назначен судьей по гражданским делам в Тобольский городской суд, а наше дело частного обвинения было передано мировому судье Шишкину. Он лишь недавно начал работать в Тобольске, ранее работал в суде Вагайского района, поэтому я его не знал вообще ни с какой стороны.

Следующее судебное заседание было назначено на 6 июня, о чем за пару дней до этой даты сообщила по телефону помощник мирового судьи. Но, приехав в суд в назначенное время, я узнал, что заседание не состоится, так как с экспертизы не вернулись направленные туда бумаги. Помощник судьи выдала мне повестку на 13 июня. Но и в этот день заседание не состоялось по тем же причинам. Мне это казалось странным, потому что по моим сведениям уголовное дело с заключением эксперта покинуло бюро судмедэкспертизы еще 2 июня, и было непонятно, где оно могло потеряться в одном городе в пути до мирового суда.

Очередной датой заседания было обозначено 19 июня. Но за день до этой даты последовал звонок от помощника мирового судьи, которая сообщила, что заседание снова откладывается, но уже по другой причине. Мол, частный обвинитель заявил ходатайство отложить судебное заседание в связи с неожиданным отъездом. Теперь установленной датой следующего судебного заседания было 5 июля, и помощник судьи просила меня до конца месяца подъехать, чтобы получить повестку.

Но по стечению обстоятельств на 22 июня у того же мирового судьи Шишкина должно было рассматриваться административное дело о якобы совершенном правонарушении моей супругой. Я собирался представлять ее интересы в этом заседании, поэтому специально ехать за повесткой мне бы не пришлось. Я лишь уточнил у помощника судьи, нет ли каких-то изменений в графике судьи Шишкина и состоится ли рассмотрение административного материала по гражданке Трушниковой. Помощник немного удивилась, что мы не просто однофамильцы, да еще, что обвиняемый по уголовному делу собирается участвовать в судебном рассмотрении по делу супруги в качестве защитника, а я еще пошутил, мол, вот такая у нас семья, сплошь одни уголовники.

Почти месяцем ранее доблестные сотрудники ГИБДД вменили моей жене нарушение Правил дорожного движения, наказанием за которое предусматривалось лишение водительских прав на несколько месяцев. Вменили необоснованно, но на месте не захотели признать свою ошибку, составили протокол с последующей его передачей на рассмотрение мировому судье. Административный материал в конечном итоге был передан мировому судье Шишкину. Чтобы облегчить процесс возвращения водительского удостоверения супруга заявила меня своим защитником по делу, как позволяет это сделать закон.

22 июня мы с женой поехали в мировой суд. Так уж сложились последующие события, что мое знакомство с судьей Шишкиным было первой и последней с ним встречей.

После того, как мы закончили общение по административному делу, Шишкин сам, обращаясь ко мне, сказал: *«А Вы же у меня обвиняемым по уголовному делу проходите? Оставайтесь, пожалуйста, мне нужно с Вами поговорить»*. Кроме получения повестки изначально никаких планов связанных с делом Чабарова у меня в тот день не было, а тем более я не планировал вне судебного заседания общаться с судьей. Видимо помощник сказала ему о нашем последнем телефонном разговоре, и, может быть, любопытство заставило его инициировать эту неформальную беседу. Супруга моя покинула кабинет Шишкина, а я, как он попросил, остался.

Разговор начал он сам, сказав, что просмотрел недавно уголовное дело, а сегодня увидел меня, и многое ему непонятно. Как я понял, по материалам дела ему представлялся портрет совсем другого обвиняемого. И тут же он проинформировал меня, что дело то можно считать законченным, так как по заключению экспертизы отсутствуют признаки состава преступления по предъявленному Чабаровым обвинению. На что я ответил, что мне не хотелось бы пока

заканчивать этот процесс и что очень бы хотелось доказать, что наш частный обвинитель врал в суде и напичкал дело подложными документами. И полагаясь на его судебное самолюбие, я спросил Шишкина, нравится ли ему, когда участники процессов обманывают суд. На это он спросил вполне серьезным тоном, а способен ли я объективно доказать то, о чем говорю. И я ему кратко изложил расклад про информацию из Медстраха и ФСС, а так же то, что я уже знаю, какой будет ответ на запрос в эти органы. Шишкин очень недолго поразмышлял и сказал: *«Ну что ж, заявляйте ходатайство, я удовлетворю. А там уже по факту официальных ответов на запросы будем думать, что делать с частным обвинителем»*. Эти слова привели меня в полнейший восторг. Мнение судьи мне уже было понятно, как и то, что последует в дальнейшем по ходу дела.

На этом мы с судьей Шишкиным закончили беседу, попрощавшись до 5 июля, потом я получил у секретаря ожидаемую повестку и покинул суд. Утро принесло двойной позитив – во-первых, административное дело можно было считать выигранным, а во-вторых, результат дела по лжецу и вымогателю Чабарову уже тоже очень хорошо просматривался.

Объективно и публично (а это значит, что на тот момент это было известно окружающим меня людям, помощнику мирового судьи и самому судье Шишкину) уголовное дело по обвинению меня Чабаровым в причинении легкого вреда здоровью находилось примерно в следующей стадии:

1. Обязательная для обвинения экспертиза была проведена и не подтвердила вреда здоровью, что уже исключало первоначальное обвинение. Правда, Чабаров об этом еще не знал.

2. 18 июня (или ранее) Чабаров заявил ходатайство отложить судебное заседание. Судья Шишкин ходатайство удовлетворил и назначил следующее заседание на 5 июля. Меня об этом проинформировала помощник судьи, а Чабаров не мог об этом не знать, как заявитель ходатайства. И можно считать, что мне было доподлинно известно, что предположительно до 5 июля Чабаров будет отсутствовать в Тобольске.

3. Был конкретный план сделать из частного обвинителя Чабарова обвиняемого, подтвердив документами из Медстраха и ФСС использование им заведомо подложных документов в качестве доказательств по уголовному делу. Судья Шишкин об этих планах знал и негласно заранее был готов удовлетворить ходатайство о запросе этих документов.

Первый взрыв

О том, что вечером 21 июня в четвертом микрорайоне произошел взрыв, я впервые узнал через несколько часов после случившегося с форума «Тобольск-Инфо». Кто-то из завсегдатаев форума проявил интерес, мол, никто ли не слышал про взрыв, где женщине оторвало руку. Различных слухов, далеких от реальности, на форуме появлялось много, поэтому данное сообщение я просто пропустил мимо, не придав никакого значения.

На форуме сайта «Тобольск-Инфо» и меня можно было назвать завсегдатаем последних нескольких лет. Только в отличие от многих участников, для меня он был что-то типа развлечения. Дефицитом общения в жизни я не страдал, душа за городские проблемы тоже особо не болела, поэтому по большей части я поддерживал лишь общение на свободные темы с небольшой горсткой людей, которых в большинстве своем знал лично. История сообщений этого форума и сейчас доступна для просмотра любому желающему. И те сообщения, о которых я говорю, в том числе.

Целый день 21 июня мы с супругой провели на реке с удочками, потом был стандартный банный дачный вечер, поэтому ближе к ночи, как я выше уже сказал, обсуждать тему какого-то полумифического взрыва желанием не было.

На следующий день, 22 июня, мы, опять же с супругой, все утро провели в мировом суде, где я первый и последний раз встретился с судьей Шишкиным, лишь к обеду возвратившись домой на дачу.

Со вчерашнего дня на форуме добавилось сообщение от администратора, где он выложил ссылку на новостную ленту самого сайта «Тобольск-Инфо». Там сообщалось, что вчера вечером в четырнадцатом доме четвертого микрорайона произошел взрыв почтового ящика, в результате которого пострадала женщина 1950 года рождения. Подробностей как таковых больше не было. На фотографии к новости был запечатлен фасад подъезда с выбитыми стеклами. Непроизвольно в голове сразу как бы произошла некая фильтрация – кого из живущих в этом доме я знаю, и портрет гражданина Чабарова промелькнул в голове, как единственного на сей день из таких моих знакомых. И сразу же посетила мысль, мол, ладно что он в отъезде.

Обсуждать тему этого взрыва не хотелось. После событий 2005 года меня вообще темы взрывов и взрывных устройств немного напрягали. Точно так же, незадолго до этого, я не стал присоединяться к обсуждению серии поджогов электрощитов в подъездах домов того же четвертого микрорайона. И возможно на этом бы тема вчерашних событий и забылась, если бы ближе к вечеру мне не позвонил... Дима Билан.

День был пятничный, конец рабочей недели, и вечером я ожидал в гости двоих своих друзей, Макса Егорова и Павла Малкина. Топилась банька, дымил мангал, настроение было после мирового суда приподнятым.

Находясь на даче, телефон в кармане я почти никогда не носил, потому как сигнал сети в том районе слабый. Обычно он лежал где-то в доме, где звонки на него уверенно проходили, а я время от времени проверял его на предмет пропущенных вызовов, и перезванивал по ним в случае необходимости. Так и в тот вечер, взяв в руки телефон, я увидел пару пропущенных звонков с незнакомого городского номера. Тут же я набрал этот номер и с удивлением узнал в ответившем мне Дмитрия Александровича Билана. Знал бы заранее, что это его пропущенные звонки, то не стал бы перезванивать ^[29].

Начал Дима, как и в марте, снова с тех же самых дежурных вопросов – как у меня дела, чем живу и так далее в том же духе. Я, не тратя времени, сразу у него поинтересовался, мол, что, снова меня кто-то разыскивает или может какая-то другая цель его звонка. На что он просто ответил вопросом на вопрос, знаю ли я, что вчера произошло в городе. Здесь, наверно, даже дурак бы догадался, что Билан имеет в виду вчерашний взрыв, тем более что ни о каком

другом происшествии я не слышал. Но на всякий случай я у него уточнил, это ли он имеет в виду, и тут же прямым текстом спросил, какое отношение, по его мнению, я имею к случившемуся, если он мне звонит по этому поводу. Дима сменил тон на заискивающе-извиняющийся и объяснил, что ему приходится работать по этому взрыву, и начальство заставляет проверять всех, кто проходил по подобным делам.

Вот тут я буквально взбеленился. Билан почти прямым текстом намекал, что я могу быть причастен к чему-то такому, потому что семь лет назад кому-то на голом месте тоже захотелось видеть меня причастным к взрывным устройствам. Я начал грубить Диме и освежать память по делам минувших дней, что с меня не только были сняты все обвинения, но и уголовное преследование в отношении меня было признано незаконным областным прокурором. А это уже говорит о том, что ни к каким «подобным делам» я отношения не имею и не имел.

Билан прочувствовал весь мой накал и начал уходить в сторону от сказанного ранее. Мол, он то все помнит, но начальство не в курсе всех деталей, а тут кто-то произнес мою фамилию, и Диму озадачили этой проверкой. И вообще, очевидно, что какие-то шалуны переборщили с бомбочками, а дело обернулось серьезными последствиями.

Меня в какой-то момент пробило любопытство и я спросил у него, что там вообще взорвалось. На что он мне ответил, что самодельная бомба была в пачке сигарет, и, по всей видимости, к ней была приделана пара спичек, а к самому ящику приклеен чиркаш от спичечного коробка. И когда пострадавшая женщина доставала пачку, спички зажглись и бомба взорвалась. Сказанное им выразилось в голове в определенную картинку, я представил себе эту пачку со спичками и автоматически вслух сказал, что да, действительно, похоже на какую-то детскую бомбочку. Потом Дима начал снова с сожалением и ссылкой на начальство говорить, что зря меня потревожил. И я побыстрее закончил с ним разговор.

После этого звонка, я бы не сказал, что у меня изменилось настроение, но прочно засело внутреннее возмущение, которым я поделился наверное с каждым, с кем разговаривал в тот вечер. И с ребятами, которых ожидал в гости в первую очередь. Между делом в тему на форуме, где обсуждали взрыв, я так же добавил сообщение, так сказать поделился возмущенно со своими знакомыми, что позвонил мне некто из городского УВД и чуть ли не прямым текстом поинтересовался, не я ли этот взрыв организовал. Высказывание это обсуждением перевели в шутку на тему репутации. Это сообщение, кстати, тоже до сих пор присутствует в истории форума.

Еще через день, 23 июня, я общался со своей знакомой Леной Слинкиной через интернет-мессенджер. Чтобы не сложилось неправильного образа, поясню, что в жизни Лену гораздо чаще величали Еленой Леонидовной, была она женщиной предпенсионного возраста и бабушкой своим внукам. С ней мы поддерживали постоянное непринужденное общение и в общих чертах были в курсе, что друг у друга происходит в жизни. О рассматриваемом в мировом суде уголовном деле Лена тоже знала в подробностях, ей даже не терпелось поприсутствовать в судебных заседаниях, но проживание на левом берегу Иртыша в Савинском Затоне и забота о домашнем хозяйстве так ни разу не позволили реализовать ей данное желание.

Сейчас уже сложно вспомнить, с чего начался у нас разговор на эту тему, но обобщенно мы говорили и про позавчерашний взрыв, и про мой вчерашний разговор с Биланом, и про Чабарова, который живет в том же доме. Вообще, многие из слов того разговора, что высказывались в шутку, потом оказались почти пророческими. Недавние серийные происшествия ночных проколов шин автомобилей и поджогов подъездных электрощитов в четвертом микрорайоне навевали определенные мысли, и я высказался в отношении недавнего взрыва, что как бы это тоже не оказалось серией. И высказался с опасением именно в отношении Чабарова, мол, напрягает меня адрес происшествия, как бы не продолжились эти взрывы, ведь наш лжепотерпевший живет по соседству, а в суде у нас сейчас начнется самое интересное.

Позднее, когда в отношении меня уже всю раскрутят карусель обвинений, Лена выложит эту переписку на форум, на всеобщее обозрение. Ну и конечно найдутся придурки, которые переиначат смысл разговора, и будут указывать на то, что я прямым текстом говорил про продолжение взрывов. Все эти записи так же присутствуют в истории форума, и в свое время мне было очень интересно почитать, что говорили обо мне люди, с которыми я общался ранее. Как говорится, это был первый момент истины, показывающий мне, кто есть кто на самом деле.

На этом, можно сказать, все мысли по поводу первого взрыва в тот момент себя исчерпали. Через день о нем уже не вспоминал ни я, ни сообщество форума «Тобольск-Инфо». В последний раз в городе я побывал 25 июня, на улицах царили тишина и спокойствие. Причем провели мы там целый день всей семьей, потому как и у меня, и супруги накопилось немало дел. Там же, в нашей городской квартире, я сразу же подготовил ходатайства на планируемое судебное заседание, так как до 5 июля поездок в город не планировал, а печатающей оргтехники на даче у меня не было.

Второй взрыв

Утром 28 июня я находился на даче. Супруга уехала в город по рабочим делам, а мы с детьми проводили обычный досуг. Накануне вечером я уезжал на рыбалку и планировал остаться на реке до утра, но среди ночи началась гроза, которая спровадила меня домой. По возвращению на дачу, пока суд да дело, наступило утро, поэтому ночь у меня получилась бессонная. Начиная с ночи, шел дождь, а в ненастье мобильный Интернет работает в районе дачи очень плохо, поэтому данного вида связи с внешним миром в то утро я был лишен.

Примерно в половине десятого утра раздался звонок на мобильный. Телефон находился рядом, я посмотрел на входящий номер и почти не удивился, увидев мобильный номер Билана. Номер был у меня записан еще после его звонка в марте. В этот раз Дима обошелся без предисловий, сказал, что ему нужно со мной поговорить и спросил, не могу ли я подъехать прямо сейчас к нему в УВД. На что я ответил, что ни возможности, ни желания у меня нет, а коли ему невтерпех пообщаться, то может приехать ко мне на дачу. Я наивно рассчитывал, что у него не может быть ко мне что-то такого, что заставит его ехать за двадцать пять километров от города. Но он, недолго думая, сказал, что готов приехать и попросил объяснить как добраться. Отказывать ему было уж поздно, поэтому я вкратце объяснил район нахождения наших дач с подтекстом, что, оказавшись поблизости, он перезвонит еще.

В течение следующего часа он перезванивал еще несколько раз, уточняя местоположение нашей дачи. Несколько раз наш разговор прерывался из-за плохой работы мобильной сети, и ему приходилось набирать меня снова и снова^[30]. В одиннадцатом часу я увидел подъезжающую служебную машину ДПС. Билана сопровождал небезызвестный майор Деев, который был за рулем. По всей видимости, это был его служебный автомобиль.

Майор Деев мне был хорошо заочно знаком по новостной ленте сайта «Тобольск-Инфо». Он и его коллега старший лейтенант Рахимов были постоянными героями криминальной хроники. То раскрывали кражи и грабежи, то задерживали партии наркотиков – складывалось впечатление, что в городе с преступностью борются только Деев с Рахимовым, по чудовищной ошибке числящиеся работниками ДПС.

Билан с первых же слов начал говорить, что разговор ко мне не у него, а у его начальства, и начал уговаривать съездить с ним в УВД. Мол, займет по времени час-два максимум, потом он меня сам привезет обратно. Зато потом уже, после того как сами поговорят, никто не будет трепать нервы ни мне, ни Билану. Еще сказал, что из Тюмени приехал их генерал и заставляет всех усиленно работать, и что если я откажусь, то тот может и опергруппу за мной прислать. Вот это меня несколько не пугало, но решающим фактором, наверное, было то, что Билан попросил лично для себя, чтобы помочь в том, чем его озадачивают.

Я позвонил супруге, сказал, что отъеду на пару часов в город, и что дети остаются на даче одни. С кем и куда собрался ехать сказал также.

В машине, почти сразу как мы отъехали от дач, Билан спросил, не слышал ли я никаких новостей сегодня. Я ответил, что нет, и он продолжил, сказав, что сегодня произошел еще один взрыв. И тут же спросил: «Угадай, кто является пострадавшим?». В какую-то долю времени я ему не поверил, но тут же понял, что говорит он вполне серьезно. Тут не нужно было долгих размышлений, чтобы догадаться, что мог иметь Билан в виду. Я лишь уточнил, в том ли самом доме был взрыв или нет. И Дима подтвердил мои догадки, что дело напрямую касается Чабарова.

Сказать, что я был ошарашен этим известием, значит ничего не сказать. В голове быстро прокрутилось все, что было неделю назад, все разговоры и так далее. И меня неожиданно озарило – ведь Чабарова сейчас нет в городе, он должен приехать еще приблизительно через неделю. Я сказал об этом Диме и спросил, уверен ли он про Чабарова. Тот ответил, что ошибки

быть не может. Тут я, помню, с сожалением подумал о том, что, скорее всего, наше следующее заседание в мировом суде не состоится.

И тут уже во мне проснулось другое чувство. Ну, произошел взрыв, ну как-то там неожиданно попал под него Чабаров, но ко мне то какое отношение это имеет? Билан сказал на это, что они проверяют все версии, а у нас с Чабаровым существует судебная тяжба, тут он вспомнил наши разговоры в марте на тему розыска Галютиным. Тот момент, что Билан мне звонил неделю назад после первого взрыва, как бы забылся, мы говорили лишь о Чабарове. Далее я вкратце объяснил Диме, что и как у нас обстоит в мировом суде, и что потерпевшим там Чабарову числиться осталось недолго. Он меня выслушал и сказал, что если дело действительно обстоит так, то волноваться не о чем. Мол, сейчас приедем в УВД, я расскажу все это его начальству, и подозрения потеряют свою актуальность. На этом я немного успокоился.

Но по приезду в УВД события начали разворачиваться совсем не так, как мне до этого расписывал Билан. Сначала он оставил меня один на один в кабинете с каким-то вдрызг пьяным опером. Тот начал меня, как испорченный патефон донимать одним и тем же вопросом: *«Зачем ты хотел взорвать Уткина???»* и вел себя довольно агрессивно. Когда Билан вернулся в кабинет, я сказал ему, чтоб он убрал отсюда это пьяное хамло, иначе добром дело не кончится, если тот опер решит позволить себе что-то лишнее. После этого Билан перевел меня в другой кабинет. Фаилия Уткина мне вообще ни о чем не говорила, я не мог понять, причем здесь какой-то Уткин, если ранее говорилось про Чабарова.

В другом кабинете у меня, можно сказать, появился охранник. Я уже не помню как его звали по имени, парень в гражданской одежде просидел со мной несколько часов в кабинете и сопровождал меня, если мне нужно было выйти в туалет. Фактически, это признак того, что человек лишен возможности свободно передвигаться, а значит является задержанным. В таком положении, надо считать, я находился с одиннадцати часов дня.

Кроме моего сообщества с вышеназванным охранником до самого позднего вечера периодически приходили разные люди, чаще всего с блокнотами, и начинали задавать мне различные вопросы, начиная от анкетных данных, до конкретных: *«Зачем минировал? Зачем взрывал?»*. Это мне порядком надоело и потом я просто начал игнорировать таких людей, прямо говоря, что если нужно меня опросить или допросить, то пусть это делают под протокол, а от пустых разговоров я устал. Недосыпание тоже делало свое дело, и я бы лучше с удовольствием пошел в камеру ИВС, чем попусту сидеть в кабинете. Но мои вопросы, долго ли мне здесь еще находиться, попросту игнорировались.

Ближе к ночи пришел заместитель начальника УВД, начальник местной полиции Игорь Беир. Личность показательно добродушная, но поганеньким от его улыбающейся физиономии несло за версту.

Вообще, он представился просто Игорем Владимировичем, начальником управления уголовного розыска ГУВД области. Сталкиваться ранее мне с ним не приходилось, поэтому, кто он такой в действительности, я на тот момент не знал. Здесь и далее я буду упоминать имена и события, которые возможно стали мне известны позднее.

Беир начал с того, что внимательно изучил мои руки. Что он хотел увидеть – обожженные ладони или оторванные пальцы профессионального взрывника – так и осталось мне неясным. Потом он начал со мной беседовать. Подробно расспросил про обстоятельства судебного процесса с Чабаровым, про то, как и где я сейчас живу. А потом перешел вопросами к обстоятельствам дела 2005 года. Тут я просто отправил его к областному прокурору, чтобы тот ему объяснял, почему он посчитал уголовное преследование в отношении меня незаконным. Далее, у него и вовсе вышло какое-то детство и он озвучил вывод: *«Ну ладно, Чабарова не ты взрывал, но та бомба 2005 года это твоих рук дело!»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.